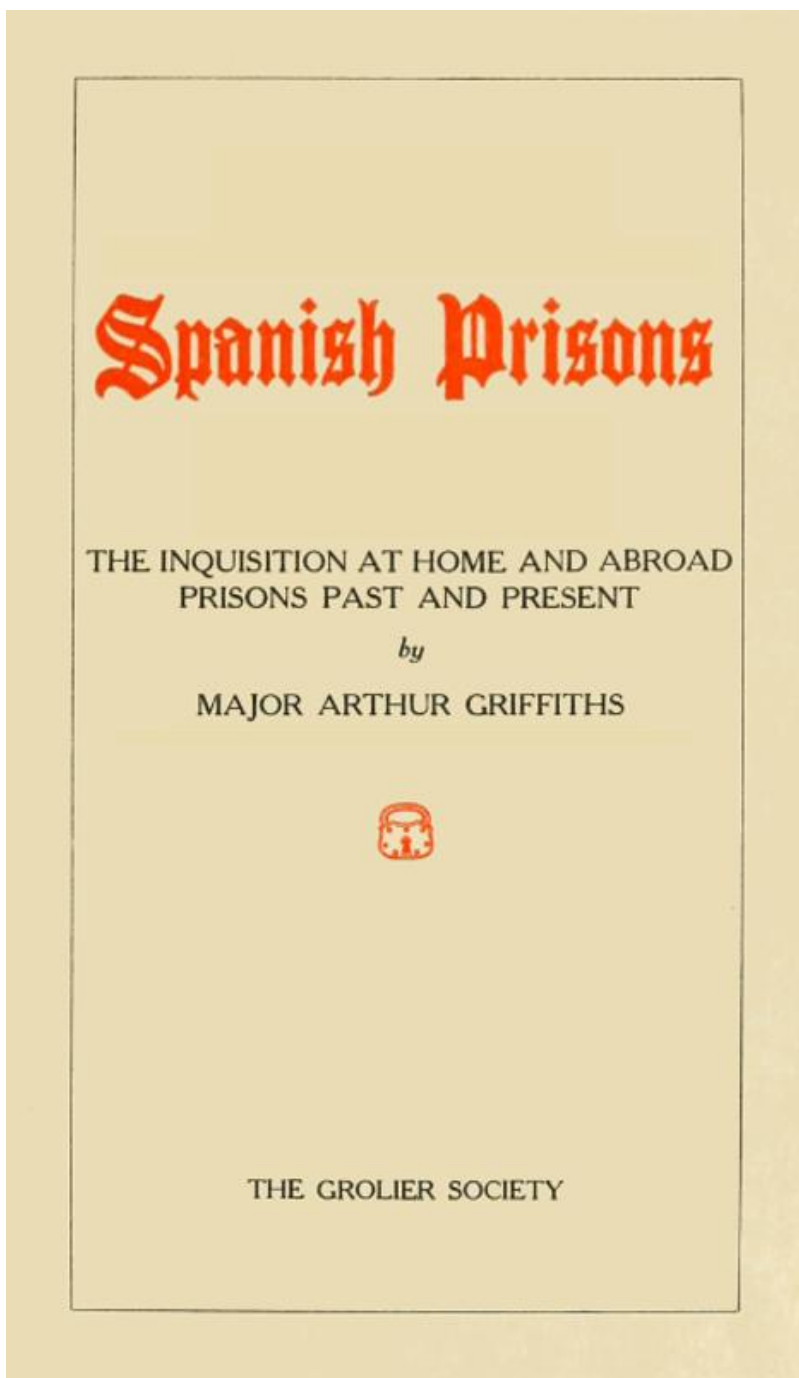

Испанские тюрьмы. Инквизиция в стране и за рубежом, тюрьмы прошлого и настоящего

Артур Гриффитс

Электронная книга проекта "Гутенберг" об испанских тюрьмах

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Испанские тюрьмы

Автор: Артур Гриффитс

Дата выхода: 21 мая 2016 г. [Электронная книга № 52114]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Крисом Карноу, Кристофером Райтом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСПАНСКИЕ ТЮРЬМЫ" ***

История и романтика преступления

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН До НАШИХ ДНЕЙ

ОБЩЕСТВО ГРОЛЬЕРОВ
ЛОНДОН

Испанские тюрьмы

ИНКВИЗИЦИЯ В СТРАНЕ И ЗА РУБЕЖОМ
ТЮРЬМЫ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Автор МАЙОР АРТУР ГРИФФИТС

Покойный инспектор тюрем Великобритании

Автор книг "Тайны полиции и преступности", "Пятьдесят лет государственной службы" и др.

Генеральный инквизитор и католические монархи

Мандат на изгнание евреев из Испании был выдан Фердинандом и Изабеллой в 1492 году. Этот эдикт, без сомнения, был издан Торквемадой, который был очень озлоблен против евреев. Узнав, что некоторые из их лидеров совещаются с королем и королевой и предлагают огромный выкуп, Торквемада ворвался в зал, высоко подняв распятие и громко крича, что монархи собираются сыграть роль Иуды Искаротиота. "Вот Он!" - воскликнул он. "Продайте Его снова, но не за тридцать сребреников, а за тридцать тысяч!" - и, швырнув распятие на стол, он выбежал в бешенстве. Это изменило ситуацию, и указ о высылке был подтвержден.

ОБЩЕСТВО ГРОЛЬЕ

Испанские тюрьмы

ИНКВИЗИЦИЯ В СТРАНЕ И ЗА РУБЕЖОМ, ТЮРЬМЫ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Автор МАЙОР АРТУР ГРИФФИТС

Покойный инспектор тюрем Великобритании

Автор книги

"Тайны полиции и преступности"

, "Пятьдесят лет государственной службы" и др.

ОБЩЕСТВО ГРОЛЬЕ

НАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Количество ограничено одной тысячей зарегистрированных и пронумерованных наборов.

НОМЕР 307

Введение

Значительная часть этого тома посвящена испанской инквизиции, которая на протяжении трех столетий была самой важной силой в Испании. Тысячи людей были осуждены ее трибуналами, а ее тюрьмы и наказания составляют значительную часть уголовной истории этой страны. В популярные рассказы вкралось много преувеличений, но простая истина, должно быть, вызывает содрогание, когда читаешь ее сегодня.

Учреждение было создано для борьбы с ересью, то есть с отходом от принятых канонов. Идея о том, что в разнообразии может быть единство, не была понята. Духовная и светская власти были тесно связаны, и епископ и король, папа и император - все верили, что единообразие необходимо. Следовательно, ересь повсюду рассматривалась как государственная измена не только Церкви, но и государству. Испанская инквизиция была не только церковным судом, но и государственным делом.

Мы увидим, что юрисдикция инквизиции не ограничивалась подавлением ереси. Многие преступления, которые сегодня являются чисто государственными, тогда были наказаны им, включая двоеженство, богохульство, лжесвидетельство, противоестественные преступления и колдовство. Испанская инквизиция заслуживает похвалы за то, что предотвратила

преследование за последнее названное преступление и тем самым спасла жизни тысяч людей, которые в любом другом государстве были бы казнены.

Приспособление древних зданий для карательных целей, которые можно было найти по всей Испании вдоль и поперек, было очень распространенным явлением, поскольку они были доступны сразу, хотя в целом и непригодны. Главными из них являются многочисленные монастырские здания, освобожденные после того, как законы разогнали религиозные дома в Испании, и которые в основном были переоборудованы в тюрьмы, но мало заслуживают этого названия. Некоторые из этих домов использовались как тюрьмы в чистом виде; некоторые служили двум или более целям, как в Уэльве, где монастырская тюрьма также была казармой.

Испания медленно приспосабливается к движениям в направлении тюремной реформы. Она не могла позволить себе тратить деньги на новые конструкции в соответствии с современными стандартами, а внедрение системы сотовой связи произошло совсем недавно. Строительство образцовой мадридской тюрьмы, пришедшей на смену отвратительному Саладеро, было начато только в 1887 году. Но уже было создано несколько отдельных тюрем, таких как тюрьмы в Лохе, Понтеведре, Барселоне, Виттории и Навал Карнеро. Эти заведения являются новыми для Испании, но их методы и цели слишком хорошо известны, чтобы требовать нового описания. Большой интерес вызывают более старые формы, которые так долго служили местами отдыха.

Содержание

ГЛАВА	СТРАНИЦА
Введения	5
I. Инквизиция в Испании	11
II. Преследование евреев и мавров	32
III. Тюрьмы и наказания	63
IV. Инквизиция за границей	91
Против Инквизиция в Португалии и Индии	110
VI. Первые тюрьмы и заключенные	123
VII. Президиумы в Стране и за рубежом	150
VIII. Жизнь в Сеуте	182
IX. Разбойники и мародерство	212
X. Яркая страница тюремной истории	236

Список иллюстраций

Великий инквизитор и католические монархи	Фронτισпис
Дворца Альгамбра, Гранада	Страница 52
Вопрос	116
Замок Ово	150

ИСПАНСКИЕ ТЮРЬМЫ

ГЛАВА I

ИНКВИЗИЦИЯ В ИСПАНИИ

Начало и рост религиозных преследований—Светская власть папства—Папа Иннокентий III создает первых "Инквизиторов"—Доминго де Гусман, основатель инквизиции—Основатель Доминиканского ордена монахов—"Древняя" инквизиция—Наложенные епитимьи—Преследование евреев в Испании—Учреждение "современной" инквизиции при Фердинанде и Изабелле—Штаб—квартира в Севилье—Частые *автографы*—Томас де Торквемада, первый генеральный инквизитор—Привилегии должности—Жизнь Торквемады и характер—Страдания обвиняемых.

История религиозных преследований представляет собой одни из самых печальных страниц в мировой истории. Все началось с непосредственных преемников Константина Великого, первого христианского князя. Они издали суровые эдикты против еретиков с такими наказаниями, как конфискация, изгнание и смертная казнь за нарушение католического единства. В наш нынешний толерантный век, когда каждый может поклоняться Богу по-своему, трудно осознать, насколько недавно появилась толерантность. На протяжении более шести столетий пламя преследований яростно пылало по всему христианскому миру, разжигаемое сильной рукой закона, и солдаты постоянно были задействованы для искоренения несогласия с общепринятыми догмами огнем и мечом. Рост папства и установление светской власти возвысили ересь до уровня государственной измены; независимость мышления считалась противостоянием авторитету и сопротивлением вселенскому господству Церкви. Папы, сражавшиеся в целях самообороны, неустанно стимулировали рвение своих последователей искоренять ересь. Александр III в 12 веке торжественно провозгласил, что каждый светский князь, пощадивший еретиков, сам должен быть причислен к еретикам и причастен к одному общему проклятию.

Когда светская власть пап была полностью установлена и признана, папство провозгласило всеобщий суверенитет над всеми странами и народами и было в состоянии систематически применять его против своих врагов. Папа Иннокентий III, охваченный пылом своей нетерпимой веры, решил сокрушить ересь. Его первым шагом было назначение двух "инквизиторов" (первое употребление этого названия), и два ученых и набожных монаха, которые на самом деле были странствующими комиссарами, были отправлены объезжать христианский мир для выявления

ереси. Они были представлены всем епископам, которым было строго предписано принимать их с добротой, относиться к ним с любовью и "помогать им совратить еретиков с их ошибочного пути или же изгнать их из страны". Такой же помощи ожидали от правителей государств, которые должны были помогать инквизиторам с не меньшей добротой.

Миссия началась на юге Франции, и был предпринят крестовый поход против альбигойцев и вальденсов, тех первых диссидентов Римской церкви, которые навлекли на себя непримиримую враждебность ортодоксов. Кампания против этих первоначальных еретиков была яростной, но преследования ослабли и, возможно, прекратились бы, если бы не появление одного преданного фанатика, чья сильная ненависть к ереси, подкрепленная его бескомпромиссной энергией, возродила антилиберальный дух и организовала новые методы нападения. Это был Доминго де Гусман, испанский монах, сопровождавший Фулька, епископа Тулузского, когда он покидал свою опустошенную епархию, чтобы принять участие в четвертом Латеранском соборе, собравшемся в Риме в 1215 году. Этот Доминго, исторически известный как Святой Доминик, был основателем доминиканского ордена монахов.

Хотя церковные историки обычно признают это как таковое, в настоящее время утверждается, что святой Доминик на самом деле не был основателем инквизиции^[1] и что, хотя он потратил лучшие годы своей жизни на борьбу с ересью, он принимал не более заметное участие в преследованиях, чем сотни других. Его хвалебный биограф описывает его как "человека серьезной, решительной цели, глубоких и неизменных убеждений, полного горячего рвения к распространению веры, но при этом доброго сердца, веселого нрава и обаятельных манер.... Он был так же строг к себе, как и к своим товарищам.... Его бесконечные бичевания, его неустанные бдения, его почти непрерывная молитва, его сверхчеловеческие посты, вероятно, являются лишь безвредными преувеличениями истины ". Доминиканцы хвастались, что от их основателя исходил "аромат святости", и, когда его гробница была открыта, оттуда исходил восхитительный аромат, настолько пронизывающий, что им пропиталась вся земля, и такой стойкий, что у тех, кто прикасался к святым мощам, руки благоухали годами.

Каким бы ни был личный характер Доминика и трудился ли он сам над выполнением этой работы, не может быть никаких сомнений в том, что его Орден с самого начала был тесно связан с Инквизицией. Его члены назначались инквизиторами, они служили в тюрьмах исповедниками, они помогали трибуналам в качестве "квалификаторов", или лиц, назначенных для поиска доказательств вины или оценки масштабов или качества еретических мнений, выдвигаемых против обвиняемых; ими были организованы великие церемонии *иаутодафе*; они осуществляли "цензуру" и составляли "Указатель" запрещенных книг. Доминиканцы, несомненно, были самыми активными агентами инквизиции, и они были обязаны ему своим существованием, даже если он лично не принимал участия в ее разбирательствах.

Сюда вполне можно вставить следующую цитату из "Истории Фердинанда и Изабеллы" Прескотта. "Некоторые католические писатели были бы рады освободить святого Доминика от обвинения в том, что он основал инквизицию. Это правда, что он умер за несколько лет до совершенной организации этого трибунала; но поскольку он установил принципы, на которых он основан, и монашеское ополчение, которым он управлял, нет ничего несправедливого в том, чтобы считать его его настоящим автором ". Действительно, сицилийский писатель Парамо в своем тяжелом кварто прослеживает это до гораздо более отдаленной древности. По его словам, Бог был первым инквизитором, и его осуждение Адама и Евы послужило образцом

судебных форм, применяемых в судебных процессах Святой Канцелярии. Приговор Адаму был прообразом инквизиционного "примирения", его последующее облачение в шкуры животных было прообразом *санбенито*, а изгнание из Рая - прецедентом конфискации имущества еретиков. Этот ученый персонаж выводит преемственность инквизиторов через патриархов, Моисея, Навуходоносора и царя Давида вплоть до Иоанна Крестителя, и он даже включает нашего Спасителя, в чьих заповедях и поведении он находит достаточный авторитет для трибунала.

"Древняя инквизиция", как обычно называют ту, что впервые была учреждена в Испании, имела многие черты "современной", которая восходит ко времени правления Фердинанда и Изабеллы и которая сейчас будет описана довольно подробно. Его труды были окутаны такой же непроницаемой тайной, он использовал те же коварные способы обвинением, поддержал их же муки, и каламбур Богородицу их с аналогичными наказаниями. Руководство, составленное в четырнадцатом веке для руководства судьями Святой канцелярии, предписывает знакомые формы искусного допроса, используемые для поимки неосторожной, а иногда и невинной жертвы. Древняя инквизиция действовала по принципам, менее противоречащим правосудию, чем более известный, но столь же жестокий современный институт, но была менее масштабной в своей деятельности, потому что в прежние времена преследовалось меньше еретиков.

Древняя инквизиция была настолько беспощадна в своих действиях, что почти искоренила альбигойскую ересь. Наказания, которым она подвергала, были даже более суровыми, чем в современной. На тех, кто избежал костра и "примирился", как это называлось, налагалась ужасная "епитимья". Один из них цитируется Льоренте^[2] как изложено в постановлениях святого Доминика. Кающийся, согласно повелению, должен быть лишен одежды и избит священником три воскресенья подряд от городских ворот до дверей церкви; он не должен есть никакого мяса в течение всей своей жизни; должен воздерживаться от рыбы, масла и вина три дня в неделю в течение жизни, за исключением случаев болезни или чрезмерного труда; должен носить религиозную одежду с маленькими крестиками, вышитыми на каждой груди; должен посещать мессу каждый день, если у него есть для этого средства, и вечерню по воскресеньям и праздникам; должен читать службу днем и ночью и повторять заклинание семь раз днем, десять раз вечером и двадцать раз в полночь. Если он не выполнял ни одно из этих требований, он должен был быть сожжен как "рецидивист-еретик".

Главной из причин, породивших новую или "современную" инквизицию, были зависть и ненависть к евреям в Испании. Свежий материал был поставлен несчастной расой Израиля, давно обосновавшейся в стране и весьма процветающей. Они пришли в большом количестве после сарацинского нашествия, которому, как говорят, они действительно способствовали, и были приняты некоторыми мавританскими правителями почти на равных условиях, и к ним относились с терпимостью, редко встречающейся среди магометан, хотя случайные вспышки фанатизма делали их положение не совсем безопасным. Под этим в целом благоприятным покровительством евреи росли численно и приобрели значимость. Их замечательный инстинкт к зарабатыванию денег и безграничное трудолюбие принесли им огромное богатство. Их любовь к литературе и высокий интеллект обеспечили им превосходство в школах мавританских городов Кордовы, Толедо и Гранады, где они помогли сохранить пламя познания ярким и сияющим в самые темные века. Они стали известными математиками, образованными астрономами, самоотверженными работниками в области практической и экспериментальной науки. Их проникательность в государственных делах и финансовые способности привели их на

службу государству, и многие достигли высших гражданских чинов как при христианском, так и при мавританском дворах. Часто, несмотря на запрещающие законы, они собирали доходы и контролировали казначейства королевств Кастилия и Арагон, в то время как в частной жизни они имели почти неограниченный контроль над торговлей и владели большей частью используемого капитала.

После христианского завоевания их успех навлек на них зависть и ненависть их менее процветающих собратьев-подданных, которых также возмущала чрезмерная демонстрация одежды и снаряжения, к которой всегда был склонен еврейский характер. Их широко распространенная практика ростовщичества была еще более плодотворной причиной для отвращения. Часто давались займы крупные суммы, на которые взимались непомерные проценты из-за нехватки денег и большого риска потерь, присущего бизнесу. Целых двадцать, тридцать три и даже сорок процентов. взимался и выплачивался годовой доход. Всеобщая враждебность была такова, что фанатичное население, страдающее от чувства несправедливости, подстрекаемое не менее фанатичным духовенством, временами прибегало к насилию и яростно нападало на евреев в главных городах. *Иудерии*, или еврейские кварталы, были разграблены, дома лишены их ценного содержимого, драгоценные коллекции, драгоценности и мебель были разбросаны по всей стране, а несчастные владельцы были массово убиты, независимо от пола и возраста. По словам историка Марианы, только за один 1391 год пятьдесят тысяч евреев были принесены в жертву народному гневу.

Это был поворотный момент в истории Испании. Однажды возникший фанатизм не утихал до тех пор, пока все евреи не были изгнаны из Испании. Это привело к появлению еще одного класса - *конверсос*, или "новых христиан", *то есть* евреев, которые приняли христианское крещение, хотя, как правило, без каких-либо духовных изменений. В душе и в привычках они оставались евреями.

На закон также ссылались, чтобы усугубить их положение. Были приняты законодательные акты жестокого и репрессивного характера. Евреям запрещалось свободно общаться с христианами, их проживание ограничивалось определенными помещениями, на них распространялись надоедливые, роскошные правила, им запрещалось демонстрировать себя в одежде, им запрещалось носить ценные украшения или дорогую одежду, и они подвергались общественному презрению, будучи вынужденными появляться в отличительной, неподобающей одежде, знаке или эмблеме их социальной неполноценности. Им также было запрещено следовать определенным профессиям и призваниям. Они не могли изучать или практиковать медицину, не могли быть аптекарями, медсестрами, виноторговцами, бакалейщиками или владельцами таверн, им было запрещено выступать в качестве управляющих знати или фермеров или сборщиков государственных доходов, хотя, судя по неоднократным изменениям, эти законы, очевидно, не соблюдались строго, а часто в некоторых округах не исполнялись вообще.

Новое топливо в пламенные страсти евреев подливали непрекращающиеся обвинения в их ереси и опасном безбожии, а общественные чувства еще больше разжигались сильно преувеличенными историями об их отвратительных и нехристианских злоупотреблениях. Священник из Лос-Паласиоса подробно описал некоторые из них в своей "Хронике", и они послужат, если их процитировать, доказательством того, какие обвинения были выдвинуты

против еврея в его время. "Эта проклятая раса (израильяне), - говорит он, говоря о действиях, предпринятых для их обращения, - либо не желала приводить своих детей на крещение, либо, если и приводила, то смывала пятно по дороге домой. Они заправляли свое тушеное мясо и другие блюда маслом вместо сала, воздерживались от свинины, соблюдали пасху, ели мясо в Великий пост и посылали масло для пополнения ламп в своих синагогах во время многих других отвратительных церемоний своей религии. Они не питали никакого уважения к монашеской жизни и часто оскверняли святость религиозных домов, насилая или совращая их обительниц. Они были чрезвычайно политичными и амбициозными людьми, занимавшими самые прибыльные муниципальные должности и предпочитавшими зарабатывать на жизнь торговлей, в которой они получали непомерные прибыли, а не физическим трудом или механическим искусством. Они считали себя в руках египтян, обмануть и ограбить которых было заслугой. Благодаря своим нечестивым ухищрениям они накопили огромное богатство и таким образом часто могли вступать в браки со знатными христианскими семьями".

Протесты против евреев неуклонно нарастали. Духовенство громче всех выступало за борьбу с предполагаемыми мерзостями, и один доминиканский священник, Алонсо де Ходжеда, настоятель монастыря Сан-Пабло в Севилье, вместе с другим священником, Диего де Мерло, решительно осудили столь тревожный рост "еврейской проказы" и умоляли католических монархов возродить Святую Канцелярию с расширенными полномочиями как единственное эффективное средство ее излечения. Апелляция была решительно поддержана папским нунцием при дворе Кастилии. Фердинанд и Изабелла, как набожные католики, сожалели о распространении ереси, которую они признавали безудержной, и все же они не решались отказаться от какой-либо части своей независимости. Ни одно другое государство в Европе не было настолько свободно от папского контроля или вмешательства. Некоторые из Конверсос занимали высокое положение при дворе, и они, конечно же, прилагали все усилия, чтобы усилить нежелание королевы, в частности. С другой стороны, доминиканский монах Томас де Торквемада, ее духовник в юности, стремился привить ей тот же дух непреклонного фанатизма, который владел им самим, и искренне умолял ее посвятить себя "искоренению ереси во славу Божию и прославлению католической веры". Она долго сопротивлялась, но в конце концов уступила непрекращающимся домогательствам окружавших ее священников и согласилась добиться от папы римского Сикста IV буллы о введении Современной инквизиции в Кастилии. Он был издан под датой 1 ноября 1478 года и санкционировал назначение двух или трех церковных инквизиторов для выявления и подавления ереси по всей Испании.

Одним из отличий от обычной формы учреждения подобных трибуналов было расположение полномочий по назначению инквизиторов, которыми обладали король и королева, а не провинциалы доминиканского или францисканского орденов. До сих пор назначение инквизиторов считалось делегированием полномочий Святого Престола, чем-то совершенно независимым от светской власти. Но испанские правители и испанский народ так ревниво относились к внешнему вмешательству, что папа был вынужден уступить. Хотя он и его преемники тщетно пытались вернуть дарованную таким образом власть, они так и не добились полного успеха, и испанская инквизиция оставалась в значительной степени государственным делом, и этот факт объясняет многое, что иначе необъяснимо. Например, конфискации поступали в королевскую, а не в папскую казну.

Сначала нужно было попробовать мягкие меры. Кардинал Мендоса, архиепископ Севильи, составил катехизис, предписывающий своему духовенству не жалеть усилий для просвещения

невежественных израильтян откровенным изложением истинных принципов христианства. Прогресс был медленным, и через два года результаты оказались настолько скудными, что было сочтено необходимым приступить к назначению инквизиторов, и два доминиканских монаха, фра Мигель де Морильо и Хуан де Сан Мартин, были назначены со всеми полномочиями при содействии асессора и фискального прокурора.

Евреи сыграли на руку своим мучителям. Огромное количество людей были напуганы до отступничества неослабевающей враждебностью народа. Их единственным спасением от яростных нападков, обрушившихся на них, было обращение в христианство, часто совершенно притворное и нереальное. Обращенные в веру священники, однако, утверждали, что творили чудеса; один из них, святой Винсент Феррер, доминиканец из Валенсии, с помощью своего красноречия и чудесной силы, дарованной ему, "изменил сердца не менее тридцати пяти тысяч представителей дома Иуды". Эти многочисленные новообращенные, конечно, вряд ли были очень упорны в своем исповедании новой веры и, как ни странно, не подвергали себя постоянным подозрениям. Многие были осуждены и обвинены в отступничестве, еще многие смело вернулись в иудаизм или тайно совершали свои старые обряды. Теперь предстояло вести бескомпромиссную войну против отступивших "новых христиан", или конверсос.

Инквизиторы обосновались в Севилье и сделали доминиканский монастырь Сан-Пабло своей первой штаб-квартирой, но вскоре этого оказалось совершенно недостаточно по размерам, и им было разрешено занять крепость Триана, великую крепость Севильи, на правом берегу Гвадалквивира, огромные размеры и мрачные подземелья которой были особенно подходящими. Эта часть города была сильно подвержена наводнениям, и когда в 1626 году ей угрожало разрушение из-за необычно сильного наводнения, резиденция трибунала была перенесена во дворец Кабальерос Теллос Таверос в приходе Сан-Марко. В 1639 году он вернулся в отремонтированную Триану и оставался там до 1789 года, когда дальнейшее наступление реки привело к тому, что его окончательно передали колледжу Лас-Беккас. Сейчас Триана - это низкий пригород, населенный в основном цыганами и представителями низших классов. Когда-то это был квартал гончаров, где производились знаменитые изразцы *азулехо*, и сегодня его фабрики производят хорошо известные майоликовые вазы и тарелки с поверхностью металлического блеска.

Одним из первых шагов инквизиции было провести тщательную проверку массового исхода евреев, которые быстро покидали страну. Всем магнатам Кастилии, герцогам, графам, идалго и лицам, облеченным властью, было приказано арестовать всех беглецов, наложить арест на их имущество и отправить их пленниками в Севилью. Любой, кто не подчинился или не смог выполнить этот приказ, должен был быть отлучен от церкви как пособник ереси, лишен сана и поместий. Подобные приказы были странными для ушей мятежной знати, которая привыкла мало обращать внимания на папу или короля. В стране возникла новая сила.

В замке Триана, [3], уже описанный, над порталами была установлена табличка с надписью, посвященной открытию первой "современной инквизиции" в Западной Европе. Заключительными словами были: "Дай Бог, чтобы для защиты и приумножения веры она пребывала до скончания времен. Восстань, о Господь, рассуди Свое дело! Ловите еще лис (еретиков)!"

Только что, сделав опрометчивый шаг, Конверсос потеряли всеобщее сочувствие. Диего де Сусан, один из богатейших граждан Севильи, созвал собрание "Новых христиан" в церкви Сан-

Сальвадор. На нем присутствовали многие высокопоставленные чиновники и даже священнослужители еврейской крови. Сьюзен предложила, чтобы они собрали запас оружия и при первом аресте восстали и убили инквизиторов. План был принят, но был предан дочерью Сьюзен, у которой был любовник-христианин. Заговорщики были немедленно арестованы, и шестого февраля 1481 года шестеро мужчин и женщин были сожжены, а остальные подверглись суровому наказанию.

Охота была хитро организована. Был опубликован "Эдикт благодати", обещающий прощение всем отступникам, если они придут добровольно и покаются в своих грехах. Многие искали снисхождения, и инквизиторы засыпали их вопросами, чтобы получить улики против других. На основании полученной таким образом информации подозреваемые были отмечены, схвачены и препровождены в тюрьмы. Любое следование еврейским обычаям давало возможность для доноса, и суровые меры быстро сократили число отступивших евреев-христиан. Только в Севилье, по словам Льоренте, двести девяносто восемь человек были сожжены менее чем за год, а семьдесят девять были приговорены к пожизненному заключению. Большие суммы должны были поступить в казну тогда и впоследствии из конфискованного имущества богатых людей, которые погибли на костре или были подвергнуты штрафам и конфискации имущества. Но великая машина инквизиции была чрезмерно дорогостоящей. Театрализованные представления на часто посещаемых *авто да фе* были невероятно дорогими, содержался большой штат чиновников, экспертов, приближенных и охраны, и, вдобавок, расходы на место казни, "*кемадеро*" или место сожжения, большой тротуар на возвышении, украшенный прекрасными колоннами и статуями пророков, были очень значительными, в то время как ежегодный счет за топливо, хворост и хворост для хвороста вырос до высокой цифры. Несомненно, имели место и значительные хищения.

Очевидно, было слишком много работы для двух человек, поэтому в феврале 1482 года папа нанял еще семь инквизиторов по назначению монархов, и некоторые из них были чрезвычайно усердны. Однако возникла большая путаница из-за отсутствия объединяющего органа. Монархи были полны решимости сохранить это учреждение под контролем государства, и поэтому к уже существующим был добавлен административный совет, обычно называемый *la Suprema*, на который была возложена юрисдикция в отношении всех мер, касающихся веры. Во главе был поставлен новый офицер, позже названный генеральным инквизитором. Генеральный инквизитор вряд ли был подданным. Он имел прямой доступ к суверену и осуществлял абсолютную и неограниченную власть над всем населением и был выше всех человеческих законов. Ни одно звание, высокое или низкое, не ускользало от его юрисдикции. Королевские особы не были освобождены от его контроля, поскольку Святая Канцелярия вторглась во дворец принца так же, как и в лачугу нищего. В могиле не было святости, ибо трупы еретиков безжалостно извлекались из земли, изуродовались и сжигались.

Первым генеральным инквизитором новой организации был Томас де Торквемада, который завоевал для себя ужасное бессмертие благодаря той важной роли, которую он сыграл в великой трагедии инквизиции. Он был монахом-доминиканцем, уроженцем старой Кастилии, который был исповедником и хранителем совести королевы Изабеллы в ее юные годы и постоянно стремился вселить свой пламенный дух в ее юный разум. "Этот человек, - говорит Прескотт, - который скрывал под своим монашеским одеянием больше гордыни, чем мог бы обеспечить монастырь его ордена, был одним из того класса, у которого рвение сходит за религиозное и кто подтверждает свое рвение яростным преследованием тех, чья вера

отличается от их собственной; кто компенсирует свое воздержание от потворства чувственным желаниям, давая простор более смертоносным порокам сердца, гордыне, фанатизму и нетерпимости, которые не менее противоположны добродетели и гораздо более пагубны для общества". Жестокости, которые он совершал, проистекали из безжалостного фанатизма, более жестокого, чем могила. Он был жесток и непреклонен и не знал компромиссов. Абсолютно бесстрашный, он направил свою ужасную машину против подозреваемого, каким бы высокородным или влиятельным он ни был.

Торквемада был назначен в 1483 году и получил от Рима полномочия разработать новую конституцию для Священной канцелярии. Он был уполномочен создавать постоянные провинциальные трибуналы при главных инквизиторах, которые заседали в Толедо, Вальядолиде, Мадриде и других важных городах, и его первым действием было вызвать некоторых из них в Севилью, чтобы они помогли ему в разработке правил управления великой и ужасной машиной, которая должна была терроризировать всю Испанию на протяжении последующих столетий. Принципы действий, методы процедуры, шаги, предпринятые для розыска жертв и передачи их под юрисдикцию суда, вынесения обвинительного приговора и приведения в исполнение наказаний, - все это подробно изложено в "Хронике времени". "Кровавая страница истории, - говорит историк, - свидетельствует о том, что фанатизм, вооруженный властью, - это самое страшное зло, которое может обрушиться на нацию". На протяжении многих поколений испанский народ, сначала евреи, затем мориски и, наконец, вся коренная община, беспомощно находились во власти этого безответственного деспотизма. Мало кто из тех, кого однажды обвинили, избежал какого-либо порицания. Льоренте заявляет со своим обычным преувеличением, что из пары тысяч дел едва ли одно закончилось оправдательным приговором, и вошла в поговорку поговорка о том, что люди, которых инквизиция если и не поджаривала на самом деле, то, по крайней мере, подпаливала.

Чтобы в полной мере оценить суровость Испанской инквизиции и жестокости, творимые на протяжении нескольких столетий под прикрытием религии, мы должны проследить шаги, предпринятые Святой Канцелярией, ее руководящие принципы и методы судопроизводства.

С самого начала великой целью была охота на еретиков и поощрение разоблачения предполагаемых преступников. Эдикты, опубликованные с кафедр всех церквей, предписывали добрым католикам сообщать информацию против каждого человека, которого они знали или подозревали в виновности в ереси, а священникам было приказано отказывать в отпущении грехов любому, кто колебался говорить, даже если подозреваемый был близким родственником, родителем, ребенком, мужем или женой. Все обвинения, подписанные или анонимные, были приняты, но также требовались имена свидетелей. На основании этого иногда скудного обвинения жертвы могут быть немедленно арестованы, хотя в некоторых случаях цензоры должны сначала передать доказательства. Часто ни малейшего намека на неприятности не доходило до обвиняемого, пока удар не наносился на самом деле.

Содержавшийся таким образом в одиночном заключении, полностью отрезанный от своих друзей снаружи, лишенный сочувствия или поддержки, которые он мог бы получить от их визитов или общения, он был оставлен в отчаянии размышлять, терзаемый мучительными сомнениями, не зная даже о выдвинутых против него обвинениях. Ему можно было бы зачитать несколько кратких выдержек из показаний свидетелей, но показания были настолько искажены, что он не смог получить ни малейшего представления об именах или личностях. Если

в показаниях и были какие-либо факты, благоприятствующие ему, то они были утаены от него. Однако, если бы он мог назвать некоторых свидетелей смертельными врагами, их показания были бы значительно ослаблены. Факты о времени, месте и обстоятельствах предъявления предпочтительных обвинений были утаены от него, и он был настолько сбит с толку, что, если бы не обладал проницательностью и присутствием духа, он мог бы запутаться в неразрешимых противоречиях, когда попытался бы объяснить.

С другой стороны, судьи руководствовались и поддерживались мельчайшими инструкциями. "Высокой и особой привилегией трибунала является то, что его должностные лица не обязаны соблюдать формальности; им не нужно соблюдать строгие судебные правила, и поэтому упущение того, чего могло бы потребовать обычное правосудие, не делает недействительными его действия, при условии только, что не требуется ничего существенного для доказательства". Первая составляющая правосудия, как мы ее понимаем, была проигнорирована. Обвиняемый, привлеченный к ответственности за ересь, должен был изобличить себя, представить все необходимые сведения для вынесения приговора. Показания могли быть получены от лиц любого класса или характера. "Они могли быть отлученными от церкви, пользующимися дурной славой, фактическими соучастниками или ранее осужденными за какое-либо преступление". Свидетельства евреев и неверных также могут быть приняты во внимание, даже в вопросе еретической доктрины. Жена, дети, родственники, слуги могут выступить против еретика. "Брат может заявить против брата, а сын - против отца". Свидетели были безжалостны. Если кто-либо не говорил всего, что мог, или казался неохотным говорить, эксперты иногда выносили решение о применении пыток.

ГЛАВА II

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЕВРЕЕВ И МАВРОВ

Усиление преследований евреев —Выдвинутые против них обвинения—Фердинанд вводит современную инквизицию в Королевстве Арагон в 1484 году—Брат Гаспар Юглар и Педро Арбуэс назначены инквизиторами—Убийство Педро Арбуэса—Наказание его убийц—Усиление оппозиции против Святой Канцелярии—Арест инфанта дона Хайме за укрывательство еретика—Изгнание евреев из Испании —Обращение к королю с просьбой отменить этот указ—Фердинанд склонен уступить, но Торквемада переигрывает его—Страдания евреев по путешествию—Смерть Торквемады—Эрнандо де Талавера назначен архиепископом Гранады—Его успех у мавров—Дон Диего Деза новый генеральный инквизитор—Преемник Хименеса де Сиснероса—Его характер и жизнь—Назначен примасом всей Испании—Его суровость по отношению к маврам—Университет Алькала, основанный Хименесом—Восшествие на престол Карла V—Преследование мавров—Изгнание.

Говорили, что костры современной инквизиции были зажжены исключительно для евреев. Пламенное рвение Торквемады и его помощников было сначала направлено против испанских детей Израиля. Евреи постоянно подвергали себя преследованиям и грабежам. Они всегда были честной добычей для алчной жадности. Инквизиторы использовали оба направления

атаки. Богатство евреев неуклонно росло по мере того, как расширялись и процветали их финансовые операции и промышленная деятельность. Когда католические короли приступили к завоеванию Гранады, евреи нашли в себе силы для ведения войны; еврейские поставщики продовольствия снабжали армии, стоявшие на поле боя; еврейские брокеры авансировали наличные деньги, необходимые для оплаты войск; еврейские оружейники ремонтировали используемое оружие и поставляли новые инструменты и военное снаряжение.

В то же время страсти населения против евреев все больше и больше разгорались из-за распространения скандальных историй об их богохульных деяниях. Некоторые монахи всерьез утверждали, что какие-то евреи украли освященную облатку с намерением превратить ее в пасту с теплой кровью только что убитого христианского ребенка и таким образом изготовить смертельный яд для введения ненавистному главному инквизитору. В другом сообщении говорилось о том, что крошки от священной облатки были обнаружены между листами еврейского молитвенника в синагоге. Один свидетель заявил, что это вещество излучало яркое сияние, которое ясно доказывало его святость и выдавало совершенный акт святотатства. Были распространены и другие рассказы о дьявольских деяниях этих нечестивых еврейских еретиков.

Фердинанд в 1484 году передал современную инквизицию королевству Арагон, где "древняя" инквизиция когда-то существовала, но во многом утратила свою строгость. Это была сравнительно свободная страна, и Святая канцелярия превратилась немногим больше, чем обычный церковный суд. Но король Фердинанд был полон решимости восстановить его на более широкой основе, которую он принял в Кастилии, и навязал его своему народу королевским указом, который предписывал всем официальным властям поддерживать его в выполнении его новых расширенных функций. Доминиканский монах Фрай Гаспар Юглар и каноник церкви Педро Арбуес были назначены Торквемадой инквизиторами Сарагосской епархии. Новый институт был крайне неприятен арагонцам, выносливому и независимому народу. Среди высших чинов были люди еврейского происхождения, занимавшие важные посты и, вероятно, попавшие под запрет инквизиции. Результатом стала депутация к папе римскому и еще одна - к королю, выражающая общее отвращение арагонцев к этому учреждению и молящая о том, чтобы его действие было приостановлено. Ни папа, ни король не захотели прислушаться к призыву, и Святая канцелярия приступила к своей работе. В 1484 году в Сарагосе, столице страны, были отпразднованы два *аутодафе*, когда были казнены двое мужчин.

Ужас и оцепенение охватили Конверсос, и появилось яростное желание расправы. Они были полны решимости запугать своих угнетателей каким-нибудь ужасающим актом возмездия, и был составлен заговор с целью расправы с одним из инквизиторов. В число заговорщиков входили многие из главных "новых христиан", некоторые из которых были известными людьми в округе. Была выделена значительная сумма на покрытие расходов и оплату труда убийц. Педро Арбуэс был обречен на уничтожение, но, сознавая опасность, постоянно умудрялся ускользать от своих врагов. Под мантией он всегда надевал кольчугу, когда посещал мессу в соборе, и все аллеи, по которым к нему можно было подойти в его доме, также тщательно охранялись.

В конце концов, он был застигнут врасплох во время своего богослужения. В полночь он стоял на коленях перед главным алтарем и молился, когда двое мужчин незаметно подкрались к нему сзади и напали на него. Один ударил его кинжалом в левую руку, другой свалил его с ног сильным ударом сзади по шее, от которого он был повержен ниц и унесен умирать. На

последнем вздохе он поблагодарил Бога за то, что был избран, чтобы скрепить столь благое дело своей кровью. Его смерть была расценена как мученическая и вызвала реакцию в пользу инквизиции, поскольку опасались всеобщего восстания новых христиан. Бурю утихомирил архиепископ Сарагосский, который публично заявил, что убийцы должны быть строго преследуемы и понести достойное наказание. Обещание было полностью выполнено. Суровое возмездие было взыскано со всех, кто был связан с заговором. По следу следовали с неослабевающей настойчивостью, несколько человек были схвачены и преданы смерти, и еще большее число погибло в застенках инквизиции. Все виновные в убийстве были повешены после того, как им ампутировали правые руки. Приговор одному из тех, кто дал показания против остальных, был смягчен тем, что ему отрубили руку только после его смерти.

Уроженец Сарагосы укрылся в Туделе, где нашел приют в доме инфанта дона Хайме, незаконнорожденного сына королевы Наварры и племянника самого короля Фердинанда. Великодушный молодой принц не смог отвергнуть требования гостеприимства и помог беглецу бежать во Францию. Но инфант сам был арестован инквизиторами и заключен в тюрьму как "препятствующий" Святой канцелярии. Суд над ним состоялся в Сарагосе, хотя Наварра находилась вне ее юрисдикции, и он был приговорен к открытой епитимье в соборе в присутствии большого количества прихожан на Торжественной мессе. Церемония проводилась в присутствии архиепископа Сарагосского, семнадцатилетнего юноши, незаконнорожденного сына короля Фердинанда, и этот неопытный юнец в мантии примаса приказал пороть розгами племянника своего отца по всей церкви.

Вторая история гораздо ужаснее. Некто Гаспар де Санта Крус из Сарагосы участвовал в восстании, но бежал в Тулузу, где и умер. В бегстве ему помогал сын, который остался в Сарагосе и был арестован как "препятствующий" Святой Канцелярии. Его судили и приговорили к явке на *аутодафе*, где его заставили зачитать акт, который подвергал его отца публичному позору. Затем сын был передан под опеку инквизитора Тулоше, который отвел его на могилу отца, заставил эксгумировать труп и сжечь его собственными руками.

Жгучая ненависть евреев достигла кульминации в решимости короля и королевы, подстрекаемых Торквемадой, полностью изгнать их из Испании. Зародыш этой идеи можно найти в капитуляции Гранады маврами, когда было решено, что каждый еврей, обнаруженный в городе, должен быть немедленно отправлен в Берберию. Теперь утверждалось, что, поскольку все попытки обратить их в свою веру провалились, Испании следует полностью избавиться от них. Католических короля и королеву заставили подписать эдикт от 30 марта 1492 года, которым было постановлено, что каждый еврей должен быть изгнан из Испании в течение трех месяцев, за исключением тех, кто предпочел отступничество и кому, отказавшись от веры своих отцов, могло быть разрешено остаться в стране их усыновления с разрешением пользоваться благами, которые они унаследовали или заработали. Без сомнения, этот указ был издан Торквемадой.

Испанских евреев охватили смятение и глубокая скорбь. Вся страна была охвачена скорбью. Все одинаково взывали о пощаде и предлагали подчиниться любым законам и постановлениям, какими бы деспотичными они ни были, принять любые условия, понести любое наказание, лишь бы избежать этого жестокого изгнания. Ведущие евреи предстали перед королем Фердинандом и униженно умоляли о пощаде для своих единоверцев, предлагая немедленный выкуп в размере шестисот тысяч крон золотом. Король был склонен к милосердию, но королева была тверда. Он видел нынешнее преимущество, наличные деньги, и сомневался, что получит

столько же от штрафов и конфискации, обещанных инквизиторами. Но в этот момент, как гласит история, Торквемада ворвался в зал с высоко поднятым распятием и громко закричал, что монархи собираются сыграть роль Иуды Искарота. "Вот он! Продайте Его снова, но не за тридцать сребреников, а за тридцать тысяч!" - и, швырнув распятие на стол, он выбежал в бешенстве. Это изменило ситуацию, и указ о высылке был подтвержден.

Условия указа были чрезвычайно суровыми и безапелляционными. В качестве преамбулы были перечислены преступления евреев и тот небольшой эффект, который до сих пор производили самые суровые наказания. Утверждалось, что они все еще сговаривались свергнуть христианство в Испании, и поэтому было необходимо прибегнуть к последнему средству - указу об изгнании, согласно которому всем евреям и еврейкам предписывалось покинуть Испанию и никогда не возвращаться, даже для мимолетного визита, под страхом смерти. Последний день июля 1492 года, или четыре месяца спустя, был назначен на последний день их пребывания в Испании. После этой даты они будут подвергать свою жизнь опасности, в то время как любое лицо любого ранга или качества, которое осмелится принять, приютить, защитить еврея или еврейку, должно лишиться всего своего имущества и быть отстранено от занимаемой должности, достоинства или призвания. В течение четырех месяцев закон разрешал евреям продавать свои поместья или обменивать их на тяжелые товары, но им было запрещено вывозить золото или серебро или вывозить из королевства другое движимое имущество, вывоз которого уже был запрещен законом.

Во время подготовки и осуществления этого современного исхода положение несчастных израильтян было душераздирающим. Торквемада изо всех сил пытался обратить в свою веру, разослал проповедников, предлагавших крещение и примирение, но поначалу мало кто прислушивался к предложенным условиям. Все владельцы имущества и ценностей понесли самые тяжелые потери. Принудительные продажи были настолько многочисленными, что покупателей было нелегко найти. Прекрасные поместья продавались за бесценок. Дом обменивался на осла или вьючное животное; виноградник - на лоскуток ткани или льна. Несмотря на запрет, было унесено много золота и серебра, спрятанного в набивке седел и среди конской мебели. Некоторые изгнанники в момент отъезда проглатывали золотые монеты, по двадцать-тридцать штук, и таким образом до некоторой степени уклонялись от строгого досмотра, установленного в морских портах и приграничных городах.

Наконец, в первую неделю июля все вышли на дороги, направляясь к побережью пешком, верхом или в упряжке, или их перевозили в деревенских повозках. По словам очевидца, "между прочим, они претерпели невероятные несчастья: некоторые слабо ходили, некоторые мужественно боролись, некоторые падали в обморок, на многих нападали болезни, некоторые умирали, другие приходили в мир, так что не было христианина, который не сочувствовал бы им и не умолял бы их креститься". То тут, то там под давлением накопившихся невзгод некоторые заявляли о своем обращении, но такие случаи были очень редки. Раввины подбадривали людей по пути и призывали молодежь повышать голос, а женщин петь и играть на свирелях и тимпанах, чтобы оживить их и поддержать их настроение.

Испанские власти предоставили корабли в Кадисе, Гибралтаре, Карфагене, Валенсии и Барселоне, на которые сели полторы тысячи богатых семей и отправились в Африку, Италию и Левант, взяв с собой свой диалект испанского языка, на котором до сих пор говорят в местах их высадки. Из тех, кто присоединился к общему исходу, некоторые погибли в море от

кораблекрушений, болезней, насилия или пожара, а некоторые - от голода, истощения или убийств на негостеприимных берегах. Многие были проданы в рабство, многие выброшены за борт дикарями-капитанами кораблей, в то время как родители расставались со своими детьми ради денег, чтобы купить еду. На борту одного переполненного корабля вспыхнула эпидемия, и вся компания была высажена на необитаемый остров. Другие зараженные корабли доставили болезнь в Неаполитанский порт, где она переросла в ужасную эпидемию, в результате которой погибло двадцать тысяч коренных неаполитанцев. Те, кто добрался до города, нашли его в муках голода, но при высадке были встречены процессией священников, возглавляемой одним из них, который нес распятие и буханку хлеба и который намекнул, что только те, кто поклонится первому, получают второе. Только в папских владениях был оказан гостеприимный прием. Папа того времени, Александр VI, был более терпимым, чем другие правители.

Общую численность населения сейчас трудно установить, но, несомненно, она была сильно преувеличена. По наиболее достоверным оценкам, число эмигрантов составляет сто шестьдесят пять тысяч, а число умерших от лишений и горя перед отъездом - около двадцати тысяч. Вероятно, еще пятьдесят тысяч приняли крещение в результате этого эдикта. Потери, повлекшие за собой фактическую стоимость, были неисчислимы, и огромная сумма потенциальных заработков была принесена в жертву исчезновению столь значительной части наиболее трудолюбивых представителей населения. Король и королева сильно обнищали Испанию, очистив ее от иудейской ереси. Однако их действия были встречены аплодисментами другими правителями, которые не пошли на такой шаг из экономических соображений. Их хвалили за то, что они были готовы пожертвовать доходами ради веры.

Открытого иудаизма в Испании больше не существовало. Остались только отступники, или Новые христиане. То, что многие из них были христианами по названию и соблюдали закон Моисея во всех деталях, несомненно. Как евреи, они не подлежали инквизиции. Как исповедующие христианство, любое отклонение от установленной веры подвергало их наказаниям, налагаемым на еретиков. Несмотря на высокие должности, которых многие достигли, они были объектами подозрений, и с ростом авторитета инквизиции их участь становилась все тяжелее.

Торквемада действовал не только против евреев, но и против всех подозреваемых в какой-либо ереси, какими бы влиятельными они ни были. Ненависть, которую он навлек на себя, вызывала постоянные обвинения против него, и он был вынужден трижды посылать агента в Рим для защиты своей репутации. Позже его произвол был ограничен назначением четырех помощников, номинально разделявших бремя служебных обязанностей, но на самом деле контролировавших его действия. В целом можно сказать, что он занимает одно из первых мест среди тех, кто был творцом зла для своего вида. "Его рвение носило такой экстравагантный характер, что его можно почти назвать безумием". Последние дни его жизни были наполнены постоянным страхом перед покушением, и когда он переезжал туда и обратно, его охранял внушительный эскорт: телохранители из пятидесяти фамильяров Святой Канцелярии, конных драгун, и отряд из двухсот солдат пехоты. Тем не менее, он достиг очень преклонного возраста и тихо скончался в своей постели.

Оценки числа осужденных и наказанных за время его правления сильно разнятся. Льоренте, который, однако, склонен к преувеличениям, утверждает, что восемь тысяч восемьсот человек были сожжены заживо и что общее число осужденных составило более ста пяти тысяч. С другой

стороны, Ланглуа,^[4] оценка которого принята Ванкандардом и другими католическими авторами, считает, что число казненных составляло около двух тысяч.

Смерть настигла его, когда была неминуема новая кампания против ереси. Завоевание королевства Гранада Фердинандом и Изабеллой открыло новое поле для прозелитического рвения инквизиции, которая теперь была полна решимости обратить всех подданных магометан в христианскую веру. Монах ордена Святого Иеронима Эрнандо де Талавера, человек безупречной жизни, зрелый ученый, убедительный проповедник, глубоко разбиравшийся в священной литературе и моральной философии, был одним из духовников Королевской семьи и получил звание епископа Авилы. Но он умолял позволить ему отказаться от этого и полностью посвятить себя обращению мавров. Папа удовлетворил его просьбу и назначил его архиепископом Гранады с меньшим доходом, чем у епархии, которую он покинул, но он был скромнен, не стремился демонстрировать помпезность великого прелата и со всем усердием выполнял обязанности своего нового подопечного.

Вскоре он завоевал сердца мавров, которые любили и почитали его. Он действовал с большой осторожностью, открыто не демонстрировал своего желания обратить их в свою веру и строго воздерживался от каких-либо принудительных мер, скорее надеясь урезонить их отнеортодоксальной веры. Он приказал сделать перевод Библии на арабский, распространил его, призвал мавров посещать конференции и приходить к нему наедине, чтобы выслушать его аргументы. Будучи занят таким делом, он в значительной степени удалился от двора Фердинанда и Изабеллы, которые все больше и больше попадали под влияние вспыльчивых фанатиков, которым мягкие меры архиепископа становились глубоко неприятны. Инквизиторы во главе с доном Диего Дезой, сменившим Торквемаду, непрестанно умоляли монархов действовать более сурово и дошли до того, что посоветовали немедленно изгнать всех мавров, которые не решались немедленно принять обращение и крещение. Они настаивали на том, что привлечение их в лоно церкви для блага их душ, и настаивали на том, что христиане и мусульмане совершенно не могут мирно и счастливо жить бок о бок. Король и королева возражали, выжидая так же, как они поступили с возрождением инквизиции. Они утверждали, что применять слишком суровые наказания может быть опасно. Их господство в Гранаде едва ли еще укрепилось; мавры еще не полностью сложили оружие, и неразумное притеснение могло привести к возобновлению военных действий. Они надеялись, что мавры, как и другие покоренные народы, со временем свободно примут религию своих новых хозяев. Любящая доброта и мягкое убеждение с большей уверенностью завоевали бы позиции, чем свирепые угрозы и произвольные указы.

Таким образом, в течение семи или более лет примирительные методы архиепископа Талаверы преобладали и встречали одобрение Фердинанда и Изабеллы. Но теперь на сцене появился замечательный человек с совершенно иным характером и начал выступать за более суровые меры. Это был францисканский монах Хименес де Сиснерос, одна из самых заметных фигур в истории Испании, который со временем стал генеральным инквизитором и регентом Испании. Вполне можно дать краткий очерк его жизни, чтобы мы могли лучше понять то время.

Хименес де Сиснерос, более известный, возможно, только под своим именем, был отпрыском древнего, но пришедшего в упадок рода и с юности был предназначен Церкви. Он учился в Университете Саламанки и проявил заметные способности. После пребывания в Риме, лучшим

поле для выдвижения, он вернулся в Испанию с папским обещанием получить первую вакантную должность в Толедском престоле. Однако у архиепископа были другие взгляды, и когда Хименес потребовал исцеления Учеды, его отправили в тюрьму в ее крепости, а не в пресвитерию. В течение шести лет Хименес непоколебимо отстаивал свои притязания и, наконец, был выдвинут, когда его заменили капелланом в другой епархии Сигуэнцы, где он продолжил свои богословские исследования и выучил иврит и халдейский. Здесь он попал под наблюдение епископа Мендосы, который впоследствии стал кардиналом-примасом Испании и пользовался безграничным доверием королевы ИсыБеллы. Когда Мендосу пригласили порекомендовать ей нового духовника, преемника Талаверы при его переводе на Гранадский престол, она остановила свой выбор на Хименесе, которого он никогда не терял из виду с момента их первого знакомства в Сигуэнсе.

Тем временем Хименес становился все более и более преданным своему священному призванию. Его выдающиеся деловые способности позволили ему занять должность управляющего у знатного вельможи, конде де Сифуэнтеса, который был взят в плен маврами. Но светские заботы были ему неприятны, и Хименес сложил свои полномочия. Его от природы суровый и созерцательный нрав перерос в суровый фанатичный энтузиазм, и он решил с большей полнотой посвятить себя служению Церкви. Он вступил во францисканский орден, бросил все свои пособия и занятия и стал простым послушником в монастыре Сан-Хуан-де-лос-Рейес в Толедо, где его монастырская жизнь отличалась крайней суровостью и умерщвлением плоти. Он носил повязку на голове, спал на каменном полу с деревянной подушкой под головой, истязал себя постоянными постами и бдениями и постоянно порол себя. Наконец он стал монахом, и из-за славы о его образцовом благочестии к его исповедальне стекались огромные толпы людей. Теперь он отказался от народной милости и удалился в уединенный монастырь в дальнем лесу, где собственными руками построил себе небольшое жилище и где проводил дни и ночи в торжественных размышлениях и непрестанных молитвах, питаясь, как древние отшельники, собранными им зелеными травами и питьевой водой из бегущих ручьев. Эгоцентричный и глубоко размышляющий о духовных проблемах, постоянно пребывающий в состоянии умственной экзальтации и экстаза, он видел видения и грезил грезами, полагая, что находится в тесной связи с небесными силами, и, без сомнения, был на грани сумасшествия, когда его начальство приказало ему поселиться в монастыре Сальседа, где ему было поручено его администрирование и был вынужден упражнять свой мощный ум на благо других.

Именно здесь его застал призыв ко двору, и он был вызван в Вальядолид и неожиданно предстал перед королевой. Изабелла была очень расположена в его пользу благодаря его простым достоинственным манерам, его рассудительности, его беззастенчивому самообладанию и, прежде всего, его пылкому благочестию при обсуждении религиозных вопросов. Тем не менее, он не решался принять должность ее духовника и сделал это только при условии, что ему будет позволено соблюдать правила своего ордена и оставаться в своем монастыре, за исключением случаев официального исполнения обязанностей при дворе.

Вскоре после этого он был назначен провинциалом францисканцев в Кастилии и приступил к реформированию их религиозных домов, дисциплина в которых была значительно ослаблена. Лень, роскошь и распущенность преобладали, особенно в его собственном ордене, который был богат и обильно наделен поместьями в сельской местности и величественными жилищами в городах. Эти монахи, именуемые "монастырями", расточали большие суммы на расточительные траты и часто были виновны в скандальных проступках, которые Хименес, как

наблюдательный человек, один из небольшой группы, поклявшейся неукоснительно соблюдать монашеские правила, решительно осуждал. Изабелла поощряла и поддерживала его в проведении реформ, и специальная булла из Рима наделила его всей полнотой власти. Его строгие и беспощадные действия встретили ожесточенное сопротивление, но в конце концов он одержал победу и получил заметную награду. Когда в 1495 году умер архиепископ Толедский, Хименес, сам того не ведая, был избран на великий пост примаса всей Испании и лорда-верховного канцлера Кастилии.

Право выдвигать кандидатуру принадлежало королеве, и Фердинанд в данном случае умолял ее назначить его внебрачного сына Альфонсо, уже архиепископа Сарагосы, но еще ребенка почти в летах. Она твердо и без колебаний отказалась и рекомендовала папе своего духовника как наиболее достойного удостоиться этой чести. Когда из Рима прибыла булла, назначавшая встречу, царица вызвала к себе Хименеса, вручила ему письмо и пожелала, чтобы он вскрыл его при ней. Прочитав адрес: "Нашему достопочтенному брату Франсиско Хименесу де Сиснеросу, архиепископу Толедскому", он побледнел, выронил письмо и с криком: "Должно быть, здесь какая-то ошибка", выбежал из комнаты. Королева, удивленная, ждала, но он не вернулся, и оказалось, что он сел на коня и бежал в свой монастырь. В спешке были отправлены два гранда, которые должны были догнать его и доставить обратно в Мадрид. Он вернулся, но по-прежнему сопротивлялся всем мольбам своих друзей и ясно выраженным желаниям своего государя. В конце концов его упорный отказ был преодолен, но только по прямому приказу папы, который приказал ему принять пост, на который его избрали его монархи. Его резко критиковали за его кажущуюся скромность, но все признают, что он был искренен в своем отказе. Он был уже преклонных лет, честолюбие умирало в нем, он привык к монашескому уединению, и его мысли уже были обращены от суетной суеты этого мира к загробной жизни.

Несмотря на то, что Хименес неохотно принимал высокий пост, он отнюдь не замедлил воспользоваться властью, которую это ему давало. Он правил Испанской церковью железным жезлом, направляя всю свою энергию на реформирование практики духовенства, укрепление дисциплины и настаивание на соблюдении строжайшей морали. Он тяжело наступал, нажил много врагов и вызвал столько неприязни, что недовольные объединились, чтобы отправить гонца, чтобы изложить свои претензии папе. Назойливый адвокат, однако, не получил аудиенции, а уехал домой в Испанию, где двадцатимесячное тюремное заключение научило его больше не оскорблять властного архиепископа Толедо.

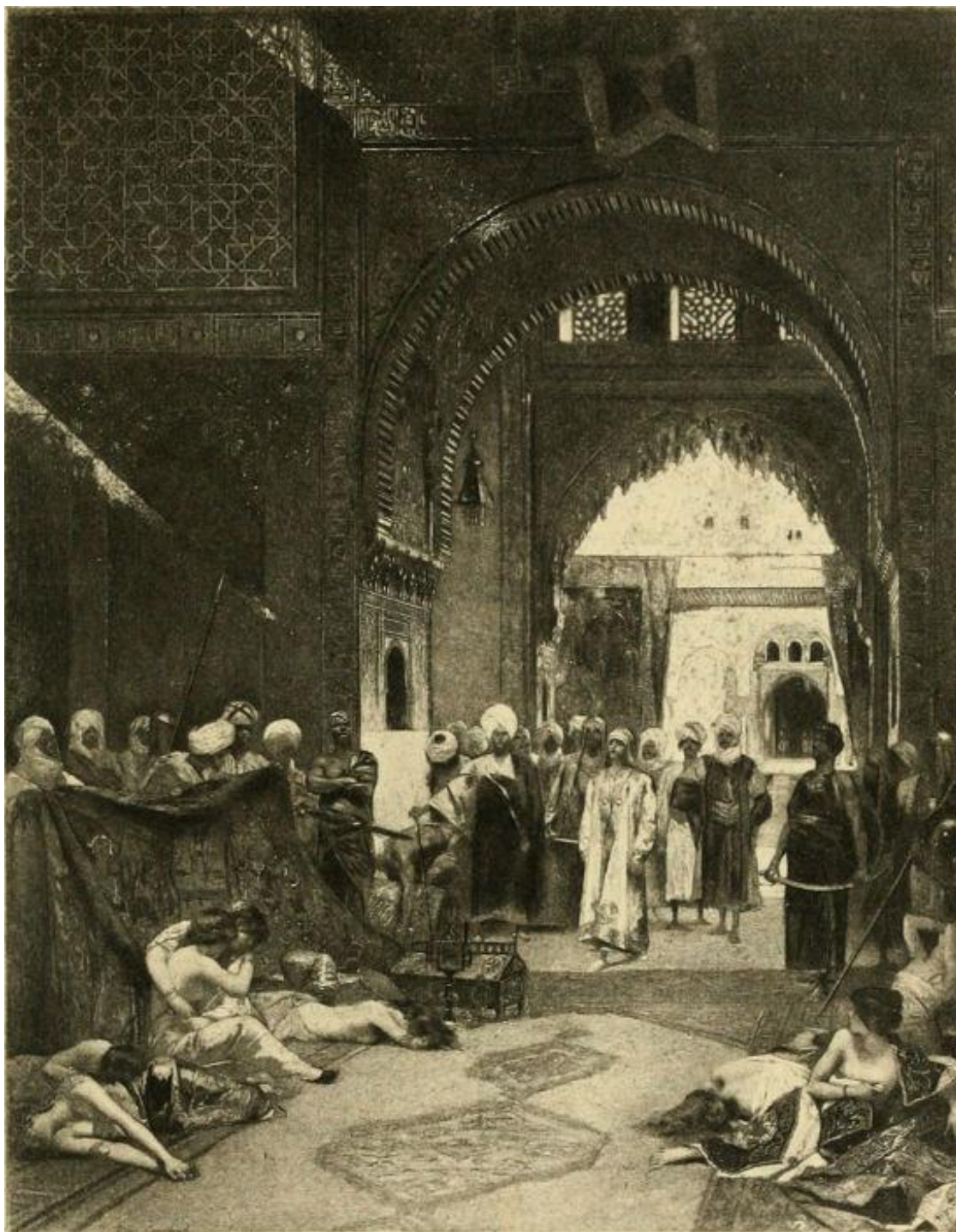
Хименес, настаивая на строгом соблюдении приличий и ведении образцового образа жизни, сам по себе был образцом для священнослужителей. Он никогда не ослаблял личного унижения, которое было его правилом, когда он был простым монахом. Он не содержал никакого состояния и не выставял себя напоказ, регулируя свои домашние расходы с самой строгой и скупой экономией, пока Святой Престол не напомнил ему, что достоинство его великого поста требует большего великолепия. Тем не менее, когда он увеличил свою демонстрацию и общий стиль жизни в домашнем хозяйстве, экипажи и количество своих слуг, он продолжал быть таким же суровым к себе, как и всегда.

Несмотря на все противодействие и недовольство, он неуклонно следовал своим курсом. Его дух был непреклонен, и его энергичная деятельность была неустанно направлена на улучшение нравственности духовенства с заметным успехом. И теперь он с тем же бескомпромиссным

рвением взялся за искоренение ереси. Упросив архиепископа Талаверу разрешить ему присоединиться к благому делу в Гранаде, он немедленно воспользовался полученным согласием и начал по-своему энергично нападать на мавританских неверующих. Его первым шагом было созвать большую конференцию ученых мусульманских врачей, которым он разъяснил со всем красноречием, которое было в его распоряжении, истинные доктрины католической веры и их превосходство над законом Магомета. Он сопровождал свое учение щедрыми подарками, главным образом дорогими предметами одежды, благовидным, хотя и непреодолимым подкупом, который возымел желаемый эффект. Сразу же пришло большое количество мавританских врачей, и их примеру быстро последовали многие из их неграмотных учеников. Число обращенных было так велико, что не менее трех тысяч явились на крещение за один день, и поскольку обряд нельзя было провести индивидуально, их крестили оптом, окропляя из швабры или иссопа, смоченного в святой воде, капли которой падали на прозелитов, когда ее крутили над головами толпы. Эти первые успехи подстегнули рвение примаса, и затем он принял более жестокие меры, заключив в тюрьму и наложив наказания на всех мавров, которые все еще выступали против обращения. Он был полон решимости не просто искоренить ересь, но и разрушить основы веры, содержащиеся в самых известных арабских рукописях, большое количество которых было собрано в огромные кучи и публично сожжено на больших площадях города. Многие из них были прекрасно выполненными копиями Корана; другие представляли собой ценные богословские и научные труды, и их беспорядочное уничтожение ложится пятном на репутацию образованного прелата, создавшего самый образованный университет в Испании.

Более умеренные и осторожные люди умоляли Хименеса взять его за руку. Но он продолжал упорствовать, заявляя, что политика укрощения может служить делу в мирских делах, но не там, где на карту поставлены интересы души. Если неверующего нельзя было привлечь, его нужно было направить на путь спасения, и он продолжал с непоколебимой решимостью арестовывать всех отрекшихся и бросать их в тюрьмы, которые были заполнены до отказа. Недовольство быстро росло и вскоре переросло в открытое насилие. Когда *альгуасиль* в Гранаде уводил женщину в качестве пленницы, народ восстал и освободил ее из-под стражи. Восстание стало всеобщим в городе и приняло угрожающий характер. Гранада была полна воинственных мавров, и толпа осаждала Хименеса в его доме, пока он не был спасен гарнизоном Альгамбры.

Король и королева были очень недовольны Хименесом и осуждали его чрезмерную поспешность, но он был достаточно умен, чтобы оправдать свой поступок и убедить монархов в необходимости сурового подавления мятежных мавров. Теперь начался длительный конфликт. Насильственное обращение стало в порядке вещей; крещение продолжало совершаться массово, тысячами, альтернативой было изгнание, и многие были фактически депортированы в Берберию на королевских кораблях. В Альпухаррах за Гранадой вспыхнул ожесточенный гражданский конфликт, для подавления которого потребовалась королевская армия. Целью было обеспечение благосостояния государства путем установления единства веры.

Peint par Benjamin Constant Фотогравюра Goupil & Cie.

Дворец Альгамбра, Гранада

Прекрасная мавританская крепость во времена господства мавров часто становилась домом для рабов, захваченных в близлежащих пограничных городах Андалусии, которые терпели ненавистное рабство под властью мусульманского монарха. Гранада и ее дворец были окончательно захвачены Фердинандом и Изабеллой, и Альгамбра сегодня является лучшим образцом мавританской архитектуры с ее тонкой проработкой деталей.

Хименес нашел ярого сторонника в лице Диего Дезы, генерального инквизитора, который стремился подражать строгости своего предшественника Торквемады. Деза был доминиканцем, который одно время был профессором теологии и духовником королевы. По натуре и пристрастиям он был в точности приспособлен для своей новой должности, на которую он вступил с обширными полномочиями. Буллой папы Александра VI от 1499 года он был удостоен титула "Хранителя веры" в Испании.

Деза дал новую конституцию Святой канцелярии и предписал проводить всеобщее "Расследование" в местах, которые еще не посещены, и что следует переиздавать указы, требующие от всех лиц предоставлять информацию против подозреваемых еретиков. Он возбудил рвение всех подчиненных инквизиторов, и они хорошо ему служили, особенно один из них, Лусеро, обычно называемый *эль Тенеброзо*, "мрачный", чьи дикие и безжалостные действия терроризировали Кордову, где он председательствовал. Он предпринял всеобщее нападение на самых респектабельных жителей и арестовал большое количество людей, многие из которых были осуждены и казнены. В приемной Лусеро толпились осведомители, принося чудовищные истории о еретических заговорах с целью восстановления иудаизма и ниспровержения Церкви. Его приближенные вытаскивали обвиняемых из постелей, чтобы они ответили по этим обвинениям, и тюрьмы были переполнены. Кордова была вооружена, и многие оказали бы вооруженное сопротивление инквизиции, но более осмотрительные люди, епископ и капитул, некоторые представители знати и муниципального совета обратились к Дезе с просьбой убрать Лусеро. Однако генеральный инквизитор яростно обрушился на заявителей и приказал арестовать их как пособников ереси. Филипп I, действовавший от имени своей жены Хуаны, дочери Фердинанда и Изабеллы, был склонен прислушаться к заявителям и отстранил Дезу и Лусеро от их обязанностей. Но его внезапная смерть отсрочила обещанное им облегчение, и чиновники-мучители вернулись, чтобы возобновить свой гнет.

Кордовцы не захотели покорно подчиниться и обратились к силе. Сильный отряд людей под командованием маркиза де Приего напал на "Святой дом", взломал тюрьму и освободил многих из задержанных, посадив вместо них офицеров инквизиции. Лусеро пустился в бегство на быстром муле и спасся. Хотя какое-то время Деза продолжал сохранять свое влияние, вскоре он был вынужден уйти в отставку, и в Кордове воцарилось спокойствие. Преследование Дезы не пощадило никого. За восемь лет, в течение которых он занимал этот пост, в одном отчете, вероятно, сильно преувеличенном, говорится, что 2592 человека были сожжены заживо, около девятисот были сожжены как чучела, а тридцать пять тысяч были наказаны епитимьями, штрафами и конфискациями.

Падение Дезы и враждебное отношение народа предупредили власти о том, что делами инквизиции следует управлять более искусно. Должны были быть назначены новые инквизиторы, и выбор пал на Хименеса де Сиснероса, который уже сыграл выдающуюся роль в обращении в свою веру, но теперь был готов принять более умеренные меры. Папа, давая свое одобрение, прислал ему кардинальскую шапку в награду за прошлые заслуги и как стимул действовать мудро в будущем. Перед ним стояла трудная задача. Яркое выраженное недовольство царило по всему королевству, и инквизицию повсюду искренне ненавидели. Хименес попытался унять это горькое чувство, начав тщательное расследование поведения своего непосредственного предшественника Дезы и пообещав выслушать все жалобы и устранить все претензии. Он создал "Католическую конгрегацию" в качестве специального суда для расследования действий Лусеро в рамках судебного разбирательства, вытекающего из

обвинений, выдвинутых против архиепископа Талаверы и его семьи. Этот суд в свое время вынес оправдательный вердикт и реабилитировал семью Талаверас. Разрушенные дома были восстановлены, память о погибших была восстановлена в чести и славе, и этот акт милосердия был обнародован в Вальядолиде с большой торжественностью в присутствии королей, епископов и вельмож.

Тем не менее у Хименеса не было желания перестраивать Святую Канцелярию или ограничивать ее деятельность в какой-либо значительной степени. Напротив, он направил все свои усилия на развитие ее влияния и превращение в двигатель правительства, используя ее как политическое, так и религиозное учреждение. Это было так же строго, как и всегда, но он твердо стоял на своем, как камень, против нечестности. Он систематизировал разделение королевства на инквизиторские провинции, каждая из которых подчинялась своему инквизитору со штаб-квартирами в главных городах, таких как Севилья, Толедо, Вальядолид, Мурсия, а также на Сардинии и Сицилии за морями. Его личное влияние стало необычайным. Он пользовался безграничным доверием и благосклонностью монарха. Он был назначен кардиналом Испании, титул, который присваивался редко. Как архиепископ Толедский, он был верховным главой испанского духовенства, а как генеральный инквизитор наводил ужас на каждого священника и каждого мирянина, находящихся в пределах его юрисдикции. Фактически, он достиг высшего церковного ранга, не считая папства, и по мере того, как он поднимался все выше и выше, он обладал властью, немногим уступающей власти независимого абсолютного монарха, и его рвение в деле своей религии становилось все более пылким и далеко идущим. Без сомнения, в прежние времена он стал бы крестоносцем, но теперь он стремился сокрушить беглых мавров, которые бежали в Северную Африку, откуда они постоянно совершали набеги на юг Испании, горя желанием отомстить за обиды своих единоверцев, и были постоянным бичом и источником тяжких неприятностей.

Зло сосредоточилось в провинции Оран, укрепленной цитадели — самом значительном из мусульманских владений на берегах Средиземного моря, — откуда появилась стая пиратских крейсеров, укомплектованных изгнанными из Испании изгнанниками, которые искали и нашли желанное убежище в Ороне. Хименес был полон решимости захватить и выместить это осиное гнездо и предпринял его завоевание за свой собственный счет. Много насмешек было направлено против этого "монаха, готовящегося участвовать в битвах в Испании", но он выступил вперед, не остановленный, во главе мощной армии, доставленной сильным флотом из Картахены, который он высадил в африканском порту Мазалквивир и после нескольких отчаянных боев овладел Ораном. После своей успешной африканской кампании он возобновил свои обязанности главного инквизитора, и Святая канцелярия под его свирепым и энергичным правлением стала более деспотичной, чем когда-либо. Хименес следовал своим непоколебимым курсом и поощрял своих инквизиторов в их неустанной деятельности. Он желал расширить власть и влияние инквизиции и основал ее в новых странах, недавно присоединенных к испанским владениям. Один филиал был открыт в недавно завоеванной провинции Оран, а другой - дальше, в недавно открытом новом свете за Атлантикой. По инициативе Хименеса Фрая Хуан Кеведо, епископ Кубы, был назначен главным инквизитором королевства Террафирма, как назывались территории нового света.

Энергичное преследование ереси не ограничивало усилий Хименеса. Он основал великий университет Алькала, грандиозный проект, благородное учебное заведение, богато оснащенное великолепными зданиями и замечательной системой образования, которая

выпускала самых способных и выдающихся ученых. Другим великим памятником является хорошо известная многоязычная Библия, предназначенная для изложения Священных Писаний на различных древних языках, произведение исключительной эрудиции, на которое щедрый кардинал потратил огромные суммы.

Хименес дожил до преклонного возраста восьмидесяти одного года - достаточно долго, чтобы исполнять обязанности регента Испании во время междуцарствия, предшествовавшего приходу Карла I, более известного как император Карл V. Непосредственной причиной его смерти, как говорили, стало получение письма от императора, в котором он холодно благодарил за свои услуги и желал удалиться в свою епархию, чтобы "искать у небес той награды, которую только небеса могут достойно даровать". Сообщается, что в свои последние минуты он сказал, "что никогда намеренно не причинял зла никому, но воздавал каждому должное, не поддаваясь, насколько он был в сознании, страху или привязанности".

Он сочетал в себе многогранность таланта, обычно присущую только более мягким и покладистым характерам. Несмотря на то, что он вырос в монастыре, он отличился как в кабинете министров, так и в лагере. Что касается последнего, столь непохожего на его обычную профессию, то, по свидетельству его биографа, он обладал природным гением; и он выразил свое пристрастие к нему, заявив, что "запах пороха был ему приятнее самых сладких духов Аравии!" Однако в любой ситуации он проявлял печать своего особого призвания, и суровые черты монаха никогда не были полностью скрыты под маской государственного деятеля или забралом воина. Он в полной мере ощутил религиозный фанатизм, свойственный той эпохе; и у него была печальная возможность демонстрировать это в качестве главы того ужасного трибунала, которым он руководил в течение последних десяти лет своей жизни.

Вступление внука Фердинанда и Изабеллы на испанский престол в качестве Карла I (более известного как император Карл V), казалось, предвещало изменение отношений инквизиции и государства. Молодой государь родился в Генте и был скорее фламандцем, чем испанцем. Хотя его дед оставил в своем завещании торжественные предписания "трудиться изо всех сил, чтобы уничтожить и искоренить ересь" и назначить министров, "которые будут справедливо и должным образом руководить инквизицией для служения Богу и возвышения католической веры, и которые также будут проявлять большое рвение к уничтожению секты Магомета", сообщалось, что он сочувствовал критикам инквизиции и был склонен свернуть ее деятельность. Однако влияние его старого наставника Адриана Утрехтского, которого он назначил генеральным инквизитором сначала Арагона, а после смерти Хименеса - и Кастилии, превратило его в сильного друга и верного сторонника этого учреждения.

Кардинал Манрике, занявший пост генерального инквизитора, был человеком более доброго нрава, милосердным и благодетелем бедных. Он был склонен ослабить строгость Священной канцелярии, но ему внушили, что ересь растет из-за появления лютеранских мнений и жесточайшие преследования стали более чем когда-либо необходимы. Время от времени стали появляться протестанты, призывавшие к бескомпромиссным репрессиям. Труды Лютера, Эразма, Меланхтона, Цвингли и остальных ранних реформаторов были привезены в Испанию, но их распространение было признано преступлением, хотя Эразм когда-то был любимым автором.

Позже инквизиция подготовила *Index Expurgandorum*, или список осужденной и запрещенной литературы. Все книги, упомянутые в нем, были запрещены законом. Владение переводом

Библии на вульгарные языки было запрещено в 1551 году, и запрет не снимался до 1782 года. К тому времени уже не было такого пристального интереса к ее содержанию, и Книга получила небольшое распространение. В 1825 году Британское и зарубежное библейское общество направило одного из своих агентов в Испанию для распространения этой книги, и его приключения автобиографически описаны в интересном труде Джорджа Борроу "Библия в Испании".

Несмотря на все усилия сделать из морисков хороших католиков и испанцев, реального прогресса достигнуто не было. Они приняли крещение по принуждению, не осознавая, что таким образом они оказались под контролем Церкви. Более того, было приложено мало усилий для их обучения, и в результате тысячи людей, номинально христиан, скрупулезно соблюдали весь мусульманский ритуал, использовали старый язык и сохранили свою старую одежду. Некоторых, конечно, было трудно отличить от испанцев, с которыми они породнились, но в целом они казались неассимилируемым элементом населения.

Когда Филипп II наследовал своему отцу, Карлу V, в 1556 году, он решил принять решительные меры. Декрет, провозглашенный в Гранаде в 1566 году, запрещал использование отличительной одежды и мавританских имен. От старых обычаев следовало отказаться, а все бани - разрушить. Восстание последовало за этим указом, и какое-то время было сомнительно, удастся ли его подавить. В конце концов открытое сопротивление было преодолено, и несколько тысяч человек были переведены в горы Северной Испании. Тем временем действовала инквизиция, и тысячи людей были привлечены к суду за языческие обряды.

Предубеждения продолжали расти, и фанатики заявляли, что Испания никогда не сможет процветать, пока "семя зла" не будет уничтожено или изгнано с христианской земли. Зависть к процветанию морисков привела население к согласию с фанатиками, и в конце концов Государственный совет единогласно постановил об изгнании в 1609 году, во время правления Филиппа III. Первой была очищена Валенсия, а затем Мурсия, Гранада, Андалусия, Старая и Новая Кастилия и Арагон. Впоследствии были предприняты энергичные попытки искоренить лиц мавританской крови, которые стали неразличимы из-за их строгого соответствия. Несчастные изгнанники понесли большие страдания, и многие умерли. Те, кто добрался до Африки, принесли с собой ненависть, которая сохраняется и по сей день.

Число изгнанных неизвестно. Оценки варьируются от трехсот тысяч до трех миллионов. Вероятно, наиболее точной оценкой является цифра в шестьсот тысяч. В это число были включены самые искусные ремесленники, а также самая трудолюбивая и бережливая часть населения. Это была ошибка, от которой Испания так и не оправилась.

ГЛАВА III

ТЮРЬМЫ И НАКАЗАНИЯ

Тюрьмы, обычно часть здания, занимаемая судом—Лучше, чем гражданские тюрьмы—Применялись пытки—Новых методов не изобрели—Описание различных видов—Две распушенные лютеранские конгрегации—Описание некоторых известных *авто да фе*—Известные жертвы—Наказанные англичане—Суд над архиепископом Каррансой.

Тюрьмы инквизиции подразделяются на две большие категории: "тайные тюрьмы", в которых содержались лица, ожидавшие суда, и "покаянные тюрьмы", где отбывались наказания. Как правило, существовали также *карселес-де-фамильярес*, где содержались сотрудники учреждения, обвиняемые в противоправных действиях. В некоторых трибуналах существовали другие, по-разному называемые *cárceles medias*, *cárceles comunes* и *cárceles públicas*, куда могли заключаться правонарушители, не обвиняемые в ереси.

Однако больше всего поразили воображение тайные тюрьмы. Человек может исчезнуть из своих привычных мест обитания, и в течение многих лет его семья и друзья будут в неведении о его состоянии или даже о самом его существовании, пока однажды он не появится на *автодафе*. То, что происходило в этих стенах, было тайной. Редко просачивался какой-либо намек на происходящее. Все поклялись хранить тайну, и рука инквизиции была длинной, если незадачливый свидетель или сопровождающий не прислушивался к его указаниям.

Эти тюрьмы почти всегда были частью здания, занимаемого трибуналом. В Валенсии это был дворец архиепископа; в Сарагосе - королевский замок; в Севилье - Триана; в Кордове - Алькасар и так далее. В некоторых уже были подготовлены камеры и темницы, в других они были построены. Не было единого стандарта удобства или санитарии. Во многих случаях, возможно, в целом, они были лучше обычных тюрем, в которых содержались обычные заключенные. Однако мы знаем, что некоторые из них были совершенно темными и очень сырыми. Другие были настолько малы, что приходилось сидеть в тесноте, и вообще почти не проветривались. Иногда за ними плохо ухаживали, и отвратительная грязь и паразиты делали их невыносимыми. За триста лет инквизиции под тюрьмы использовалось множество мест, и ни одно утверждение не является достаточно широким, чтобы охватить их все. Смертность была высокой, но не такой высокой, как в тюрьмах в целом. Поскольку многие из них были неподходящими и часто небезопасными, ношение оков было обычным делом. Заключенные часто, между прочим, говорят о своих цепях.

Иногда более одного заключенного занимали одну и ту же комнату, и таким образом добывалось много доказательств, поскольку каждый надеялся смягчить свое собственное наказание, обвиняя других. Письменные принадлежности были наприема, хотя каждый лист должно быть учтено и поставлено на официальном руки. Фонари не допускается.

Однако полная секретность не всегда обеспечивалась. Иногда обслуживающий персонал был подкуплен, и с помощью различных хитроумных методов сообщения иногда попадали внутрь или наружу. Опять же, в случаях тяжелого заболевания заключенный может быть переведен в больницу, которая, однако, должна будет отчитаться за него, если он выздоровеет. Кардинал Адриан, генеральный инквизитор, напомнил трибуналам, что тюрьма предназначена для содержания под стражей, а не для наказания, что заключенных нельзя обманом лишать еды и что камеры должны тщательно проверяться.

Эти и подобные инструкции, издаваемые с определенной периодичностью, не всегда выполнялись, поскольку инквизиторы часто проявляли небрежность. По словам Ли, "нельзя

составить никакого общего суждения о состоянии стольких тюрем за три столетия, за исключением того, что их средний уровень был значительно выше, чем в других юрисдикциях, и что, если и существовали обитатели ужаса, подобные тем, которые были описаны писателями с богатым воображением, то они были совершенно исключительными".[5] Снова тот же автор цитирует случаи, когда заключенные говорят об улучшении здоровья благодаря лучшему питанию в тюрьме, чем они привыкли дома, и, подводя итог, заявляет, что общее управление было более гуманным, чем где-либо еще, как в Испании, так и за ее пределами.

Мы можем вкратце перечислить различные процессы инквизиции по порядку, по мере их завершения. Сначала последовал донос, за которым последовал арест и начало расследования. Затем несколько вменяемых преступлений были переданы экспертам по логике, названным "квалификаторами", которые, так сказать, решали, "был ли настоящий законопроект", и в этом случае фискальный прокурор приговаривал обвиняемого к пожизненному заключению. Ему были предоставлены три аудиенции, и время было полностью занято предостережениями и проверками. Затем были сформулированы обвинения, но с большим размахом и дублированием. Они не были сведены к письменному виду и переданы обвиняемому для медленного прочтения и ответа, а были лишь торопливо зачитаны ему. При предъявлении обвинения его тут же попросили ответить на каждую статью, чтобы сразу заявить, была ли она правдивой или ложной. Обвинения обычно выдвигались информатором, и при необходимости приходилось прибегать к "расследованию", выискиванию подозрительных или порочащих фактов, по которым требовались доказательства, с любой стороны и от любого хорошего или плохого человека. Если обвиняемый настаивал на отрицании, ему разрешался адвокат, но позже адвокат становился должностным лицом инквизиции и, естественно, выступал лишь в формальной защите. Апелляция на применение пыток подавалась, если заключенный упорно отрицал свою вину, несмотря на правдоподобные показания, или если он лишь частично признавался в предъявленных ему обвинениях, или если он отказывался назвать своих сообщников. Свидетеля, который отказался от своих показаний или противоречил сам себе, могли подвергнуть пыткам, чтобы установить истину.

Однако было признано, что пытки ни в коем случае не являются безошибочным методом установления истины. "Слабодушные люди, нетерпеливые к первой боли, сознаются в преступлениях, которых они никогда не совершали, и в то же время обвиняют других. Смелые и сильные вынесут самые жестокие муки. Те, кто уже побывал на дыбе, вероятно, перенесут ее с большим мужеством, потому что они знают, как приспособить к ней свои конечности, и могут сопротивляться более мощно ". Можно признать, что система была настолько гуманной, что пытка не применялась до тех пор, пока все остальные попытки не были испробованы и не увенчались успехом. Орудия пыток сначала демонстрировались с угрозами, но после того, как они были использованы, это могло повторяться изо дня в день, "в продолжение", как это называлось, и если происходили какие-либо "нарушения", такие как смерть жертвы, инквизиторы были уполномочены отпускать грехи друг другу. Дворяне предположительно были освобождены от пыток, и это было запрещено гражданскими законами Арагона, но Святая канцелярия, тем не менее, была уполномочена подвергать пыткам без ограничений всех лиц всех классов.

Пытки не применялись инквизицией в качестве наказания и не были чем-то особенным для ее судебных процессов. До сравнительно недавнего времени это был признанный метод получения свидетельских показаний, принятый почти во всех судах Европы как нечто само собой разумеющееся. Инквизиция, по-видимому, не изобрела никаких новых методов и редко использовала крайние формы, которые обычно практикуются. Фактически, почти в каждом случае пытка применялась обычным государственным палачом, который был вызван для этой цели и поклялся хранить тайну. Список пыток, применявшихся к гражданским заключенным, был длинным, и сейчас они кажутся нам дьявольскими по своей изобретательности. Полный курс лечения потребовал бы многих часов и, по-видимому, включал причинение боли каждому органу или конечности и почти каждой отдельной мышце и нерву. Записи инквизиции почти неизменно указывают на применение нескольких хорошо известных видов насилия.

От некоторых видов отказались из-за опасности нанесения необратимого вреда, а на смену пришли другие, менее жестокие, но, вероятно, не менее болезненные. Часто в протоколе указывается, что заключенный "преодолел пытку", *то есть* не был склонен к признанию вины. Очевидно, что, хотя сама идея этого отвратительна нам сегодня, применяемые пытки были менее ужасны, чем пытаются заставить нас поверить некоторые авторы.^[6]

Любопытное напоминание о методах, используемых Святой Канцелярией, сохранилось в старинном "Руководстве севильской инквизиции", тонком томе в quarto, переплетенном в пергамент, со страницами, частично напечатанными, частично рукописными. На нем стоит дата 1628 года, и предполагается, что он составлен на основе древних и современных инструкций по порядку проведения процедуры. Он был найден во Дворце инквизиции в Севилье, когда тот был разграблен в 1820 году. В одной части этого руководства подробно описываются шаги, которые необходимо предпринять, "когда необходимо применить пытку". Преступника, которого привели в аудиторию, предупредили, что он не сказал всей правды, и поскольку считалось, что он многое скрывал, его собирались "пытать", чтобы заставить высказаться. Затем был вынесен официальный приговор о заключении в камеру пыток после "призывания имени Христа". Было объявлено, что будет проведен "допрос". Был подробно описан метод причинения вреда, будь то с помощью блоков, воды или веревок, или любым другим способом, который должен продолжаться "столько времени, сколько сочтет нужным", с оговоркой, что если при указанных пытках "он (или она) умрет или будет ранен, или если произойдет какое-либо кровоизлияние или увечье члена, вина должна лежать на нем (или ней), а не на нас".

Далее в рукописи приводится описание пыток, которым подвергалась одна несчастная женщина, имя которой не приводится.

После этого ей было приказано отвести ее в камеру Пыток, куда отправились лорды инквизиторы, и когда они были там, ей посоветовали говорить правду и не позволять втягивать себя в такие большие неприятности.

Ее ответ не записан.

"Был вызван Карлос Фелипе, исполнитель правосудия, и с него взяли клятву, что он будет делать свое дело хорошо и добросовестно и сохранит тайну. Все это он обещал.

"Ей сказали говорить правду, иначе будет отдан приказ раздеть ее. Ей было приказано раздеться догола.

"Ей сказали говорить правду, иначе будет отдан приказ отрезать ей волосы. Повязку сняли, и ее осмотрели врач и хирург, которые подтвердили, что нет никаких причин, по которым ее нельзя было бы подвергнуть пыткам.

"Ей было приказано взобраться на дыбу и сказать правду, иначе ее тело должно быть связано; и она была связана. Ей было приказано говорить правду, или они прикажут пристегнуть ее правую ногу к *трамплину*."^[7]

После *прыжка на батуте* правой ноги следует прыжки на левой. Затем последовало связывание и растяжение правой руки, затем левой. После этого *удавка* или сжатие мясистых частей рук и бедер тонкими веревками - план, используемый для приведения в чувство любого человека, потерявшего сознание во время пыток. В последнюю очередь была применена *манчуэрда* - одновременное натяжение всех веревок на всех конечностях и частях тела.

Пытка водой использовалась для вымогательства признания. Пациент был крепко привязан к *потро*, или лестнице, перекладки которой имели острые края. Голова была неподвижно закреплена ниже туловища, а рот удерживался открытым с помощью железного штыря. Льняная полоска медленно пропускала воду в рот, заставляя жертву задыхаться. Иногда для получения желаемого результата требовалось шесть или восемь банок, каждая вместимостью около кварты. Это "водолечение", найденное на Филиппинах американскими солдатами, когда острова были захвачены.

Если эти уговоры все еще не возымели действия, или если час был поздний, или "по другим соображениям" пытка могла быть приостановлена с объяснением того, что она была недостаточно испытана, и жертву отводили обратно в тюрьму, чтобы снова выпустить после передышки. С другой стороны, если признание было получено, оно записывалось слово в слово и представлялось жертве для утверждения по истечении по крайней мере двадцати четырех часов. Если он откажется от признания, его могут снова подвергнуть пыткам.

Когда по ряду дел принимались решения, Верховный суд назначал день, обычно воскресенье или праздничный день, для вынесения приговора. Это было *аутодафе*, буквально "акт веры". Большие праздники, Пасха, Рождество или воскресенья Адвента или Великого поста были исключены, потому что в эти святые дни в церквях проводились свои особые музыкальные или драматические представления. Назначенный день был объявлен со всех кафедр города (Севильи, Мадрида или Кордовы, в зависимости от обстоятельств) и было объявлено, что представитель инквизиции произнесет "проповедь веры" и что ни один другой проповедник не должен повышать голос. Гражданские власти были предупреждены, чтобы они были готовы принять своих жертв. В то же время официальные лица развернули транспарант и обнародовали заявление о том, что "ни один человек, независимо от его положения или качества, с этого часа до завершения *аутодафе* не должен носить оружие наступательного или оборонительного характера под страхом более строгого отлучения от церкви и конфискации такого оружия; и в течение того же периода никто не должен ездить в карете, носилках или верхом по улицам по маршруту процессии, ни входить в ограду, в которой было возведено место казни (*кемадеро*)", которая обычно находилась за стенами.

Накануне великого дня была организована великолепная процессия, на которую все общины монахов города и окрестностей собрались в Святом Доме инквизиции вместе с комиссарами и приближенными Святой Канцелярии. Они вышли вперед триумфальным строем, за ними

следовали "отборочные" и эксперты, все с зажженными большими белыми свечами. Посреди них несли носилки, покрытые черным покрывалом, а замыкал шествие оркестр, инструментальный и вокальный, исполнявший гимны. В таком порядке процессия достигла общественной площади, когда с носилок сняли покров и обнажили зеленый крест, который отнесли к алтарю на возвышении и там установили в окружении дюжины свечей. Белый крест был доставлен к месту сожжения. Теперь сильный отряд всадников и несколько монахов-доминиканцев заняли пост, чтобы наблюдать всю ночь, а остальные актеры разошлись. В то же время те, кому предстояло пострадать, были готовы к роковому событию. Все они были наголо обриты, как голова, так и борода, чтобы придать себе вид наготы и унижения, соответствующий их жалкому положению. На рассвете их последнего дня облачали в предписанные одежды и выводили из камер в часовню или большой зал. Наименее гнусные преступники были одеты в грубые черные блузы и панталоны, босиком и с непокрытой головой. Самые злостные преступники были в *санбенито*, или покаянном мешке из желтого холста, украшенном Андреевским крестом, нарисованным ярко-красной краской, и они часто носили повод на шее как знак позора. Те, кому предстояло умереть на костре, отличались черными *санбенито* с нарисованными языками пламени, а на головах носили конический бумажный головной убор в форме епископской митры, но также чем-то напоминающий дурацкий колпак. Это называлось *soroza*, презрительная форма *corona* или короны. Чтобы сделать одежду еще более отвратительной, ее украсили грубыми изображениями дьяволов в пламени. Осужденных, когда они проходили мимо на своем пути, до последнего осаждали настойчивыми призывами покаяться, и им давали обещание, что если они уступят, то будут вознаграждены менее мучительной смертью и будут задушены прежде, чем пламя доберется до них. Все кающиеся были обязаны сидеть на земле в глубоком молчании и даже не шевелить конечностями, в то время как медленно тянулись часы. Утром перед ними был накрыт роскошный обед, и им позволили наесться досыта. Все официальные лица и гости также были угощены перед началом рабочего дня.

После проповеди секретарь зачитал всем собравшимся клятву поддерживать инквизицию. Затем были вынесены приговоры, начиная с менее тяжких правонарушений и заканчивая более тяжкими. Наказания варьировались от выговора, через отречение, штрафы, изгнание на более или менее длительный срок, лишение места жительства, епитимья, бичевание, галеры, тюремное заключение, ношение *санбенито* или одежды для покаяния, вплоть до "расслабления перед светской властью"; т. е. смерть на костре. Эти наказания влекли за собой гражданскую инвалидность, а также запятнали кровь потомков осужденных.

Епитимья может быть наложена в различных формах. От осужденного, возможно, потребовали бы поститься один день в неделю, читать определенное количество молитв в назначенные дни или появляться в дверях церкви с поводком на шее по воскресеньям подряд. Когда назначалось бичевание, кающегося, обнаженного по пояс, сажали верхом на осла и провожали по главным улицам в сопровождении городского глашатая. Тем временем палач в сопровождении писаря для подсчета использовал *пенку*, или кожаный ремень, но ему было строго-настрого предписано не пускать кровь. Обычно двести ударов плетью были пределом.

Теоретически еретик, избежавший костра по признанию вины, приговаривался к пожизненному заключению. Это наказание может отбываться в тюрьме, монастыре или в частном доме. На самом деле, сравнительно немногие содержались в тюрьмах, поскольку

расходы на содержание были тяжелым бременем, и приговоры обычно заменялись депортацией в колонии или отправкой на галеры, или же срок заключения сокращался.

Суд над телами умерших и вынесение им приговора были обычным делом, но это не было чем-то особенным для инквизиции. Еще в 1600 году в Шотландии тела графа Гоури и его брата были доставлены в суд и приговорены к повешению, четвертованию и виселице. Логан из Ресталрига в 1609 году, через три года после своей смерти, предстал перед судом по обвинению в участии в том же заговоре, был признан виновным, а его имущество конфисковано.

Перечисляя наказания, налагаемые инквизицией, мы не должны забывать, что она взяла на себя юрисдикцию по многим преступлениям, которые сегодня рассматриваются гражданскими судами. Двоеженство каралось, поскольку, вступая во второй брак, преступник отрицал авторитет Церкви, которая превращает брак в таинство. Перед судом также предстали определенные формы богохульства, а также лжесвидетельство. Представители духовенства или чиновники инквизиции были наказаны, а позже они получили юрисдикцию в отношении противоестественных преступлений. Магия и колдовство, которые в других штатах, включая американские колонии, считались предметом рассмотрения светских судов, находились в юрисдикции испанской инквизиции.

Каким бы странным это ни показалось на первый взгляд, отношение инквизиции к колдовскому заблуждению почти с самого начала было скептическим. Отдельные инквизиторы, находившиеся под влиянием почти всеобщей веры, время от времени проявляли активность, но Супрема умерял их рвение. В 1610 году в Логроньо был проведен *автопробег*, который стал центром дикого ажиотажа. Двадцать девять ведьм были наказаны, шестеро из которых были сожжены, а кости пяти других, умерших в тюрьме, также были употреблены в пищу. С восемнадцатью оставшимися "помирились". Однако в 1614 году Верховный суд составил подробный свод инструкций для судов. Хотя эти инструкции и не отрицали существования колдовства, они рассматривали его как заблуждение и практически делали доказательство невозможным. В результате такой политики жертв повального увлечения в Испании можно пересчитать чуть ли не десятками, в то время как почти во всех остальных странах Европы их число исчисляется тысячами. В Великобритании, по самым приблизительным оценкам, число жертв составляет тридцать тысяч, и еще в 1775 году великий юрист сэр Уильям Блэкстоун говорил, что отрицать "фактическое существование колдовства - значит сразу же категорически противоречить богооткровенному слову Божьему".^[8]

Конечно, ересь, согласно взглядам не только католиков, но и протестантов, заслуживала смерти как форма государственной измены. Толерантность - современная идея. Кальвин сжег Сервета в Женеве, за что был аплодирован. Протестанты в Англии преследовали других протестантов, а также католиков. Нераскаявшийся еретик в Испании был сожжен заживо. Того, кто после осуждения выражал свое раскаяние и желание умереть в Церкви, обычно душили до того, как его касалось пламя. Прежде чем перейти к описанию некоторых известных *аутодафе* и последующего применения смертной казни, необходимо дать несколько пояснений.

Протестантские доктрины были привнесены в Испанию либо иностранцами, либо местными жителями, которые путешествовали или учились в чужих странах, но продвигались медленно. В 1557 году в Севилье была обнаружена тайная организация, насчитывавшая около ста двадцати

членов. На следующий год в Вальядолиде была обнаружена еще одна небольшая группа численностью около шестидесяти человек.

Почти одновременное разоблачение этих двух еретических организаций, в обе из которых входили несколько выдающихся людей, вызвало большой переполох. Карл V, живший в то время в Сан-Юсте, куда он удалился после своего отречения, написал своей дочери Хуане, исполнявшей обязанности регента в отсутствие Филиппа II, призывая к самым строгим мерам и безжалостному преследованию еретиков. Потребовалось небольшое стимулирование инквизиции, и две маленькие конгрегации были уничтожены.

Часть осужденных в Вальядолиде были приговорены на большом *аутодафе*, состоявшемся в Троицкое воскресенье, 21 мая 1559 года, в Вальядолиде, незадолго до Филиппа II, который был за границей, но председательствовала его сестра, принцесса Хуана, и с ней был несчастный принц Дон Карлос. Это было блестящее собрание, огромное количество испанских грандов, титулованных дворян и джентльменов без титула, высокопоставленных дам в великолепных одеждах, все они сидели с большим почетом, наблюдая за прибытием покаянной процессии. Четырнадцать еретиков должны были умереть, еще шестнадцать - "примириться", но быть заклеяменными позором и понести меньшие наказания. Среди пострадавших было много высокопоставленных лиц, таких как два брата Касалья и их сестра, дети королевского контролера, один из которых был каноником Церкви, другой - пресвитером, и все три члена маленькой лютеранской конгрегации. Их мать умерла в ереси, и по этому случаю ее изображение, одетое во вдовьи одежды и митру с пламенем, пронесли по улицам, а затем публично сожгли. Ее дом, где лютеране собирались на молитву, был разрушен до основания и установлен столб с надписью, излагающей ее преступление и приговор. Другой жертвой стал лицензиат Антонио Херресуэло, нераскаявшийся лютеранин, единственный, кто пошел на костер непоколебимым, распевая псалмы и декламируя отрывки из Священного Писания. Наконец они заткнули ему рот кляпом, и солдат в порыве рвения ударил его алебардой, но рана была не смертельной, и, истекая кровью и жжением, он медленно скончался.

Шестнадцать человек, переживших ужасы того дня, были доставлены обратно в тюрьму инквизиции, чтобы провести в камерах еще одну ночь. На следующее утро они снова предстали перед инквизиторами, которые снова увещевали их, и им, наконец, были зачитаны приговоры. Некоторых, обреченных на галеры, сначала переводили в гражданскую тюрьму в ожидании высылки после того, как их пороли на улицах и рыночных площадях. Другие, одетые в *санбенито* и с веревками в руках, подверглись улюлюканью и оскорблениям непристойной толпы. Все, кто проходил через руки Святой Канцелярии, поклялись хранить в вечном молчании все, что они видели, слышали или перенесли, под угрозой возобновления судебного преследования.

Филипп II присутствовал на втором великом *аутодафе* в Вальядолиде в октябре того же года, когда были приговорены остальные протестанты. Его жена, королева Англии Мария, была мертва, и он вернулся в Испанию через Нидерланды, отправившись из Флашинга в Ларедо. Плохая погода и плохое морское дело едва не погубили его флот в виду порта, и Филипп поклялся, что, если ему будет позволено ступить на берег, он будет неустанно преследовать еретиков Испании. Он был спасен от утопления и сразу же отправился в Вальядолид, чтобы исполнить свой обет.

Церемония была организована с беспрецедентной помпой и великолепием. Король прибыл торжественно, радуясь тому, что нескольким знатным еретикам было предоставлено умереть в мучениях, к его особому удовольствию. Его наследник, дон Карлос, принц Астурийский, также присутствовал, но по принуждению; ему было в то время не более четырнадцати лет, и он корчился в агонии при виде страданий на бывшем *авто*. Более того, когда его призвали присягнуть на верность инквизиции, он принял присягу с большой неохотой. Не таков король Филипп, который, когда его призвали принести ту же клятву на втором *аутодафе*, встал на свое место, обнажил меч и размахивал им, поклявшись оказывать всяческую благосклонность Святой Канцелярии и поддерживать ее министров против тех, кто может прямо или косвенно препятствовать ее усилиям или делам. "*Asi lo juro*", - сказал он с глубоким чувством. "Так я клянусь".

Жертвы на этом великом *аутодафе* были многочисленными и прославленными. Одним из них был дон Карлос де Сесо, итальянец из знатной семьи, сын епископа, ученый, который долгое время состоял на службе у императора Карла V и был главным судьей Торо. Он женился на испанке и проживал в Логроньо, где стал объектом подозрений как профессор лютеранства и был арестован. Они отвезли его в тюрьму Вальядолида, где ему предъявили обвинение, подвергли пыткам и приговорили к смерти. Когда его призвали к исповеди, он написал два полных листа с осуждением католического учения, утверждая, что оно расходится с истинной верой в Евангелие. Священники тщетно спорили с ним, и на следующее утро его привели в церковь, заткнули рот кляпом и таким образом отправили на сожжение, "чтобы он не произносил ереси на глазах у народа". У костра ему вынули кляп, и его снова призвали отречься, но он решительно отказался и велел им поскорее разжечь костер, чтобы он мог умереть в своей вере.

Доминиканцы испытывали большое горе в связи с кончиной одного из членов их ордена, отца Доминго де Рохаса, который, несомненно, был лютеранином. По пути на костер он попытался воззвать к королю, который прогнал его и приказал заткнуть ему рот кляпом. Более сотни монахов его ордена неотступно следовали за ним, умоляя его отречься, но он упорствовал в решительном, хотя и невнятном отказе до тех пор, пока не увидел пламя. Затем он отрекся и был задушен перед сожжением. Некто Хуан Санчес, уроженец Вальядолида, бежал во Фландрию, но был преследуем, схвачен и доставлен обратно в Испанию, чтобы умереть в этот день. Когда веревки, которыми он был связан, лопнули в огне, он подпрыгнул в воздух от боли, но все же оттолкнул жрецов и призвал еще огня. Еще девять были сожжены в присутствии короля, который не был просто пассивным зрителем, но посетил различные костры и приказал своей личной охране помочь сложить топливо.

Конгрегация в Севилье была приговорена на *аутодафе*, состоявшихся в 1559 и 1560 годах. 22 декабря прошлого года было сожжено четырнадцать тел и три чучела. Последние были известными людьми. Одним из них был доктор Эджидио, который был ведущим каноником Севильского собора и которого судили и заставили отречься от своей ереси в 1552 году. После освобождения он возобновил свои связи с лютеранами, но вскоре умер и был похоронен в Севилье. Его труп был эксгумирован, предан суду и сожжен вместе с его изображением; все его имущество было конфисковано, а память о нем объявлена позорной. Другим был доктор Понсе де ла Фуэнте, человек глубокой образованности и необычайного красноречия, который был капелланом и проповедником императора. Он последовал за императорским двором в Германию, затем вернулся, чтобы очаровать обширные паствы в Севилье, но шпионы

сообщили, что его проповеди были запятнаны реформатскими доктринами. Он был схвачен инквизицией, и у него также было изъято множество компрометирующих бумаг. Брошенный в тайную темницу и столкнувшийся с этими доказательствами своей ереси, он ни в чем не признался и не предал никого из своих друзей. Его перевели в подземную камеру, сырую и зловонную, такую узкую, что он едва мог передвигаться, и лишили самого необходимого для жизни. Существование стало невозможным в таких условиях, и он умер, провозгласив на последнем издыхании, что ни скифы, ни каннибалы не могут быть более жестокими и бесчеловечными, чем варвары Святой Канцелярии. Третьим уничтоженным изображением было изображение доктора Хуана Переса де Пинеда, в то время скрывавшегося в Женеве.

Главным среди живых жертв был Джулиан Эрнандес, которого обычно называли *эль Чико*, "маленький", из-за его миниатюрного роста. И все же сердце у него было самое большое, а храбрость необычайной. Он был дьяконом Реформатской церкви и осмелился проникнуть в глубь Испании под видом погонщика мулов, перевозя товары, в которых была спрятана лютеранская литература. Будучи чрезвычайно проникательным и смелым, он путешествовал далеко за пределы Кастилии в Андалусию, распространяя свои книги среди высокопоставленных и образованных людей во всех главных городах. Его ученость, умение спорить и благочестие были не менее замечательны, чем усердие и активность, с помощью которых он пресекал все попытки схватить его. В конце концов он был схвачен и заключен в тюрьму. Нескольким священникам было приказано оспаривать его мнение, и его неоднократно пытали, чтобы выпытать имена тех, кто помогал ему в его долгом и опасном паломничестве по полуострову, но он был стойким и молчал до последнего.

Гражданин Лондона, некто Николас Бертон, был шкипером, который торговал в Кадисе на своем собственном судне. Он был арестован по информации "знакового" инквизиции, обвиненного в том, что он пренебрежительно отзывался о религии страны. Ему не объяснили причины, и когда он с негодованием запротестовал, его бросили в общую тюрьму и продержали там две недели, в течение которых его заставляли утешать и проповедовать Евангелие своим товарищам по заключению. Это дало повод для его преследователей, и он был отправлен по еще одному обвинению в ереси в Севилью, где был заключен в тюрьму, закованный в железо, в секретной тюрьме инквизиции в Триане. В конце концов его осудили как непокорного лютеране и вывели наружу, облачив в *санбенито* и выставив напоказ в большом зале Святой Канцелярии с вывалившимся изо рта языком. Наконец, будучи закоренелым в своей ереси, он был сожжен, а его корабль с грузом перешел во владение его преследователей.

История на этом не заканчивается. Другой англичанин, Джон Фрэмpton, адвокат из Бристоль, был послан совладельцем в Кадис с требованием восстановить корабль. Он был вовлечен в утомительный судебный процесс и в конце концов был вынужден вернуться в Англию для получения расширенных полномочий. До свидания он во второй раз отправился в Испанию, а по прибытии в Кадис был схвачен слугами инквизиции и доставлен в Севилью. Он путешествовал на спине мула, "привязанный цепью, которая трижды проходила под его брюхом и конец которой был закреплен в железном висячем замке, прикрепленном к луке седла". Двое вооруженных фамильяров ехали рядом с ним, и таким образом под конвоем и охраной он был доставлен в старую тюрьму и помещен в зловонное подземелье. Ему были устроены обычные допросы, и, к удовлетворению Святой канцелярии, было доказано, что он английский еретик. Тех же улик было достаточно, чтобы отправить его на дыбу, и через четырнадцать месяцев он был доставлен в качестве кающегося на то самое *аутодафе*, на котором был казнен Бертон,

капитан корабля. Фрэмpton вернулся в тюрьму еще на год, и ему запретили покидать Испанию. Ему удалось сбежать и вернуться в Англию, чтобы полностью раскрыть свои проступки, но корабль так и не был сдан, и никакой компенсации получено не было.

Другие англичане время от времени попадали в руки инквизиции. Хаклюйт сохранил простые рассказы двух английских моряков, которые были привезены испанскими захватчиками из Индии в качестве жертвоприношения "Святому дому" Севильи, хотя подлинность этих утверждений подверглась сомнению. Один из них, беспечный малый Майлз Филлипс, который был слишком хорошо знаком в Мексике с застенками инквизиции, перелез через борт корабля в Сан-Лукаре, недалеко от Кадиса, выбрался на берег и смело отправился в Севилью, где вел скрытную жизнь ткача шелка, пока не нашел свой шанс улизнуть и сесть на девонское торговое судно. Другой, Джоб Хортоп, добавил к своим двум годам заключения в Мексике еще два года в Севилье. Затем "они вывели нас процессией", как он рассказывает нам, "у каждого из нас была свеча в руке и пальто с надписью S. Андреевский крест на наших спинах; они привели нас на высокий эшафот, который был установлен на площади Святого Франциска, что на главной улице Севильи; там они усадили нас на скамьи, каждого в своей степени, а против нас на другом эшафоте усадили всех Судей и Духовенство на свои скамьи. Люди удивлялись и смотрели на нас, одни жалели нас, другие говорили: "Сожгите этих еретиков". Когда мы сидели там два часа, мы провели проповеди к нам, после чего один называется Bresina, секретарем в Ки, взошел на амвон и призвал Роберт Баррет, капитан, и Джон Гилберт, которого двое знакомых инквизиции принес с эшафота перед судьями, и секретарь зачитывает приговор, который был, что они должны быть сожжены, и чтобы они вернулись на эшафот и были сожжены.

Затем я, Джоб Хортоп и Джон Боун, были вызваны и доставлены в то же место, что и остальные, и точно так же услышали наш приговор, который заключался в том, что мы отправимся на галеры, где будем десять лет грести одним концом весла, а затем будем возвращены в Дом инквизиции, где нам наденут на спины плащи с Андреевским крестом, а оттуда отправимся в вечную тюрьму без исправления.

- Меня вместе с остальными отправили на Галеры, где нас сковали по четверо вместе.... От голода, жажды, холода и побоев у нас не было недостатка ни в чем, пока не истек срок наших нескольких сроков; и по истечении двенадцати лет, поскольку я отсидел на два года сверх своего срока, меня отправили обратно в Дом инквизиции в Севилье, и там, надев вышеупомянутый плащ с Андреевским крестом, я был отправлен в вечную тюрьму без исправительных работ, где я носил плащ четыре года, а затем, по большому счету, с меня сняли его за пятьдесят червонцев, которые мне одолжил Эрнандес де Сория, казначей королевского монетного двора, которому я должен был служить за это семь лет каторги." Эта жертва тоже в конце концов спаслась на летающей лодке и добралась до Англии.

В записях инквизиции того периода упоминается имя выдающегося испанского священнослужителя, который оскорбил Святую Канцелярию и почувствовал на себе тяжесть ее влияния. Это был Бартоломе де Карранса, архиепископ Толедский, примас Испании, доминиканец, чье возвышение было быстрым и которого обвиняли в склонности к лютеранству. В молодости он прошел через руки инквизиции и подвергся порицанию за выражение одобрения трудов Эразма, но никаких других действий предпринято не было. Его глубокие

богословские знания действительно привлекали его к Церковным советам, на которых он часто выступал в качестве эксперта по подозрительным книгам.

Интересна связь Каррансы с английской историей. Во время бракосочетания королевы Марии с Филиппом II он приехал в Лондон, чтобы совместно с кардиналом Поулом договориться о примирении Англии с Римом. Он неустанно трудился, чтобы привлечь на свою сторону британских протестантов, "постоянно проповедовал, убеждал и обращал в свою веру бесчисленных еретиков ... руководил королевой и советами и помогал в разработке правил управления английскими университетами". Он особенно заботился о преследовании упрямых еретиков и был в какой-то мере ответственен за сожжение Томаса Кранмера, архиепископа Кентерберийского. Его рвение и великие заслуги сделали его естественным преемником архиепископства Толедо, когда оно стало вакантным, и он был почитаем как главный столп католической церкви, которому со временем было суждено самое высокое назначение. Он действительно мог бы стать кардиналом и даже верховным понтификом перед смертью.

Однако, приближаясь к самой вершине, он был на грани падения на самую низкую глубину. У него было много врагов. Его суровые взгляды на церковную дисциплину, высказанные на Тридентском соборе, оттолкнули многих епископов, которые планировали его гибель и тайно следили за его выступлениями и писаниями в поисках симптомов нездоровья. Вальдес, главный инквизитор, был ведущим оппонентом и усердно собирал массу доказательств, свидетельствующих против Каррансы. Он использовал "опасные выражения", проповедуя в Англии, особенно перед еретиками, и один свидетель показал, что некоторые из его проповедей, возможно, были произнесены самим Меланхтоном. Он утверждал, что милосердие может быть проявлено к лютеранам, которые отреклись от своих заблуждений, и часто проявлял скандальную снисходительность к еретикам. Вальдес легко сфабриковал дело против Каррансы, достаточно веское, чтобы поддержать ходатайство перед папой римским о разрешении инквизиции арестовать и заключить в тюрьму примаса Испании. Павел IV, новый папа, разрешил арест. При этом была проявлена большая осмотрительность из-за ранга заключенного. Каррансу пригласили приехать в Вальядолид для беседы с королем, и архиепископ, испытывая некоторые опасения, отправился в путь. Кстати, были собраны значительные силы людей — все лояльные инквизиции — и в городе Торрелагуна арест был произведен с большой формальностью и уважением.

По прибытии в Вальядолид заключенный попросил разрешения приютить его в доме друга. Святая канцелярия согласилась, но арендовала здание. Судебный процесс представлял много серьезных трудностей. Это был не обычный заключенный; Карранса пользовался широкой популярностью, и Верховный совет королевства разделился во мнениях относительно доказательств его вины. Было допрошено около сотни свидетелей, но получить доказательства было нелегко. Кроме того, Карранса подал апелляцию к Верховному понтифику. Год за годом проходили утомительные судебные разбирательства, и завязалась жестокая борьба между Римом и испанским судом, который поддерживал инквизицию. Наконец, после восьмилетнего заключения, примас был отправлен в Картахену, чтобы сесть на корабль, отплывающий в Рим, в сопровождении нескольких инквизиторов и герцога Альвы, этого самого известного дворянина, бича и угнетателя Нидерландов. Все высадились в Чивита-Веккья, и отряд направился в Святой город, где Каррансу сразу же поместили в замок Святого Анджело, хорошо известную государственную тюрьму. Он содержался там девять лет, пока не был освобожден папой Григорием XIII. Его осудили за его ошибки и потребовали отречься от лютеранских принципов,

содержащихся в его трудах, и освободили от обязанностей архиепископа, с которыми, однако, его силы, ослабленные возрастом и страданиями, были уже не равны. Во время посещения семи церквей в качестве покаяния он заболел 23 апреля 1576 года и вскоре скончался. Однако перед смертью папа дал ему полную индульгенцию.

Те, кто видел его в его последние дни, отмечают, что он переносил свои испытания с достоинством и терпением. Но этот ученый священник, который был призван на высшую ступень церковной иерархии только для того, чтобы сам подвергся нападению и был низвергнут, был тем же самым, кто жестоко судил Томаса Кранмера и довел его до мученической смерти.

ГЛАВА IV

ЗАРУБЕЖНАЯ ИНКВИЗИЦИЯ

Новое поле деятельности инквизиции в Испанской Америке — Операции, начатые Хименесом и более прочно установленные Карлом V — Жалобы испанских вице-королей — Рвение инквизиторов на некоторое время сдерживалось — Возродилось при Филиппе II — Королевский эдикт, запрещающий еретикам эмигрировать в Испанскую Америку — Инквизиция распространилась на Нидерланды — Слушания по делу о восстании в Голландии — Инквизиция на галерах, учрежденная Филиппом — Растущая неприязнь к инквизиции — Опыт ювелира Карселя — Его рассказ *обаудоафе* — Упадок инквизиции полномочия инквизиции.

Приобретение Испанской Америки открыло новое поле для деятельности инквизиции. Помимо туземцев, там были новые христиане, бежавшие за моря в поисках убежища от нетерпимости на старой родине. Хотя через некоторое время эмиграция еретиков была запрещена, чтобы они не распространяли ненавистные доктрины, кардинал Хименес, будучи генеральным инквизитом, решил, что в Новом Свете должна быть своя Святая Канцелярия, и назначил отца Хуана де Кеведо, тогдашнего епископа Кубы, генеральным инквизитом "Твердой земли", как обычно называли материковую часть Испании. Инквизиция была более широко учреждена Карлом V, который уполномочил кардинала Адриана организовать ее и назначить новых руководителей. Доминиканцы были верховодны, как и в старой стране, и действовали со своей обычной пылкой энергией, свободно бродя по новым территориям и сея смятение среди местного населения. Индейцы толпами отступали в глубь страны, отказываясь от христианства, которое они никогда по-настоящему не принимали, и присоединялись к другим туземным племенам, все еще непокоренным. Испанские вице-короли, встревоженные всеобщим дезертирством, пожаловались королю на родину, и чрезмерное рвение инквизиторов было на время сдержано. Но когда к власти пришел Филипп II, он не согласился с этой более мягкой политикой, и хотя инквизиторам больше не разрешалось бродить по провинциям в поисках еретиков, Святая канцелярия была учреждена со своими дворцами и тюрьмами в главных городах и действовала с большой энергией. Были созданы три больших центральных трибунала в Панаме, Лиме и Картахене-де-лас-Индиас, и преследования бушевали не переставая, в основном направленные против евреев и мавров. В городе Мехико также был генеральный

инквизитор. Королевский эдикт провозглашал, что "никто, недавно обращенный в нашу Святую Веру из числа мавров или евреев, а также его дети не должны въезжать в нашу Индию без нашего специального разрешения". В то же время запрет был распространен на всех, кто был "примирен", а также на ребенка или внука любого, кто носил *санбенито*, или любого человека, сожженного или осужденного как еретик ... "все они, под страхом потери имущества и опасности для своей личности, будут навечно изгнаны из Индии, и если у него нет собственности, пусть они публично нанесут ему сто ударов плетью".

Император Карл V несет ответственность за распространение инквизиции из Испании в Нидерланды, чем он оплатил за верную службу и преданность, которые голландский народ долгое время оказывал ему. Однако сначала эту инквизицию возглавлял мирянин, а затем были назначены четыре инквизитора, выбранные из светского духовенства. Голландцы решительно сопротивлялись его учреждению и функционированию, и в 1646 году было предусмотрено, что ни один приговор не должен вступать в силу без одобрения кого-либо из членов провинциального совета. Еретики, конечно, были осуждены, но их число было невелико, хотя в некотором роде сильно преувеличенные сообщения о количестве жертв завоевали доверие. Наконец, по заявлению жителей Брабанта, которые заявили, что это название нанесет ущерб коммерческому процветанию в их округе, название было полностью исключено. В лучшем случае это была слабая копия испанского института, и во время правления Карла ее мало кто боялся. В доказательство мы можем привести тот факт, что одиннадцать последовательных эдиктов были необходимы для поддержания работы инквизиции в период с 1620 по 1650 год.

Филипп II, вступив на престол, попытался усилить власть этого института в надежде искоренить реформатские доктрины. Однако часто звучащее утверждение о том, что инквизиция несет ответственность за восстание в Нидерландах, является слишком широким. В сложную ситуацию вмешались другие факторы, помимо религиозных различий. Ужасная война, которая в конечном итоге привела к независимости протестантских Нидерландов, выходит за рамки плана этого тома.

Филипп хотел расширить влияние инквизиции и планировал создать военно-морской трибунал для расследования ереси на плаву. Он создал Инквизицию Галер, или, как ее впоследствии стали называть, Армии и флота. В каждом морском порту генеральный комиссар посещал суда в поисках запрещенных книг и убеждался в ортодоксальности экипажей и пассажиров. Проверялись даже грузы и тюки с товарами, чтобы их не заразила зараза ереси. Эта морская инспекция была наиболее активной в Кадисе, в то время крупном центре торговли с дальним Западом. Посетитель из Святой Канцелярии со штатом помощников и приближенных поднимался на борт каждого корабля по прибытии и отбытии и заявлял, что следует уважать их полномочия, чтобы ничто не могло высадиться или погрузиться на борт без их свидетельства. Купцы возмущались этой системой, которая приносила существенные коммерческие неудобства, а капитанам кораблей не нравилось вмешательство священников в их команды, чьи обычные обязанностями пренебрегали. Матросов держали внизу под наблюдением, когда их вызывали на палубу, чтобы поставить или укоротить паруса или воспользоваться переменной ветра или приливом. Постепенно считалось, что морская инквизиция препятствует ведению бизнеса в Открытом море, и она вышла из употребления.

При сменяющих друг друга государях Святая канцелярия по-прежнему пользовалась благосклонностью и поддержкой, но в правление Филиппа III были высказаны громкие и частые протесты против ее функционирования. Кортесы Кастилии умоляли короля немного обуздать слишком рьяных инквизиторов, но они по-прежнему бесконтрольно пользовались своим произволом, и Филипп обратился к Риму за дальнейшим поощрением для них. Восшествие Филиппа IV на престол было отпраздновано *аутодафе*, но ни одна жертва не была казнена, и единственным примененным телесным наказанием была порка аморальной монахини, которая утверждала, что заключила договор с дьяволом. Ее вывели с кляпом во рту, и, надев *санбенито*, она получила двести ударов плетью с последующим пожизненным заключением. Филипп IV какое-то время пытался обуздать деятельность инквизиции, но он был слишком слаб и нерешителен, чтобы добиться постоянного прогресса в борьбе с учреждением, руководители которого точно знали, к чему они стремятся, и упорно добивались этого.

Наглядный отчет о том, что якобы было болезненным опытом бедной души, попавшей позже в лапы инквизиторов, передан им самим в любопытной брошюре, напечатанной в Севилье неким Карселем, который был ювелиром в этом городе. Однако, очевидно, в нем есть работа другой руки, поскольку оно написано со слишком большим вниманием к драматургии, чтобы быть его собственным сочинением. Описание *авто* также необычно, и не соответствует обычной процедуре.

Он говорит, что был арестован 2 апреля 1680 года в десять часов вечера, когда заканчивал изготовление золотого ожерелья для одной из фрейлин королевы. Через неделю после своего первого ареста Карсель был допрошен. Пр процитируем его собственные слова: —

"В прихожей, - говорит он, - кузнец снимает с меня оковы, и я прохожу из прихожей к "столу инквизитора", как называется маленькая внутренняя комната. Он украшен голубой и лимонной тафтой. В одном конце, между двумя зарешеченными окнами, находится гигантское распятие, а на центральной эстраде (столе длиной пятнадцать футов, окруженном креслами), спиной к распятию, сидит секретарь, а справа от меня Франсиско Дельгадо Ганадос, Великий инквизитор, светский священник. Другие инквизиторы только что ушли, но чернила на их перьях еще не высохли, и я увидел на бумагах перед их стульями несколько имен, помеченных красными чернилами. Я сижу на низком табурете напротив секретаря. Инквизитор спрашивает мое имя и профессию, а также зачем я пришел туда, призывая меня признаться как единственный способ быстро вернуть себе свободу. Он слышит меня, но когда я, рыдая, бросаюсь к нему на колени, он хладнокровно говорит, что с моим делом спешить некуда; что его ждут более неотложные дела, чем мои (секретарь улыбается), и звонит в маленький серебряный колокольчик, который стоит рядом с ним на черном сукне, вызывая помощника, который ведет меня по длинной галерее, куда заносят мой сундук и секретарь проводит опись. Они отрезали мне волосы и сняли с меня все, даже кольцо и золотые пуговицы; но оставили мне бусы, носовой платок и немного денег, которые я, к счастью, зашила в подвязки. Затем меня с непокрытой головой заводят в камеру и оставляют размышлять и отчаиваться до вечера, когда мне приносят ужин.

"Заключенных редко сажают вместе. Во всех камерах поддерживается постоянная и строгая тишина. Если какой-нибудь заключенный будет стонать, жаловаться или даже молиться слишком громко, тюремщики, которые день и ночь дежурят в коридорах, предупредят его через

решетку. Если преступление повторяется, они врываются и осыпают вас побоями, чтобы запугать других заключенных, которые в глубокой гробовой тишине слышат каждый ваш крик и каждый удар.

"Раз в два месяца инквизитор в сопровождении своего секретаря и переводчика посещает заключенных и спрашивает их, приносят ли им еду в обычные часы или у них есть какие-либо жалобы на тюремщиков. Но это всего лишь парад правосудия, ибо, если заключенный осмеливается подать жалобу, к ней относятся просто как к причудливому бреду и никогда не прислушиваются.

"После двух месяцев заключения, — продолжает Карсель, — однажды в субботу, когда после моего скудного тюремного ужина я, как обычно, отдаю свое белье тюремщикам, чтобы они отправили его в стирку, они не берут его, и сильное холодное дыхание шепчет в моем сердце: "завтрааутодафе". Когда сразу после вечерни в соборе звонят к заутрене, чего они никогда не делают, кроме как радуясь накануне большого праздника, я знаю, что мои ужасные подозрения верны. Радовался ли я своему побегу из этой живой могилы, или меня парализовал страх перед кучей, возможно, уже сколоченной и сложенной для моего несчастного тела? Я не знаю. Я был разорван на куски дьяволами, которые терзают мозги несчастных людей. Я отказался от следующего блюда, но, вопреки их обыкновению, они налегли на него больше, чем обычно. Было ли это сделано для того, чтобы дать мне силы вынести мои пытки? Разве глаза Бога не обращены к тюрьмам инквизиции?

"Я как раз проваливаюсь в болезненный, прерывистый сон, измученный догадками, когда около одиннадцати часов вечера громадные засовы моей камеры со скрежетом отодвигаются и входит группа тюремщиков в черном, в потоке света, так что они кажутся демонами на границе рая.

Алькаид бросает рядом с моим тюфяком кучу одежды, велит мне надеть ее и приготовиться ко второму вызову. У меня не хватает языка, чтобы ответить, когда они зажигают мою лампу, оставляют меня и запирают за собой дверь. В течение получаса мной овладевает такая дрожь, что я не могу подняться и взглянуть на одежду, которая кажется мне саванами и наматывающимися простынями. Наконец я встаю, бросаюсь ниц перед черным крестом, который я нарисовал углем на стене, и предаю себя, как жалкого грешника, в руки Божьи. Затем я надеда платье, состоящее из туники с длинными свободными рукавами и чулок, все из черной саржи в белую полосу.

"В два часа ночи пришли негодяи и повели меня в длинную галерею, где почти двести человек, выведенных из разных камер, одетых в черное, стояли длинной молчаливой шеренгой у стены длинного холодного коридора с простыми сводами, где над каждым двумя дюжинами голов раскачивался высокий медный светильник. Мы стояли молча, как похоронный кортеж. Женщины, тоже в черном, находились в соседней галерее, далеко от нас. Бросив печальный взгляд на соседнее общежитие, я увидел еще больше мужчин, одетых в черное, которые время от времени расхаживали взад-вперед. Впоследствии я узнал, что это были люди, тоже обреченные на сожжение, но не за убийство, нет, а за то, что исповедовали веру, отличную от веры иезуитов. Суждено ли мне было сгореть или нет, я не знала, но набралась храбрости, потому что моя одежда была такой же, как у остальных, а чудовища не могли осмелиться

бросить в один костер сразу двести человек, хотя и ненавидели всех, кто любит кукольных идолов и лживые чудеса.

Вскоре, пока мы грустно и безмолвно ждали, подошли тюремщики и вручили каждому из нас длинную желтую свечу и желтый наплечник, или накидку, спереди и сзади пересеченную красными крестами святого Андрея. Это *санбенитосы*, которые вынуждены носить евреи, турки, колдуны, ведьмы, язычники или извращенцы из Римско-католической церкви. Теперь наступила градация в наших рядах — те, у кого случился рецидив, или те, кто был упорен во время своих обвинений, носят *замарру*, которая серая, с изображением человеческой головы, горящей на красных хворостинах, нарисованных внизу, а по всему периметру перевернутые языки пламени и крылатых и вооруженных черных дьяволов, ужасных на вид. Я и семьдесят других носим это, и я теряю всякую надежду. Моя кровь леденеет; я едва могу удержаться, чтобы не упасть в обморок. После этой раздачи нам с твердой, механической регулярностью приносят картонные конические митры (*корозы*), расписанные языками пламени и дьяволами, со словами "колдун" и "еретик", написанными по краю. Все наши ноги босы. Осужденные, бледные как смерть, начинают плакать и закрывают лица руками, на которые намотаны четки. Только Бог — говорящий с небес — мог спасти их. Грубый, жесткий голос теперь говорит нам, что мы можем сидеть на земле до получения следующих приказов. Старики и мальчики улыбаются, с готовностью усаживаясь за стол, потому что это небольшое облегчение приходит к ним вместе с освежающим удовольствием.

"В четыре часа нам приносят хлеб и инжир, которые одни бросают, а другие лениво едят. Я отказываюсь от своего, но охранник умоляет меня положить его в карман, потому что он мне еще может понадобиться. Как будто ангел утешил меня. В пять часов, на рассвете, это было ужасное зрелище - видеть стыд, страх, горе, отчаяние, написанные на наших мертвенно-бледных лицах. И все же ни один из них не испытывал затаенной радости при мысли о каком-либо освобождении, даже через смерть.

"Внезапно, когда мы смотрим друг на друга ужасными глазами, большой колокол Хиральды начинает издавать похоронный звон, долгий и медленный. Это был сигнал торжественного дня Святой Канцелярии, это был сигнал для людей приходить на шоу. Мы выходим один за другим. Проходя по галерее в большом зале, я вижу инквизитора, торжественного и сурового, в своих черных одеждах, восседающего на троне у ворот. Под ним сидит его секретарь со списком граждан Севильи в жилистых дрожащих руках. Комната полна встревоженных перепуганных бюргеров, которые, когда произносятся их имена и проходит заключенный, подходят к нему, дрожащему, чтобы послужить ему крестным отцом в Акте Веры. Честные люди содрогаются, занимая свое место в ужасной процессии смерти. Дежурный улыбается инквизитору и спешит вперед. Это считается почетной должностью, и к ней стремятся лицемеры и подозрительные люди, боящиеся меча Церкви.

"Процессия начинается с доминиканцев. Перед ними красуется знамя ордена с блестящей вышивкой, которая горит на солнце и сияет, как зеркало, изображающий святого в рясе, держащего в одной руке грозный меч, а в другой - оливковую ветвь с девизом "Justitia et misericordia" (Справедливость и милосердие). За знаменем идут пленники в желтых наплечниках, с зажженными факелами в руках, их ноги кровоточат от камней, а их менее напуганные крестные отцы, веселые в плащах, со шпагами и рюшами, шагают рядом с ними, держа в руках шляпы с плюмажами. Улица и окна переполнены беспечными взглядами, и детей

поднимают, чтобы проклинать нас, когда мы проходим навстречу мучительной смерти. *Аутодафе* всегда было праздничным зрелищем для мастеров и подмастерьев; оно привлекало больше, чем даже бой быков, из-за присущего ему трагизма. Наша процессия, подобно длинной черной змее, вьется со своими знаменами и крестами, с бритыми монахами и босоногими заключенными в митрах, по улице за улицей, возглавляемая солдатами, которые бегут впереди, чтобы расчистить нам путь — остановить мулов и убрать фруктовые прилавки, уличных артистов и их смеющуюся публику. Наконец мы добираемся до церкви Всех Святых, где, усталые, запыленные, истекающие кровью и ослабевшие, должны отслужить мессу.

"Церковь имеет вид склепа и ужасно похожа на склеп. Большой алтарь завешен черным и освещен шестью серебряными подсвечниками, пламя которых сияет, как желтые звезды, с ясным мерцанием и мягким ореолом вокруг каждого черного фитиля с огненным наконечником. По обе стороны алтаря, который, кажется, отгораживает от нас Бога и его милость и окутывает само солнце могильным плащом, стоят два трона: один для великого инквизитора и его адвоката, другой для короля и его двора. В одном полно юристов, похожих на пономарей, в другом — мужчин в драгоценностях и перьях.

Перед большим алтарем и рядом с дверью, где благословенный дневной свет сияет надеждой и радостью, но не для нас, находится другой алтарь, на котором лежат открытыми шесть позолоченных и освещенных молитвенников; также те книги Евангелий, в которых я когда-то читал такие тексты, как: Бог есть любовь; Прощайте, как вы хотели бы быть прощенными; Вера, надежда, милосердие: эти три, но величайшая из них — милосердие. Рядом с этим меньшим алтарем монахи воздвигли галерею с балюстрадой и голыми скамьями, на которых сидели преступники в желтых плащах с огненными полосами вместе со своими крестными отцами. Обреченные приходили последними, более невинные — первыми. Те, кто входил в церковь с черными занавесями первыми, проходя ближе всего к алтарю, сидели там, либо молясь, либо пребывая в испуганном трансе ужасного ожидания. Дрожащие живые трупы в желтых и красных митрах шли последними, перед ними стояло гигантское распятие, повернутое к ним лицом.

Сразу же за этими беднягами в митрах прибыли слуги инквизиции, неся четыре человеческих изображения, прикрепленных к длинным шестам, и четыре сундука с костями тех людей, которые умерли до того, как удалось разжечь костер. Сундуки были разрисованы языками пламени и демонами, а на изображениях были ужасные митры и ало-желтые рубашки, все в пламени от краски. Изображения иногда изображали людей, которых судили за ересь после их смерти и чьи поместья с тех пор были конфискованы, а их изображения обречены на сожжение в назидание; ибо никто в пределах их досягаемости не может спастись, если они расходятся во мнениях с инквизицией.

"Каждый заключенный был сейчас на его месте—кумовья, torchmen, пикинеры, мушкетеры, инквизиторы, и щеголять суд—провинциал Огюстен поднялся на кафедру, последовал его служитель и проповедовал бурной, обличая, ликуя серМОН, полчаса длительного (казалось месяца мучения), в котором он сравнил церковь с горящими красноречие на Ноев ковчег, но с той разницей, что у тех животных, которые вошли в нее до потопа вышла из него без изменений, но проклятая инквизиция, по Божьему благословию, власть меняется, те, кого ее стены когда-то заключенные, превращая их кроткими, как ягнята он видел вокруг себя так спокойно и набожный, каждый из которых когда-то был жестоким, как волки и дикие и смелые, как львы.

По окончании проповеди два чтеца взошли на кафедру, чтобы выкрикнуть список имен осужденных, их преступлений (теперь, впервые, им известных) и вынесенных приговоров. Мы все прислушивались и трепетали, когда зачитывалось каждое имя.

По мере того, как называлось каждое имя, алькаид выводил заключенного из его загона на середину галереи напротив кафедры, где он и оставался стоять со свечой в руке. После приговора его подвели к алтарю, где он должен был положить руку на один из молитвенников и оставаться там на коленях.

В конце каждого предложения чтец останавливался, чтобы громким, гневным голосом произнести полное исповедание веры, к которому он призывал нас, виновных, присоединиться сердцем и голосом. Затем мы все вернулись на свои места. Я обнаружил, что моим проступком было то, что я с горечью отозвался об инквизиции и назвал распятие простым куском слоновой кости. Поэтому я был объявлен отлученным от церкви, мое имущество конфисковано королем, я был изгнан из Испании и приговорен к Гаванским галерам на пять лет со следующими наказаниями: я должен отказаться от всякой дружбы с еретиками и подозреваемыми лицами; я должен в течение трех лет исповедоваться и общаться три раза в месяц; я должен читать пять раз в день в течение трех лет "Отче наш" и "Аве Мария" в честь пяти ран; я должен слушать мессу и проповедь каждое воскресенье и праздничный день; и, прежде всего, я должен тщательно хранить в тайне все, что я сказал, услышал или замечен в Священной канцелярии (эту клятву, как заметит читатель, я тщательно соблюдал).

Затем инквизитор покинул свое место, облачился в рясу и, сопровождаемый двадцатью священниками, каждый с посохом в руке, прошел на середину церкви, и после нескольких молитв некоторые из нас были освобождены от отлучения, каждый из нас получил удар от священника. Когда-то от такого оскорбления кровь бросилась бы мне в голову, и я умер, но нанес ответный удар; теперь же я был так слаб и сломлен духом, что разрыдался.

Теперь одного за другим приговоренных к костру, ослабевших и пошатывающихся, приводили выслушивать приговоры, что они делали с испуганным отсутствующим видом, непостижимо трогательным, но инквизиторы сплетничали между собой и едва смотрели на них. Каждое предложение заканчивалось одной и той же холодной механической формулой: поскольку Святая канцелярия, к сожалению, не может помиловать присутствующих заключенных из-за их рецидива и нераскаянности, она сочла себя обязанной наказать их со всей строгостью земного закона и поэтому с сожалением передала их в руки светского правосудия, умоляя его проявить милосердие к несчастным людям, спасти их души, подвергнув телесному наказанию, и рекомендовать смерть, но не пролитие крови. Жестокое лицемеры!

"При слове "кровь" палачи шагнули вперед и завладели телами, причем алкаид сначала ударил каждого из них в грудь, чтобы показать, что теперь они брошены на растерзание веревке и огню". Затем он переходит к описанию сцены *вкемадеро*, которая, однако, не включала ничего важного, о чем бы уже не упоминалось в других местах.

После смерти Филиппа IV и во время совершеннолетия его сына Карла II отец Нитхард, иезуит, объединивший две силы, долгое время находившиеся в оппозиции, учеников Лойолы и потомков Торквемады, некоторое время был генеральным инквизитором. Святой канцелярии горячо противостоял дон Иоанн Австрийский, внебрачный сын Филиппа IV, который пришел к политической власти и стал бы жертвой инквизиции, если бы народное возмущение не встало

на его сторону против Нитхарда, бежавшего из Испании в Рим. Он был лишен всех своих должностей, но все еще пользовался благосклонностью королевы-матери, которая в конце концов добилась для него от папы Климента X возжеленной кардинальской шапки. Однако дон Джон не справлялся с задачей обуздания власти инквизиции, и это учреждение претендовало на все более широкую юрисдикцию.

Возобладало растущее недовольство, и в 1696 году король Карл II созвал конференцию, или Великую хунту, для расследования жалоб, поступавших со всех сторон на инквизицию. В его состав входили два государственных советника из Кастилии, Арагона, Индии и испанских провинций в Италии, а также два члена религиозных орденов. В нем сообщалось, что Святая канцелярия осуществляла незаконные полномочия, по-прежнему присваивая себе право бросать высокопоставленных лиц в тюрьму и покрывать позором их семьи. Он безжалостно карал малейшее противодействие или неуважение, проявленные к иждивенцам или фамильярам, которые стали пользоваться обширными и непомерными привилегиями. Они претендовали на светскую юрисдикцию в вопросах, не имеющих отношения к религии, и отменили ограничения, содержащиеся в их собственном каноническом праве. Хунта настоятельно рекомендовала жестко соблюдать эти ограничения и никого не бросать в тюрьмы инквизиции, за исключением случаев предъявления обвинений еретического характера. Он настаивал на праве апелляции к трону и передаче всех дел в королевские суды для разбирательства. В нем подробно описывались привилегии, предоставляемые служителям Святой Канцелярии. Даже кучер или лакей требовал к себе почтения и мог вести себя с безграничной дерзостью. Если со служанкой не обращались подобострастно в лавке, она могла пожаловаться, и преступница могла быть брошена в застенки инквизиции. Недовольство было настолько велико, возникло столько беспорядков, что хунта ограничила бы все подобные несправедливые привилегии и разрешила бы гражданским судам сдерживать посягательства Святой Канцелярии.

С XVIII века авторитет Священной канцелярии заметно ослаб. Филипп V, французский принц и внук Людовика XIV, наследование которого привело к затяжной войне за испанское наследство, отказался от чести *аутодафе* на своей коронации, но он сохранил инквизицию как инструмент деспотического правления и фактически использовал ее для наказания как еретиков тех, у кого были какие-либо сомнения относительно его права на корону. Тем не менее, он скорее использовал инквизицию, чем поддерживал ее, поскольку лишил своего поста генерального инквизитора, который осмелился возбудить дело о ереси против высшего офицера. Кортесы Кастилии снова (1714 г.) зафиксировали свое осуждение, но без какой-либо дополнительной пользы, кроме той, которая в конечном итоге должна была произойти в результате раскрытия истины. Тот же орган повторил свое неодобрение несколько лет спустя (1720). Но в то время как Филипп V использовал инквизицию для своих собственных нужд, и еретическая доктрина, господствовавшая два столетия назад, больше не оставила после себя и следа, появилось множество людей, обвиняемых в попытке возродить иудаизм, а другие были оскорблены своими усилиями по продвижению масонства. Это дало инквизиторам обильный предлог для выполнения их политической миссии.

Во времена правления Карла III и Карла IV возрождение литературы и прогресс политической науки привлекли внимание духовенства и правительства к позиции Римского суда, а также к

разбирательствам инквизиторов. Первый из этих монархов почти поддался совету своих советников подавить инквизицию, а также изгнать иезуитов. Он изгнал Общество, но по поводу инквизиции сказал: "Испанцы хотят этого, и это не доставляет мне никаких хлопот".

Тем временем смертные приговоры почти прекратились, и однажды, когда хорошего человека приговорили к передаче в руки светских властей, в соответствии с буквой закона, инквизиторы отпустили его на свободу. Благодаря этому ухищрению дон Мигель Солано, священник Эско, города в Арагоне, вышел из тюрьмы инквизиции в Сарагосе как маньяк, простил свою ересь и продолжал жить как маньяк, освобожденный от священнического служения, в то время как все знали, что он разумный человек, и относились к нему соответственно. В конце концов он умер, отказавшись от Соборования, и был похоронен в неосвященной земле в стенах инквизиции на берегу Эбро.

ГЛАВА V

ИНКВИЗИЦИЯ В ПОРТУГАЛИИ И ИНДИИ

Инквизиция в Испании, упраздненная вторжением Наполеона—Ее возрождение—Преследование масонов—Учреждение "Трибунала веры"—Инквизиция в Португалии—Дело англичанина, которого арестовали, пытали и сожгли заживо—Разница между инквизициями Испании и Португалии—Верховная власть Святой Канцелярии в Португалии в восемнадцатом веке—Ужасное землетрясение в Лиссабоне—Учреждение Святой Канцелярии в Индии в Гоа—Описание тюрьмы инквизиции в Гоа М. Деллоном—Дело отца Ефрема—Его арест и спасение англичанами от рук инквизиторов.

Вторжение Наполеона в Испанию и изгнание молодого короля Фердинанда VII во Францию положили конец инквизиции. Когда император вступил во владение Мадридом, он призвал все государственные органы подчиниться его власти, но Святая канцелярия отказалась. После чего он издал приказ арестовать инквизиторов, упразднить инквизицию и наложить арест на ее доходы. Вся Испания не так легко уступила французскому завоевателю, и когда кортесы собрались в Кадисе, они уполномочили одного из сбежавших инквизиторов воссоздать трибунал, но по-настоящему он так и не был восстановлен. В то же время правящие державы назначили специальную комиссию для расследования правового статуса древнего органа и принятия решения о том, имела ли инквизиция какое-либо законное право на существование. В 1812 году был опубликован отчет, в котором рассматривалась вся его история и осуждался как несовместимый со свободами страны. Обвинительный акт против него был составлен в очень резких выражениях. Суд считался виновным в самых суровых и репрессивных мерах; в применении самых жестоких и незаконных наказаний; "в темноте ночи он оторвал мужа от жены, отца от детей, детей от своих родителей, и никто не может увидеть другого снов, пока они не будут оправданы или осуждены, не имея возможности внести свой вклад в их защиту или не зная, справедливо ли их судили". Результатом стал принятый кортесами закон о подавлении инквизиции в Испании.

Реставрация Фердинанда VII по окончании войны в 1814 году вдохнула в инквизицию новую жизнь. Он возмутился действиями кортесов, арестовал их членов и бросил в тюрьму, объявив их неверными и мятежниками, и немедленно издал указ о возрождении трибунала Святой Канцелярии. Его верховный совет собрался в Севилье, и преследование возобновилось при новом генеральном инквизиторе Ксавье Миер-и-Кампильо, который опубликовал новый список запрещенных книг, попытался увеличить доходы и издал новый Эдикт веры. Возможно, было бы еще одно *аутодафе* даже в девятнадцатом веке, но доноски не пришли бы заурядом, и современные жертвы не могли быть найдены. Страх, тем не менее, возобладал, и многие бежали в поисках убежища в чужие земли. Яростная энергия была направлена против масонов, поскольку во время французской оккупации дворец инквизиции в Севилье использовался частично как обычная тюрьма, а частично как масонская ложа. С членами этого ремесла, обнаруженными в Испании, поступили как с еретиками, а все масоны были отлучены от церкви.

Какое-то время инквизиция пребывала в упадке, хотя ей благоприятствовал произвольный режим, введенный Фердинандом VII, который стремился восстановить ее в прежнем виде. Он был разрушен или, по крайней мере, приостановлен революцией 1820 года, и после своего восстановления король не восстановил его, хотя чиновники все еще надеялись на лучшие времена и продолжали получать свое жалованье. Некоторые епископы учредили *хунты фе*, которые занимались примерно той же работой, и 26 июля 1826 года бедный школьный учитель Каэтано Риполь был повешен за ересь — последняя казнь за это преступление в Испании. Наконец, 4 января 1834 года инквизиция была окончательно упразднена, *ахунты де фе* были упразднены в следующем году.

Инквизиция распространила свое влияние на соседнюю страну Португалию, которая была независимым королевством до завоевания Филиппом II в 1580 году. Здесь с пятнадцатого века царили гонения, главным образом на евреев и новых христиан, которые стекались в страну из Испании, и с ними обращались очень сурово. Святая канцелярия была учреждена в Лиссабоне под руководством генерального инквизитора Диего де Сильвы, и Португалия была разделена на инквизиционные округа. *Автопробеги* происходили часто и в масштабах, малоизвестных в Испании, хотя записи фрагментарны.

Из числа зарегистрированных случаев мы можем привести случай с англичанином, уроженцем Бристоля, занимавшимся торговлей в Лиссабоне, который дерзко напал на кардинала-архиепископа во время совершения мессы. Гардинер, столь же яростно нетерпимый, как и приверженцы господствующей религии, которые совершали богослужения по своим собственным обрядам, напал на священника, когда тот возносил гостей, "одной рукой выхватил пирог, растоптал его ногами, а другой опрокинул чашу". Прихожане, поначалу совершенно ошеломленные, подняли один громкий крик и навалились всем телом на него — святоотца, которого тут же ударили ножом в плечо и привели к королю, присутствовавшему в соборе, и немедленно допросили. Считалось, что английские протестанты подстрекали его к этому возмутительному оскорблению, но он заявил, что был движим исключительно своим отвращением к идолопоклонству, свидетелем которого он стал. Он был заключен в тюрьму, а вместе с ним и все англичане в Лиссабоне. Как только его рана зажила, он был осмотрен Святой канцелярией, подвергнут пыткам и осужден. Затем его отвезли на рыночную площадь на осле и отрубили ему левую руку; оттуда его отвезли на берег реки и с помощью веревки и блока перекинули через кучу дров, которую подожгли. "Несмотря на великие мучения, он продолжал пребывать в постоянном духе, и чем сильнее он горел, тем неистовее молился". Он читал

псалом, когда в результате применения чрезмерного насилия горящая веревка лопнула, и он был брошен во всепожирающее пламя.

Сосед Гардинера по квартире был задержан инквизицией на два года, и его часто пытали, чтобы получить показания против других англичан, но безрезультатно. Шотландский профессор греческого языка в университете Коимбры был обвинен в лютеранстве и заключен в тюрьму на полтора года, после чего его отправили в монастырь, чтобы монахи наставили его в истинной религии. Они не изменили его взглядов, и вскоре он был освобожден. Другому, английскому шкиперу, повезло меньше, и его сожгли заживо как еретика в Лиссабоне.

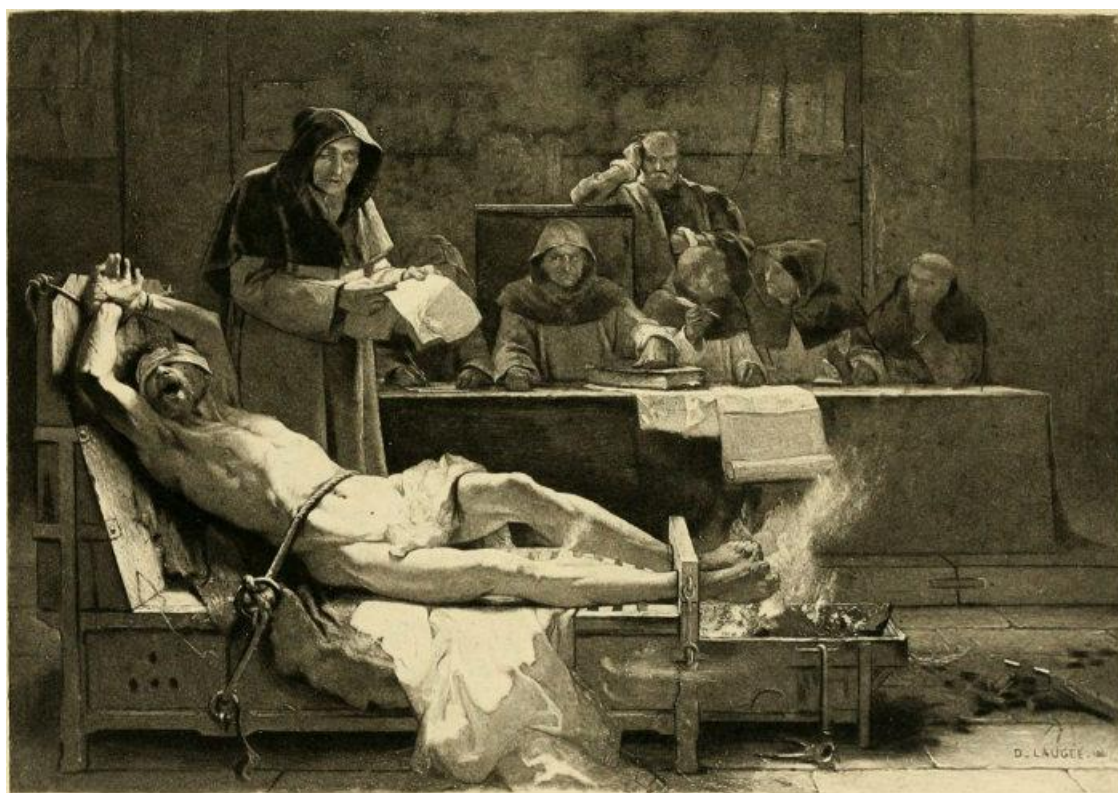
Было замечено, что при сравнении инквизиций Испании и Португалии между ними обнаружилось определенное заметное различие. Португальцы не проявляли такой же строгости, как испанские инквизиторы. В Португалии дисциплина была более жестокой, но и более слабой. Тем не менее, в последней стране существовал жестокий и более бессмысленный избыток в причинении боли на *автодроме*. Когда осужденным предстояло страдать, их приводили к лорду-верховному судье, чтобы ответить на вопрос о том, в какой религии они намеревались умереть. Если ответом было "в Римско-католической апостольской церкви", то отдавался приказ задушить их перед сожжением. Если в протестантстве или в любой другой религии предписывалась смерть в огне. В Лиссабоне место казни, как уже было сказано, находилось на берегу моря. Для каждого осужденного был установлен толстый кол с широкой перекладиной наверху, к которой была прибита перекладина для крепления вершушек двух лестниц. В центре жертва была прикована цепью, а по обе стороны от нее на лестнице сидели священники-иезуиты, которые продолжали призывать ее к покаянию. Если им это не удавалось, они заявляли, что оставляют его дьяволу, и толпа ревела: "Пусть собаке подстригут бороду", другими словами, "опалят ее лицо". Это было сделано путем насаживания подожженного куста дрока на конец длинного шеста до тех пор, пока его лицо не обгорело и не почернело. Отчет португальской инквизиции за 1794 год показывает, что в общей сложности тысяча сто семьдесят пять человек были смягчены лично, *то есть* казнены, шестьсот тридцать три человека были смягчены в изображении и двадцать девять тысяч пятьсот девяносто подверглись покаянию.

Португальцы были первыми европейцами, начавшими торговать с Дальним Востоком, и после того, как Васко де Гама открыл Индию, Альбукерке аннексировал и оккупировал Гоа, который мог бы стать резиденцией и центром великой империи, которая в конце концов перешла в руки Великобритании.

Португалия пожертвовала всей мощью и процветанием ради искоренения ереси в своих новых владениях и была главным образом заинтересована в учреждении Святой канцелярии в Индии. Первые португальские поселенцы на Востоке громко требовали инквизиции; отцы-иезуиты, которые были ревностны в своей пропаганде в Индии, заявляли, что трибунал наиболее необходим в Гоа из-за преобладающей распущенности и смешения всех наций и суеверий. Соответственно, он был основан в 1560 году и вскоре с потрясающей энергией приступил к своей активной деятельности. Общие крещения были частым явлением в этой духовной метрополии Индии, и поэтому *аутодафе* проводилось с большой помпой и множеством жертв.

Пролить свет на деятельность Святой канцелярии в Гоа позволяет история, рассказанная французским путешественником М. Деллоном, который был арестован по просьбе португальского губернатора в Дамауме и заключен в Гоа в частную тюрьму архиепископа.

"Самая грязная, - говорит Деллон, - самая темная и ужасная из всех, что я когда-либо видел.... Это что-то вроде пещеры, куда днем не проникает свет, кроме очень маленького отверстия. Самые тонкие лучи солнца не могут проникнуть в него, и в нем никогда не бывает истинного света. Ужасное зловоние ..." Месье Деллона потащили к Совету Священной канцелярии, заседавшему в Святом доме, который описывается как большое и величественное здание, расположенное "на одной стороне большого пространства перед церковью Святой Екатерины". Ворот было трое. Заключенные входили через центральные, или самые большие, и, поднявшись по величественным ступеням, попадали в большой зал. За основным зданием находилось еще одно, очень просторное, высотой в два этажа, состоящее из двойного ряда камер. Те, что находились на первом этаже, были самыми маленькими из-за большей толщины стен и не имели отверстий для поступления света или воздуха. Верхние камеры были сводчатыми и побеленными, и в каждой было маленькое сильно зарешеченное окно без стекла. В камерах были двойные двери, наружная из которых постоянно оставалась открытой, что было необходимо в этом климате, иначе заключенный умер бы от удушья.

Peint par D. F. Laugée Фотогравюра Goupil & Cie.

Вопрос

Одна из форм пыток в трибунале инквизиции, применяемая при допросе обвиняемых. Под ноги жертвы клали зажженный уголь, который смазывали свиным салом, чтобы жар костра быстрее подействовал.

Режим был, в какой-то степени, гуманным. Была обеспечена вода для омовений и питья, пища выдавалась в умеренных количествах в три приема в день, но была полезной по качеству. Врачи были рядом, чтобы ухаживать за больными, и исповедники, чтобы ухаживать за умирающими, но они не совершали елеосвящения, не давали причастия, не служили мессы. Если кто-то и

умирал, как это случалось со многими, то о его смерти никто снаружи не знал. Его похоронили в крепостных стенах без какой-либо священной церемонии, и если было решено, что он умер в ереси, его кости эксгумировали, чтобы сжечь при следующем акте Веры. При жизни он жил обособленно, со всей строгостью современной одиночной камеры. Один и безмолвный, поскольку заключенному было запрещено говорить, ему не разрешалось даже стонать, всхлипывать или вздыхать вслух.

Святая канцелярия в Гоа работала по тем же принципам, что и в Испании, как уже описано, и теми же должностными лицами. Был *инквизитор Мор* или великий инквизитор, светский священник, второй инквизитор или помощник инквизитора, доминиканский монах со многими заместителями; "квалификаторы" для проверки книг и сочинений; фискалы и прокуратор; нотариусы и приближенные. Власть трибунала в Гоа была абсолютной, за исключением того, что высшие должностные лица, архиепископ и его викарий, вице-король и губернатор, не могли быть арестованы без санкции верховного совета в Лиссабоне. Процедура, допрос и применение пыток были точно такими же, как и в других местах.

М. Деллона обвинили в том, что он плохо отзывался об инквизиции, и от него требовали признаться в своих грехах, его постоянно выводили и снова отправляли в камеру и постоянно преследовали, чтобы заставить его обвинить самого себя, пока в приступе отчаяния он не решил покончить с собой, отказавшись от пищи. Врач пустил ему кровь и вылечил от лихорадки, но он сорвал бинты, надеясь истечь кровью до смерти. Его подняли без сознания, привели в чувство с помощью сердечных препаратов и доставили к инквизитору, где он лежал на полу, подвергнутый нападкам с горькими упреками, сильно выглаженный и отправленный обратно томиться в своей камере в приступе дикой ярости, приближающейся к безумию.

Наконец приблизился великий день Акта Веры, и Деллон услышал со всех сторон предсмертные крики как мужчин, так и женщин. Ночью алькаид и надзиратели вошли в его камеру с фонарями и принесли костюм, белье, лучшие брюки в черную полоску с белым. Он двинулся, чтобы присоединиться пару сотен других кающихся присел на корточки на полу вдоль бортов просторная галерея, все Motionless но и в агонии страха, ибо никто не знал его судьбы. Большая группа женщин была собрана в соседнем помещении, а третья группа - *всанбенитосе*, среди которых ходили священники, добиваясь исповеди, и, если их удавали, им разрешалось удушение перед "вкушением огня".

Незадолго до восхода солнца зазвонил большой колокол собора, пробудив город к жизни. Люди заполняли главные улицы, выстраивались вдоль магистралей и толпились в местах, откуда им было лучше всего видно процессию. При дневном свете Деллон увидел по лицам своих спутников, что в основном это были индейцы, среди которых было всего с дюжину белых мужчин. Месье Деллон вместе с остальными прошел босиком по рыхлым камням плохо вымощенных улиц и, наконец, порезанный и истекающий кровью, вошел в церковь Святого Франциско, поскольку церемонию нельзя было проводить под свирепым небом в этом жарком климате. Наказанием Деллона была конфискация всего его имущества и изгнание из Индии с пятилетней службой на португальских галерах.

Об остальных его печальных приключениях можно рассказать вкратце. Его привезли обратно в Лиссабон, и он несколько лет проработал на веслах вместе с другими осужденными, когда по заступничеству друзей во Франции португальское правительство согласилось освободить его.

Нет никаких записей о том, что французские власти предъявляли какие-либо претензии или претензии в связи с жестоким обращением с французским подданным.

Иначе обстояло дело с их соседями, англичанами, которые еще до установления своей власти в Индии не потерпели бы, чтобы португальские власти в Гоа жестоко обращались с человеком, который мог бы претендовать на британскую защиту. Французский капуцин по имени отец Ефрем посетил Мадрас, когда направлялся присоединиться к католической миссии в Пегу. Ему предложили остаться в Мадрасе, пообещали полную свободу в отношении его религии и разрешили служить католикам, уже обосновавшимся на фабрике. В ходе своей проповеди он изложил догму, оскорбительную, как утверждалось, для Матери Божьей, и информация об этом была передана инквизиторам в Гоа, которые строили свои планы похитить отца Ефрема и увезти его в Гоа, примерно в шестистах милях от Мадраса. Заговор удался, и французский капуцин был заключен в тюрьму Святой канцелярии в Гоа. Англичане в Мадрасе этого не потерпели. Английский корабль немедленно направился в Гоа, и группа из десяти решительных людей, хорошо вооруженных, высадилась на берег, появилась у ворот инквизиции и потребовала впуска. Оставив пару человек охранять ворота, остальные вошли в тюрьму и острием меча настояли на том, чтобы отец Ефрем был немедленно передан им. Исполненный таким образом приказ был непреодолим, и заключенный был освобожден, спущен на борт корабля, снова поднят на борт и благополучно доставлен обратно в Мадрас.

Цели инквизиции больше не совпадают с целями современных сообществ. Идея терпимости распространилась настолько широко, что мы часто забываем, насколько она нова. Отношения Церкви и государства настолько изменились за последние два столетия, что трудно понять времена испанской инквизиции. Тогда повсеместно считалось, что ортодоксальность в вере тесно связана с лояльностью государству. Фактически, почти все ранние еретические движения были также социальными или политическими восстаниями. Таким образом, легко понять, почему ересь и государственная измена стали казаться идентичными.

Некоторые инквизиторы были коррумпированы, другие от природы жестоки, третьи, опьяненные властью, проявляли большее рвение в применении этой власти, чем в выборе между виновностью и невиновностью. С другой стороны, многие были ревностны из-за своей честности. Если человек верит, что знает единственную надежду на спасение, совершенно логично заставить другого силой, если необходимо, следовать этой надежде. Любое физическое наказание незначительно по сравнению с великой наградой, которую приносит примирение. С другой стороны, если он тверд в своей ереси, он опасен, как дикий зверь. Сейчас мы более терпимы, возможно, менее уверены в своей правоте, но триста или четыреста лет назад эти тезисы были суровой реальностью.

Верно и то, что многие инквизиторы больше относились к Церкви как к институту, чем как к средству спасения. Они наказывали за неуважение к офицеру или закону более сурово, чем за доктринальную ошибку, но это, возможно, было неизбежно. Испанская инквизиция, которая, как уже было сказано, была в какой-то степени государственным делом, наказывала многих за то, что мы могли бы назвать пустяковыми правонарушениями, или, на самом деле, вообще без правонарушений, но это был нетерпимый век, как в Испании, так и за ее пределами.

Число наказанных было сильно преувеличено, но этого было достаточно, чтобы нанести Испании необратимый ущерб, раздавить свободу мысли и действий в недопустимой степени.

Историк должен приписать большую часть упадка Испании деятельности ошибочного сторонника абсолютного единообразия.

ГЛАВА VI

ПЕРВЫЕ ТЮРЬМЫ И ЗАКЛЮЧЕННЫЕ

Медленное развитие тюремной реформы в Испании—Описание старого Саладерио—Отчет Джорджа Борроу о его аресте и заключении там—Побег Бальсейро и последующие выходки—Он хватает двух сыновей богатого баска и удерживает их ради выкупа—Его поимка и казнь—*Валиенты* или хулиганы —Жестокость, которую они применяли к своим более слабым товарищам по заключению —Описание севильской тюрьмы доном Рафаэлем Салильясом.

Тюрьмы Испании обычно делятся на три категории: во-первых, *исправительные учреждения*, *карселес* или общие тюрьмы, по одной в столице каждой провинции, в которые были отправлены обвиняемые, приговоренные к двум годам или менее; во-вторых, *президиос* полуострова для осужденных на срок от двух до восьми лет; и в-третьих, африканские исправительные колонии на срок свыше восьми лет. Характер и состояние большей части этих мест временного содержания долгое время оставались крайне неудовлетворительными. В 1888 году в официальном отчете министр милосердия и юстиции заявил: "Нынешнее состояние испанских тюрем нельзя назвать очаровательным. Они не являются ни безопасными, ни полезными, ни приспособленными для поставленных целей". Эта критика была полностью подтверждена результатом начатого общего расследования. Было установлено, что из общего числа четырехсот пятидесяти шести исправительных тюрем только сто шестьдесят шесть действительно соответствовали намеченной цели, а остальные были установлены в любых доступных зданиях. Некоторые из них были очень древними, датируемыми 16 веком; и когда-то были дворцами, религиозными сооружениями, замками или крепостями.

Многие из этих зданий были древними памятниками, которые сильно пострадали из-за той позорной роли, которой они были отведены. Ученое общество Мадрида опубликовало протест против нецелевого использования великолепных бывших монастырей Сан-Грегорио в Вальядолиде и Сан-Исидро-дель-Кампо близ Севильи и нанесения увечий их обитателями-каторжниками очень красивым воротам Храма Пьедад в Гвадалахаре. Строительство тюрьмы в Пальма-де-Майорка практически безнадежно повредило великолепным галереям монастыря Сан-Франциско, архитектурного шедевра XIII века и совершенного образца оживальной формы, подобного которому нет ни в чем другом в Испании. В течение короткого периода в десять лет несколько из этих интересных старинных зданий были разрушены. Вся монастырская тюрьма в Корунье затонула, что привело к многочисленным жертвам и серьезным ранениям.

Иногда власти нанимали частные дома, которые служили тюрьмами, или прибирали к рукам все, что могли найти. В Гранаде был использован фрагмент здания Суда - темный треугольник, в который воздух поступал только с внутреннего двора. Тюрьма Аллариса в Оренсе располагалась на первом этаже дома на улице, два окна выходили прямо на нее и были ограждены решеткой с

путьями, расположенными так далеко друг от друга, что через них мог проскользнуть довольно худой человек. Одной из худших особенностей многих из этих древних тюрем было их расположение в самом центре городов с выходом на улицу. Друзья собрались в *rejas* снаружи, и хорошо известная картина флирта у тюремного окна была нарисована с натуры. Обычным зрелищем также была протянутая рука умирающего от голода заключенного, выпрашивающего милостыню у благотворителя, поскольку внутри не было регулярного или достаточного запаса провизии. Свободный доступ был возможен также тогда, когда внутренние нужды приводили заключенных к общественному колодцу на улице.

Тюрьма Кармона в Севилье в течение многих лет наполовину лежала в руинах; солнечный свет не проникал ни в одну ее часть, за исключением двух дворов; в подземельях не было вентиляции, кроме отверстия в дверях; через тюрьму проходила открытая канализация, полы всегда были влажными, в изобилии водились блохи, а также крысы, жуки и тараканы; готовка готовилась в одном углу тренировочного двора, а одежда стиралась в другом. Был отдан приказ о сносе тюрьмы и подготовлены планы строительства нового здания в 1864 году, но они были отложены до 1883 года, затем отправлены обратно на доработку, и реализация проекта по-прежнему откладывается. Тюрьма Кольменар в Малаге всегда была под водой во время сильных дождей, и хотя простой ремонт мог бы исправить это, ничего не было сделано. Тюрьма Леона была признана в 1878 году непригодной для проживания людей, и ее алькальд (губернатор) заявил, что в течение столетия или более поступали сообщения о том, что ей не хватает света, воздуха и санитарных условий; брюшной тиф был эндемичным, и три алькальда умерли от заразной болезни за несколько лет. Обычно его называли "ядовитым чумным домом, судебным могильником". Тюрьма Тотана в Мурсии на самом деле не была тюрьмой, а всего лишь рядом складов и лавок, пригодных для хранения зерна и трав, но совершенно непригодных для содержания людей. Губернатор округа, говоря о тюрьме Инфьесто в Овьедо в 1853 году, писал: "Человечество содрогается от ужасного вида этого отвратительного места".

В картахене общая тюрьма находилась на первом этаже *пресидио*, или тюрьмы для каторжников. Здесь невинные, еще не подсудимые заключенные находились в темной, сырой камере, испытывая муки дискомфорта, быстро теряя здоровье и силы и подвергаясь из-за ее плачевного состояния резким перепадам температуры и холода в разное время года. Женщин селили на нижнем этаже, темнее и теснее, и они даже подвергались худшим искушениям. Заключенные *пресидио* имели свободный доступ в свою тюрьму, и предотвратить безнравственность было невозможно; никакой надзор (а на самом деле его не было) не смог бы остановить моральное загрязнение, которое легче передать, чем физическое. Эти печальные факты можно прочитать в официальном отчете, датированном октябрём 1877 года, и они практически совпадают с теми, которые подробно изложены в знаменитом обвинительном заключении Джона Говарда всего столетием ранее.^[9]

Многие из упомянутых выше импровизированных тюрем располагались в самом центре городов и не имели ограждающих стен или средств отделения от публики, а двести шестьдесят четыре из них имели окна, выходящие на улицу. Было невозможно обеспечить безопасное содержание под стражей, настолько ограниченным был надзор, настолько ненадежным и разрушительным было состояние этих несовершенных тюрем. Случаи побега были очень частыми, но общее их число не может быть указано из-за отсутствия точных данных из года в год. Один авторитетный источник оценил среднее число побегов в тридцать четыре раза в год в течение пяти лет подряд. Им в значительной степени способствовали вялая, небрежная система дисциплины и

нерадивая охрана у ворот, через которые постоянно входили и выходили толпы людей. Друзья часто допускались к переодетым заключенным и легко помогали им ускользнуть от бдительности надзирателей. Побег был наиболее многочисленным в небольших тюрьмах — примерно три к одному по сравнению с побегами из *пресидиос*, — и часто совершались по дороге в тюрьму из-за пренебрежения или попустительства конвоя, особенно когда путешествие совершалось пешком и ответственные офицеры охотно соглашались задержаться в дороге, чтобы повеселиться в тавернах и питейных заведениях. Они даже разрешали своим заключенным наносить длительные визиты в их собственные дома, если они находились где-нибудь поблизости.

В одной из тюрем во время театрального представления, устроенного заключенными в честь дня рождения губернатора, *произошел массовый побег*. Разрешение было должным образом предоставлено, и мероприятие было организовано с впечатляющим размахом. Сцена была установлена на открытом пространстве, предусмотрены декорации и прекрасный занавес, за которым производились обычные приготовления. Однако дальше репетиции дело не пошло. Все было готово к "звонку", тюремная публика расселась, с возрастающим нетерпением и неудовлетворенностью перенося долгое ожидание, которое казалось и на самом деле было бесконечным. Наконец вмешались власти, и губернатор отправил гонца за занавес с повелительным приказом начинать. Трупы не было. Все до единой души, менеджер и актеры исчезли под прикрытием занавеса. Во внешней стене была проделана огромная дыра, через которую все исполнители вышли на свободу.

Какими бы многочисленными ни были побег, повторные поимки также часты. Этот прекрасный отряд, *гражданская гвардия*, составляющий сельскую полицию Испании, всегда столь активную в предупреждении и пресечении преступности, добился больших успехов в преследовании скрывающихся от правосудия преступников, немногие из которых остаются на свободе сколь-нибудь долго. Путешественников по Испании, особенно в сельских районах, , должно быть, поражала приятная внешность этих стойких поборников закона. Все они старые солдаты, хорошо обученные и дисциплинированные, всегда на стороне порядка, никогда не лезут в политику и отличаются своей лояльностью существующему режиму.

Самая позорная из старых тюрем находилась в Мадриде. Саладеро, которая сохранилась до недавнего времени, когда-то была скотобойней и местом засолки свиней. Но оно заменило другое, более древнее и еще худшее во всех отношениях. Более раннее сооружение описано испанским писателем Доном Франсиско Ластресом как самое убогое, самое темное и грязное место, какое только можно себе представить. Там была еще более глубокая темница, обычно называемая "эль Инфьерно", сам ад, в котором света было так мало, что, когда прибывали новые посетители, старые обитатели могли разглядеть их лица, только зажигая спички, сделанные из лоскутков льняной ткани, пропитанных жиром, оставшимся от супа или салата. Когда тюрьма опустела, она была так покрыта отвратительной грязью, что о том, чтобы убрать ее, не могло быть и речи, и все это место было полностью сметено с лица земли.

Должно быть, это была тюрьма, в которой содержался Джордж Борроу, когда этот предприимчивый англичанин был арестован за попытку распространения Библии в Испании в качестве агента и представителя Британского библейского общества в 1835 году и в последующие годы. Его переживания, рассказанные им самим, составляют одну из самых захватывающих приключенческих книг на английском языке, а его необычайно интересную

личность еще долго будут помнить и восхищаться. Он вел очень разнообразную жизнь, странствовал по миру в качестве друга и единомышленника этих любопытных людей, цыган, на "грубом" языке которых он бегло говорил и чьим обычаям с готовностью подчинялся. Читатели, которым понравились его "Лавенгро" и "Цыганский рожь", станут свидетелями смелого и бесстрашного характера, который благополучно провел его через множество трудных и опасных ситуаций. Он был человеком большого роста, хорошо обученным искусству самообороны, что он доказал своим успешным поединком с "Пламенным Жестянщиком", описанным в "Лавенгро". Фанатичные испанские власти поймали татарина в Берроу. Арестовать его было легко, поскольку ему совсем не хотелось попадать в тюрьму; он давно подумывал, как он сам говорит нам, "нанести визит в тюрьму, отчасти в надежде сказать несколько слов христианского наставления преступникам, а отчасти с целью провести определенные расследования на разбойничьем языке Испании". Но, оказавшись внутри, он отказался выходить. Он занял высокое положение; его арест был незаконным; его никогда не судили и не осуждали, и ничто не могло удовлетворить его, кроме полных извинений от испанского правительства. Его решительно поддержал британский посол, и в конце концов он был удовлетворен почти жалкой капитуляцией властей. Но он провел в этих стенах три недели, и мы должны поблагодарить его неукротимый дух за возможность заглянуть в мрачные закоулки Карсель-де-ла-Корте, в то время главной тюрьмы столицы Испании.

Арест был произведен открыто на одной из главных улиц Мадрида парой *альгвасилов*, которые доставили своего пленника в офис *коррехидора*, или главного магистрата, где ему внезапно сообщили, что он должен быть немедленно отправлен в тюрьму. Его провели через Пласа-Майор, огромную площадь, которая в прошлые времена так часто служила местом проведения *авто-да-фе*. Борроу, уходя, бросил взгляд на балкон ратуши, где однажды "сидел последний представитель австрийской династии в Испании (Филипп II), и после того, как около тридцати еретиков обоего пола были сожжены по четверо и по пятеро, вытер вспотевшее от жары и черное от дыма лицо и спокойно спросил: "Нет сенокоса?" (Больше ничего не будет?) за это образцовое доказательство терпения ему горячо аплодировали его священники и исповедники, которые впоследствии отравили его.

"Мы прибыли к тюрьме, - продолжает Борроу, - которая стоит на узкой улочке недалеко от большой площади. Мы вошли в пыльный проход, в конце которого была калитка. Произошел обмен словами, и через несколько мгновений я оказался в мадридской тюрьме, в своеобразном коридоре, который на значительной высоте выходил на то, что казалось внутренним двором, откуда доносился гул голосов и время от времени дикие крики..." Здесь сидело несколько человек, один из которых получил ордер на арест, внимательно просмотрел его и, встав, направился к Борроу.

"Какая фигура! Ему было около сорока лет и ... ростом он мог бы быть около шести футов двух дюймов, если бы его тело не было сильно изогнуто в виде буквы S. Ни один хореk никогда не казался худее; его лицо можно было бы назвать красивым, если бы не его необычайная и зловещая худоба; его нос напоминал орлиный клюв, зубы были белыми, как слоновая кость, глаза черными (о, какими черными!) и таили в себе странное выражение; его кожа была темной, а волосы на голове напоминали оперение ворона. Глубокая спокойная улыбка постоянно появлялась на его лице, но при всем спокойствии это была жестокая улыбка, такая, которая украсила бы лицо Нерона.

"*Кабальеро*, - сказал он, - позвольте мне представиться как алькаиде этой тюрьмы.... Я буду иметь честь некоторое время, несомненно, короткое время, находиться в вашем обществе под этой крышей; я надеюсь, что вы выбросите из головы все дурные предчувствия. Мне поручено относиться к вам со всем уважением, но это ненужное обвинение, *икабальеро*, вы скорее будете считать себя здесь гостем, чем пленником. Прошу вас, отдавайте любые приказы, которые сочтете нужным, привратникам и чиновникам, как если бы они были вашими собственными слугами. Сейчас я провожу вас в ваши апартаменты. Мы неизменно оставляем их для отличившихся кавалеров. Плата за него взиматься не будет, хотя ежедневная аренда нередко составляет унцию золота.

"Эта речь была произнесена на чистом звучном кастильском спокойно, серьезно и почти с достоинством и сделала бы честь джентльмену высокого происхождения. Итак, кто, во имя всего святого, был этот Алькайд? Один из величайших негодяев во всей Испании. Человек, который не раз своей алчностью и урезанием жалких пайков заключенных вызывал восстание в нижестоящем суде только для того, чтобы быть подавленным кровопролитием и призывом военной помощи; человек низкого происхождения, который пять лет назад был барабанщиком в банде добровольцев-роялистов ".

Комната, отведенная мне взаймы, была большой и возвышенной, но совершенно лишенной какой-либо мебели, за исключением огромного деревянного кувшина с дневным запасом воды. Но никто не возражал против того, чтобы Борроу сам обеспечивал себя, и к нему немедленно был отправлен посыльный за постелью и всем необходимым, к которым прилагался запас еды, и вскоре новый пленник почувствовал себя вполне комфортно. Он с аппетитом поел, крепко выспался и обрадовался на следующий день, услышав, что этот незаконный арест и заключение под стражу британского подданного уже вызвал у своевольного министра, отдавшего такой приказ, большое беспокойство и замешательство. Борроу упорно отказывался выйти на свободу без полного и достаточных компенсаций за насилие и несправедливость, причиненные ему. "Обратите внимание, - заявил он де, - что я не покину эту тюрьму, пока не получу полного удовлетворения за то, что был отправлен сюда без приговора. Вы можете изгнать меня, если вам угодно, но любая попытка сделать это будет встречена сопротивлением со всей физической силой, которой я обладаю ". В конце концов, *аминде* был внесен в официальный документ, в котором признавалось, что он был заключен под стражу на недостаточных основаниях, и Борроу вышел на свободу после трех недель заключения, в течение которых он многое узнал о тюрьме и людях, которые в ней содержались.

Он воздерживается от конкретного описания этого места. "Было бы невозможно, - говорит он, - описать столь неправильное и беспорядочное сооружение. Его основные особенности состояли из двух дворов, расположенных один за другим, в которых большая часть заключенных подышала свежим воздухом и отдохнула. Три большие сводчатые темницы, или *калабозо*, занимали три стороны (первого) двора ... достаточно вместительный, чтобы вместить соответственно от ста до ста пятидесяти заключенных, которые на ночь запирались на замок и засов, но днем им разрешалось разгуливать по дворам так, как они считали нужным. Второй двор был значительно больше первого, хотя в нем было всего две темницы, ужасно грязные и омерзительные, использовавшиеся для приема воров низшего разряда. Из двух подземелий одно было, если это возможно, еще ужаснее другого. Это место называлось *галлиния*, или "курятник", потому что в нем каждую ночь содержалась молодняк тюрьмы, несчастные мальчики в возрасте от семи до пятнадцати лет, по большей части почти

обнаженные. Общим ложем всех обитателей этих подземелий была земля, между которой и их телами ничего не было, кроме иногда *манты*, попоны или, возможно, небольшого матраса; эта последняя роскошь, однако, встречалась чрезвычайно редко.

"Помимо *калабосо*, связанных с судами, в различных частях тюрьмы были и другие подземелья, некоторые из них довольно темные, предназначенные для приема тех, с кем могло быть сочтено целесообразным обращаться с особой строгостью. Там также была отдельная палата для женщин. К главному коридору примыкало множество небольших комнат, где содержались заключенные, заключенные за долги или политические преступления, и, наконец, там была небольшая *капилла*, или часовня, в которой приговоренные к смерти проводили последние три дня своего существования в обществе своих призрачных советников.

"Я никогда не забуду свое первое воскресенье в тюрьме. Воскресенье - торжественный день ... и какие бы разбойничьи наряды ни были на нем, они обязательно будут выставлены напоказ в этот святой день. В мире нет более тщеславных людей, чем грабители в целом, которые больше любят при первой возможности срезать фигурку. Знаменитый Джек Шеппард с удовольствием щеголял в костюме из генуэзского бархата и, появляясь на публике, обычно носил на боку меч с серебряной рукоятью.... Многие итальянские бандиты были великолепно украшены, одна только шапка Харам-пачи, главы банды цыган-каннибалов, наводнившей Венгрию в конце 18 века, была украшена золотом и драгоценными камнями стоимостью в несколько тысяч гульденов.... Испанские разбойники так же любят показуху, как и их собратья в других странах, и в тюрьме или на свободе никогда не бывают так счастливы, как в изобилии белого полотна, в котором они могут нежиться на солнышке или весело прогуливаться взад-вперед ".

По сей день белоснежное белье является особым признаком щегольства у испанских крестьян. Надеть чистую рубашку считается достаточной и удовлетворительной заменой принятия ванны, и в самом скромном доме полагается белая скатерть для еды и чистые простыни для кроватей. Борроу дает наглядное представление о "первоклассных ворах", с которыми он столкнулся. "Ни сюртук, ни жакет не надевался поверх рубашки, рукава которой были широкими и ниспадающими, только жилет из зеленого или синего шелка с множеством серебряных пуговиц, которые предназначены скорее для показа, чем для использования, поскольку жилет редко застегивается. Затем идут широкие брюки, что-то вроде турецкой моды; вокруг талии - малиновая *фаджа*, или пояс, а вокруг головы повязан безвкусный носовой платок с ткацкого станка Барселоны. Легкие туфли-лодочки и шелковые чулки дополняют образ грабителя.

"Среди тех, кто особенно привлек мое внимание, были отец и сын; первый был высоким, спортивного телосложения, лет тридцати, по профессии взломщик и прославился по всему Мадриду особой ловкостью, которую он проявлял в своем ремесле. Он сидел в тюрьме за зверское убийство, совершенное глубокой ночью в доме в Карабанчеле (пригород Мадрида), в котором его единственным сообщником был его сын, ребенок младше семи лет. Бес был во всех отношениях копией своего отца, хотя и в миниатюре. На нем тоже были разбойничьи рукава рубашки, разбойничий жилет с серебряными пуговицами, разбойничий платок на лбу и, что довольно нелепо, длинный манчеганский нож в малиновой *фахже*. Очевидно, он был предметом гордости отца-хулигана, который проявлял о нем всю мыслимую заботу, качал его на коленях и время от времени вынимал сигару из собственных усаемых губ и вставлял ее в рот мальчишке. Мальчик был любимцем двора, потому что его отец был одним из тюремных "хулиганов", и те, кто боялся его доблести и хотел поухаживать за ним, всегда ласкали ребенка ".

Борроу, когда в "Карсель де ла Корте" возобновил свое знакомство с одним из них, Бальсейро, которого он встретил в низкопробной таверне, часто посещаемой ворами и тореадорами во время предыдущего визита в Мадрид. Один из них, Севилья по имени, выразил глубокое восхищение англичанином и подтвердил, что он знает больше, чем большинство людей, "раздражительный" язык гитано. Был заключен брак с этим Бальсейро, который утверждал, что провел в тюрьме половину своей жизни и был в самых близких отношениях с цыганами. Когда Борроу наткнулся на него во второй раз, он был заключен на верхнем этаже тюрьмы в изолированной комнате вместе с другими злоумышленниками. В этом чемпионе-преступнике безошибочно можно было узнать его маленькую, худощавую, активную фигуру и красивые черты лица, "но это были черты демона". Недавно он был признан виновным в пособничестве знаменитому вору Пепе Канделасу в отчаянном ограблении, совершенном среди бела дня не кто иной, как модистка королевы, француженка, которую они связали в ее собственном магазине, откуда забрали товаров на сумму пять или шесть тысяч долларов. Канделас уже пострадал за свое преступление, но Бальсейро, чья репутация была худшей из двух, спас ему жизнь, щедро израсходовав деньги, и смертный приговор в его случае был заменен двадцатилетними каторжными работами в *пресидио* Малаги.

Когда Борроу выразил ему соболезнования, Бальсейру отшутился, сказав, что через несколько недель его переведут и он в любой момент может сбежать, подкупив своих охранников. Но он не удовлетворился ожиданием и присоединился к нескольким другим заключенным, которым удалось пробить крышу тюрьмы и сбежать. Он немедленно вернулся к своим злодейским привычкам и вскоре совершил ряд новых и очень дерзких ограблений в Мадриде и его окрестностях. В конце концов, неудовлетворенный скудными результатами и незначительностью награбленного, Бальсейру задумал грандиозный ход, чтобы обеспечить себя достаточными средствами, чтобы покинуть страну и жить в другом месте в роскошной праздности.

Баск по имени Габира, человек с большим состоянием, занимал пост контролера при дворе королевы. У него было двое сыновей, красивые мальчики двенадцати и четырнадцати лет соответственно, которые получали образование в школе в Мадриде. Бальсейру, хорошо зная о сильной привязанности отца к своим детям, решил подчинить ее своей алчности. Он планировал похитить мальчиков и удерживать их для получения огромного выкупа. Двое его сообщников, хорошо одетых и респектабельной внешности, подъехали к школе и, предъявив поддельное письмо, якобы написанное отцом, убедили школьного учителя отпустить их на прогулку за город. Их увезли в убежище Бальсейро в пещере примерно в пяти милях от Мадрида, в диком, безлюдном месте между Эскориалом и деревней Торре Лодонес. Здесь двое детей были изолированы на попечение своих похитителей, в то время как Бальсейро остался в Мадриде, чтобы провести переговоры с осиротевшим отцом. Но Габира был человеком огромной энергии и решительности и вообще отказался согласиться на предложенные условия. Вместо этого он воззвал к власти властей, и по его просьбе отряды конных и пеших солдат были отправлены прочесывать местность, и вскоре была обнаружена пещера с детьми, которых охрана бросила в ужасе при известии о начатых тщательных поисках. Дальнейшие поиски привели к поимке сообщников, и они были опознаны их молодыми жертвами. Бальсейру, когда стало известно о его участии в заговоре, бежал из столицы, но был быстро пойман, предстал перед судом и вместе со своими сообщниками принял смерть на эшафоте. Габира с двумя своими детьми присутствовал при казни.

Краткое описание старого Саладеро, который наконец исчез с лица земли, может представлять интерес. Он стоял на вершине холма Санта-Барбара с левой стороны, внешне представлял собой полуразрушенное здание, готовое к падению, подпираемое подпорками, в одном углу его совсем не чинили, в другом виднелись прогнившие цемент и штукатурка, а старые, истертые непогодой стены были покрыты большими черными пятнами влаги и разложения. Снаружи это было бедное и убогое место без всяких архитектурных претензий, но внутри оно было бесконечно хуже. В него вел широкий вход, мало чем отличающийся от старинного сельского постоялого двора или гостиницы с поломанной деревянной лестницей, ведущей к обшарпанному дверному проему из прогнивших досок. Ворота миновали, и мы оказались перед самой тюрьмой – рядом подземных подвалов со сводчатыми крышами, специально построенных, как казалось, для того, чтобы исключать свет и препятствовать вентиляции, постоянно пропитанных зловонными запахами и отвратительными зловонными испарениями из-за постоянного отсутствия смены атмосферы или циркуляции свежего воздуха. И все же человеческие существа были оставлены гнить в этих тошнотворных и зловонных дырах в течение двух или трех лет непрерывно. Иногда содержание под стражей длилось пять лет из-за возмутительно медленной процедуры в судах, и это несмотря на то, что судебные процессы часто заканчивались оправдательным приговором или вердиктом о непричастности к инкриминируемому преступному деянию. Многие из несчастных, подвергавшихся этим бесконечным проволочкам и ожидавших суда, следовательно, все еще невиновных в глазах закона, были согнаны в стадо вместе с теми, кто уже был осужден за самые тяжкие преступления.

Такое пренебрежение правилами, общепринятыми как обязательные для цивилизованных правительств в отношении тех, кого закон держит за пятки, привело к плачевным результатам. Тюремная лихорадка, это древнее бедствие, которое когда-то опустошало плохо обслуживаемые тюрьмы и унесло жизни тысяч людей, но давным-давно исчезло из надлежащих мест содержания, дожила в мадридском Саладеро до совсем недавнего времени. Только в 1876 году было зарегистрировано сорок случаев, и зимозная болезнь была эндемичной в тюрьме. Это был также рассадник порока, где неразборчивое объединение всех категорий, хороших, плохих и безразличных — худшее всегда преобладало, возвращало преступные инстинкты и множило преступников самого дерзкого и опытного толка. Когда в порыве негодующего красноречия выдающийся испанский депутат дон Мануэль Сильвела осудил Саладеро в кортесах и взял на себя инициативу настаивать на его сносе, он указал на множество его недостатков. Это было в высшей степени вредно для здоровья; оно было почти бесполезно как место заключения, потому что смелые или изобретательные заключенные смеялись над его ограничениями, и ежедневно совершались побеги в количестве четырнадцати-шестнадцати человек одновременно. Если бы, однако, с повышенными мерами предосторожности можно было держать заключенных в безопасности за стенами, ничто не могло бы спасти их друг от друга. Заражение было широко распространенным и непрекращающимся среди массы людей, полностью предоставленных самим себе, без постоянного занятия, без промышленного труда или улучшающего образования и без выхода своей энергии, кроме деморализующих разговоров и порочных практик. Неудивительно, что Саладеро стал крупным криминальным центром, мастерской и мануфактурой фальшивых денег, где разрабатывались странные схемы мошенничества, такие как *entierro*^[10] или предполагаемое обнаружение спрятанных сокровищ, хорошо известная испанская афера, которая имела последствия почти по всему миру.

Тем не менее, независимый свидетель, исходя из собственного опыта, тот же Джордж Борроу, которого уже цитировали, может сказать доброе слово в адрес заключенных испанских тюрем. Он был очень удивлен их аккуратным поведением и спокойной манерой поведения. "У них были случайные вспышки дикого веселья; случайные ссоры, которые они имели обыкновение улаживать в углу внутреннего двора своими длинными ножами, результатом которых нередко была смерть или ужасная рана на лице или животе; но в целом их поведение было бесконечно выше того, что можно было ожидать от обитателей такого места. И все же это не было результатом принуждения или какой-либо особой заботы, которая проявлялась над ними; ибо, возможно, ни в одной части мира заключенные не были так предоставлены самим себе и так совершенно заброшены, как в Испании, власти больше не беспокоились о них, кроме как предотвратить их побег, не уделяли ни малейшего внимания их моральному поведению, не думали об их здоровье, комфорте или умственном совершенствовании, пока они находились в тюремных стенах. И все же в этой мадридской тюрьме, и я могу сказать, в испанских тюрьмах вообще (ибо я был заключенным не в одной), уши посетителя никогда не поражаются ужасному богохульству и непристойности, как в тюрьмах некоторых других стран, и особенно в цивилизованной Франции, и его глаза не возмущаются и он сам не оскорбляется, как это было бы, если бы он смотрел на суды сверху вниз с галерей Бисетра (в Париже)". И все же в этой мадридской тюрьме находились одни из самых отчаянных личностей Испании; негодяи, совершившие акты жестокости, достаточные, чтобы заставить человека содрогнуться от ужаса. Серьезность и степенность являются ведущими чертами характера испанцев, и самый злостный грабитель, за исключением тех моментов, когда он занят своим занятием (и тогда нет никого более кровожадного, безжалостного и по-волчьи жаждущего добычи), - это существо, которое может быть учтивым и приветливым и которому доставляет удовольствие вести себя трезво и благопристойно. Борроу был настолько хорошего мнения об этих товарищах по заключению, что был готов угостить их ужином в своих личных апартаментах в тюрьме, и губернатор не возражал против того, чтобы временно снять с них кандалы, чтобы они могли насладиться трапезой с комфортом.

Более близкое знакомство с внутренней жизнью испанских тюрем было предоставлено современным писателем доном Рафаэлем Салильясом. Он суммирует все ее пороки в одном слове "деньги". Все беспорядки и недостатки, коррупция, отсутствие дисциплины, совершаемые жестокости, преобладающая вседозволенность, постыдная безнравственность, постоянно замалчиваемая или открыто разрешаемая, имеют одно и то же происхождение - использование и нецелевое использование частных средств, имеющихся в распоряжении заключенных. До недавнего времени в испанских тюрьмах все, даже временная свобода, имело свою цену. Эта порочная система восходит к тем временам, когда "алькаид", или глава учреждения, основной целью которого было безопасное содержание правонарушителей, покупал свое место и получал разрешение отыгрываться, насколько это было в его силах, за счет своих подопечных. Такая же отвратительная практика когда-то была почти всемирной, но нигде она не процветала так широко, как в Испании. Не было предпринято никаких попыток проверить это; это было признано и практически признано законным.

В старинном труде о Севильской тюрьме, датированном шестнадцатым веком, писатель Кристоаль де Шавес классифицирует внутреннее убранство по трем разделам; в помещения входят соответственно три двери из золота, серебра или меди, каждый металл соответствует прибыли, полученной от каждой. Тюремное заключение могло бы быть сделано более терпимым за счет оплаты, регулируемой в соответствии с фиксированным тарифом. За

определенную сумму любой заключенный мог отправиться домой спать, он мог купить еду там, где ее было мало, если вообще была, он мог избежать оков или приобрести "облегчение от кандалов", как в старых английских тюрьмах. Чтобы повысить ценность предоставляемого облегчения, с самого начала подвергались худшим лишениям. Ограничение стало наиболее утомительным в начале тюремного заключения. Оковы были тогда самыми тяжелыми и разнообразными, первыми отведенными помещениями были самые глубокие и гнусные подземелья. Был дан явный намек на расслабление и облегчение, которые должны были быть получены определенной ценой, и столь же очевидным было обратное. Усилившаяся боль и дискомфорт были наказанием для тех, кто не захотел или, что еще хуже, не смог предъявить требуемые грабительские суммы. Поставленные задачи усложнялись; обычной практикой было смазывать маслом веревку, с помощью которой поднимали воду из колодца, чтобы она проскальзывала сквозь пальцы и усиливала труд.

Когда власти продавали свою добрую волю или выжимали кровь из своих жертв, они отдавались на милость своих товарищей по заключению, самопровозглашенных хозяев и безответственных тиранов этого места. Самые жестокие и властолюбивые безраздельно правили в этих стенах и взымали налоги по праву сильнейшего. "Украшение" старых британских тюрем, принудительные платежи за получение первого места, взымались в Испании со всех вновь прибывших до последнего и назывались *"cobrar el patente"*, то есть взимание пошлин. Замешкавшиеся или отказавшиеся платить немедленно наказывались жестокими ударами; неплательщиков пороли; они получали *кулебразо* (порку) веревкой, предназначенной для этой цели. С тех, у кого не было ни гроша, снимали одежду и утешали замечанием, что для них лучше лечь в постель, потому что они были голыми, чем из-за увечий и ранок, или они кутались в какой-нибудь рваный плащ, кишасший блохами. Хулиганам или *вальентесам* власти не препятствовали, а скорее поддерживали их. Фактически они сыграли на руку друг другу. Оба воздействовали своей злой волей на свои жертвы и по-своему - власти по праву законных полномочий, которыми они обладали, хозяева-заключенные силой характера и мощью своих мускулов. Оба выжимали деньги, как сок из лимона, грабили, мошенничали или крали все, что попадалось им на пути.

Гусман де Альфараче, типичный вор времен Филиппа II, о жизни и приключениях которого рассказывает автор самого известного из плутовских романов, описывает свое путешествие из Севильи в Кадис, чтобы сесть на одну из галер, составлявших военно-морскую мощь Испании. "Когда мы отправились в путь, то наткнулись на стадо свиней с несколькими поросятами, которых мы окружили и захватили, каждый из нас взял по одному. Этот человек кричал нашему комиссару, что он должен заставить нас вернуть их, но тот остался глух к его словам, и мы продолжили заниматься своей добычей. На первой остановке мы прибрали к рукам другие товары и спрятали их внутри одной из свиней, когда вмешался комиссар, обнаружил вещи и завладел ими сам".

Тюремный алкайд извлекал выгоду из всего. Он продавал государственные запасы, постельные принадлежности и одежду тюремным хулиганам, которые продавали их отдельным заключенным. Он участвовал в дисциплинарных процессах, брал взятки, чтобы не замечать проступков, и потворствовал худшим порокам заключенных, позволяя посетителям обоих полов иметь к ним свободный доступ и приносить всевозможные запрещенные предметы, неограниченное количество выпивки и опасное оружие, ножи и кинжалы, а также другое

оружие для использования при нападении и защите в постоянно происходящих ссорах и конфликтах с убийствами.

Плодотворным источником прибыли была продажа привилегированных офисов, разрешений на продажу товаров и торговлю на территории тюрьмы. Салильяс, посетивший севильскую тюрьму не так давно, увидел множество заключенных, продающих сигары и сигареты во дворах, различные продукты питания, такие как *каспачо*, популярный салат Андалусии, приготовленный из масла и хлеба, размоченного в воде, и напитки, в том числе *агуардiente*, этот мощный испанский напиток, родственник голландскому. Некоторые держали игровые столы и платили налог на каждую игру и прибыль от нее, особенно когда "Король" выпадал в "Монте".

Салильяс публикует список цен, определяющих места, привилегии и блага, предоставляемые заключенным. Стать "*кабо-де-вара*", "капралом с жезлом" или служебным жезлом, стоило от восьми до шестнадцати долларов. "Кто и что такое *Кабо-де-Вара*?" он задает вопрос и отвечает на него. "Гибридное существо, отпрыск таких разных родителей, как закон и преступность; наполовину убийца, наполовину грабитель, который, живя вопреки закону, по крайней мере, лишен возможности причинять дальнейший вред на свободе, заключен в тюрьму и наделен исполнительной властью над товарищами, которые прошли через те же ужасные условия и теперь находятся в его власти. Он наполовину галерный раб, прикованный к веслу, наполовину общественный деятель, носящий значок чиновника и вооруженный палкой для укрепления своей власти. Он олицетворяет два совершенно противоположных набора идей; с одной стороны, идею надлежащего порядка и поддержания уголовной дисциплины, с другой - естественную склонность к противоправным действиям, которые он практиковал и за которые он, в некотором смысле, несет наказание. Чтобы добиться успеха, он должен обладать некоторыми ярко выраженными личными качествами; он должен быть способен запугивать и навязывать свою волю тем, кто находится под его влиянием, властный, властолюбивый, чванливый, готовый взять закон в свои руки и настаивать на его соблюдении так, как он хочет интерпретировать его предписания".

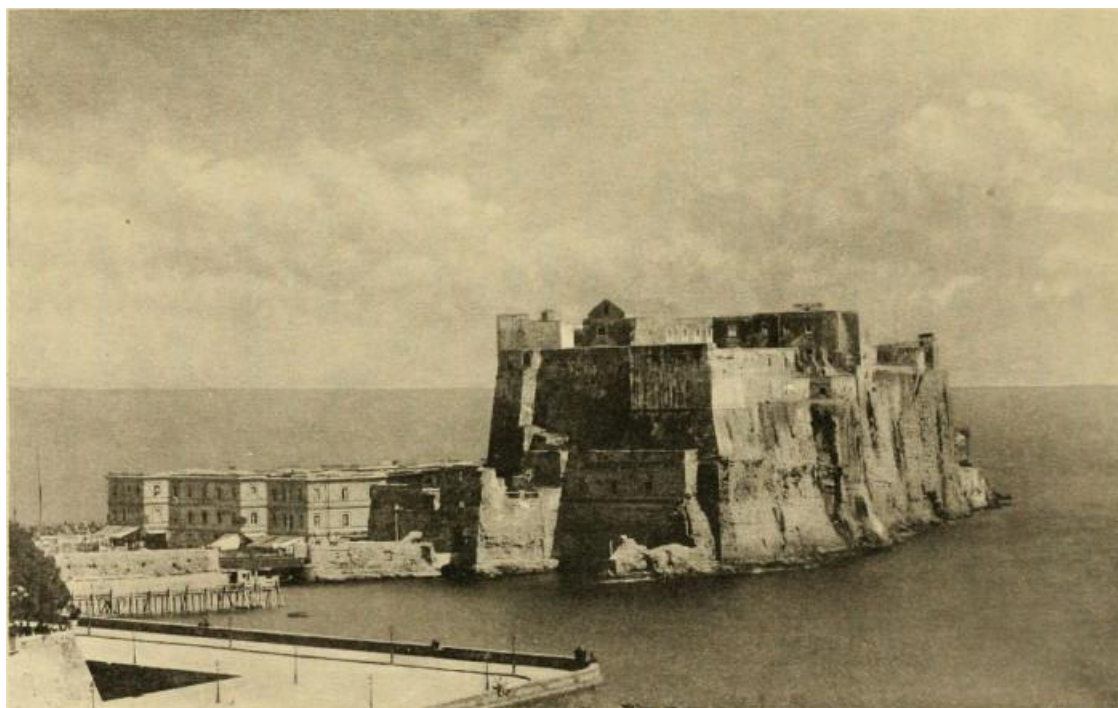
Должность санитара в больнице, повара или прачки можно было получить примерно за ту же цену, в то время как небольшой гонорар тюремному хирургу позволял совершенно здоровому человеку попасть в больницу для лечения, в котором он не нуждался, но в котором ему было гораздо комфортнее, чем в обычной тюрьме. Место тюремного парикмахера можно было купить за четыре доллара; работу сапожником - за два доллара; освобождение от наказания - за три доллара; разрешение навестить дом - за четыре доллара. Эти цены не были окончательно установлены и неизменны. Там, где определенная прибыль могла быть извлечена из определенной должности, такой как плата за столовую, она выставлялась на аукцион и продавалась тому, кто предлагал самую высокую цену.

ГЛАВА VII

ПРЕЗИДИОНЫ ВНУТРИ СТРАНЫ И ЗА РУБЕЖОМ

Президио или тюрьма для каторжников—Участки на родине и в Северной Африке—Труд каторжников—Жестокость, применявшаяся к пресидиариям, занятым на строительстве дорог—Суровость режима в Вальядолиде—Зло перенаселенности—Сеута—Ее укрепления—Ранняя история—*entierro* или "Испанское мошенничество"—Несколько интересных примеров—Монсеньор Х—Арман Каррон—М. Убитый лосем—Доверчивость жертв—Смелость мошенников—Попытка обмануть йоркширского сквайра—Раскрытие мошенничества.

Испанские "пресидиос", или исправительные учреждения для преступников, приговоренных к длительным срокам, являются аналогом английских тюрем для каторжников. Они делятся на два класса: те, кто находится дома, в столицах провинций или в крепостях и опорных пунктах, и те, кто находится за границей, в Северной Африке, в качестве альтернативы или заменителя исправительных колоний за морем, созданных Италией и Францией. Резиденции находятся в Бургосе, Картахене, Гранаде, Окане, Сантоне, Вальядолиде и Сарагосе. Есть два в Валенсии, один в Таррагоне и еще два в Алькала-де-Энарес. Из всего вышесказанного следует, что Картахена была специально построена для удовлетворения потребностей арсенала и верфи, и те, кто ее посетил, говорят о ней как о прискорбно несовершенной. Четыреста осужденных были жалко размещены в одном общежитии; их постельные принадлежности состояли из грубого матраса и одного коричневого коврика; одежда выдавалась только раз в два года; рацион питания обеспечивал вороватый подрядчик, который поставлял суп, состоящий из фасоли, сваренной в воде, без учета рациона масла и бекона. В арсенале Ла Каррака близ Кадиса было установлено древнее сооружение, на самом деле оставшееся от *галер*, или галер, высаженных на берег, когда человеческая движущая сила перестала использоваться для приведения в движение военных кораблей.

Замок Ово

Расположенный на высоком скалистом острове недалеко от побережья Неаполя, он был очень безопасным местом. Ряд островов в Неаполитанском заливе использовались в качестве тюрем и исправительных колоний.

Сохранилась ужасная история о жестокостях, которым подверглись некоторые из этих *президиарио*, нанятых на прокладку дороги между Сан-Лукар-де-Баррамеда и Пуэрто-Санта-Мария. Их труд был передан в аренду бесчеловечному подрядчику, который загонял их буквально до смерти. Они были полуголодны, перегружены цепями и постоянно подвергались порке, так что в течение одного года половина всего их числа в тысячу человек исчезла; они умерли "от лишений, ударов, голода, холода, недостатка одежды и постоянного пренебрежения". Подрядчик получил крупную прибыль, но потерял ее и умер в крайней нищете после того, как был привлечен к суду как убийца.

Президио Вальядолида также подвергся осуждению за суровость своего режима. Климат чередовался между сильной летней жарой и экстремальным холодом зимой, но заключенные работали в каменоломнях в любую погоду. Число смертей в этой тюрьме выросло до такой высокой цифры, что треть от средней численности населения в три тысячи человек погибла в течение восемнадцати месяцев. Общий средний показатель в президиос был низким, но, как правило, уровень смертности был невысоким. Даже при двадцати процентах среди мужчин и двадцати пяти процентах женщины были больны, а условия в больницах были скудными и несовершенными, смертность не превышала двух с половиной процентов в год, и это включало фатальные результаты ссор, заканчивавшихся смертельными дуэлями. Одним из самых серьезных зол была переполненность тюрем. По официальным данным, численность заключенных составляла около девятнадцати тысяч человек, а свободных комнат в палатах было не более двенадцати тысяч. Салильяс оценивает это в гораздо меньшую сумму, утверждая, что там едва хватило места для трех тысяч человек.

Хотя тюрьмы Кубы строго не входят в сферу действия данной работы, можно упомянуть одну из них, представляющую исторический и особый интерес. Это замок Морро, который до сих пор охраняет Гаванскую гавань. Она была начата в 1589 году, вскоре после неудачного нападения Дрейка на Гавану, и закончена в 1597 году. В 1862 году он был частично разрушен англичанами, которые захватили его и оставались во владении города в течение года. Гербом города, пожалованным королевским указом, соответственно были три серебряных замка на синем поле и золотой ключ. Замками были Ла-Фуэрса, Эль-Морро и Ла-Пунта, охранявшие гавань.

Древняя крепость была описана как "огромная масса скал серовато-коричневого цвета, с башнями, зубцами и крутизной, различные части которой, кажется, росли друг в друга". Здесь содержатся камеры, такие же сырые, темные и нездоровые, как в печально известных подземельях старого света. Об этом свидетельствует калифорнийский журналист Чарльз Майкельсон, который был арестован по ошибке и брошен в камеру в замке незадолго до начала испано-американской войны. Хотя он был освобожден через два дня, пережитое не скоро было забыто. Камера представляла собой свод из тяжелого камня, отсыревший от многолетней сырости. Единственное окно находилось высоко под аркой, и там не было никакой мебели — ни кровати, ни одеяла, ни стула. Однако он не был лишен своего рода компании, потому что в доме было полно тараканов и крыс. Когда он вскарабкался наверх и попытался выглянуть в окно, из которого открывался прекрасный вид на гавань, охранник снаружи ткнул в него штыком. Суп,

который ему принесли, был, по его словам, "крепким и с пеной, а из банки так недавно вынули ее первоначальное содержимое, что на ней осталась масляная пленка". Его переводчику, которого арестовали в то же время, пришлось хуже, потому что его связали и держали в еще более грязной камере.

Во времена испанского суверенитета многие кубинские заключенные были расстреляны, а их тела сброшены с внешней стены замка акулам в так называемом "акульем гнезде", расположенном в сорока футах ниже, на берегу залива.

Говорят, что в замке много пещер, из которых доносятся звуки волн, но, вероятно, это связано с ветрами, а не с приливами.

Испания имеет несколько морских президиосов, в основном на побережье Северной Африки, а также один на Пальма-де-Майорке, одном из Балеарских островов. В Африке расположены Алхусемас, Мелилья, Пеньон-де-Велес-де-ла-Гомера, Шаферинас и Сеута, расположенные непосредственно напротив Гибралтара, который, без сомнения, является первым и оригинальным из всех испанских пресидиос. Выражение, когда оно было впервые использовано, было использовано для передачи значения исправительного поселения, основанного в крепости под военным управлением и опекой, с его персоналом, постоянно занятым на укреплениях, строящим, ремонтирующим и приводящим в надлежащий вид, и отвечающим, при необходимости, на призыв к оружию в подкрепление регулярного гарнизона. Ранние записи о Сеуте подтверждают это. Эта крепость, с одной стороны возвышающаяся над морем, с ее укреплениями на суше, постоянно противостоящими жестокой враждебной силе, постоянно подвергалась осадам и вторжениям. Когда мавританские воины стали слишком смелыми, испанский генерал предпринял вылазку, чтобы разгромить их квартиры, разрушить батареи и загнать их обратно в горы. Вооруженные рабочие группы *президиариев* сопровождали войска и несли отличную службу, стремясь, как выразился старый хронист, своим героизмом очистить свою репутацию, "всегда предполагая, что кровь может смыть преступление".

Сеута была разновидностью военной колонии за морем, удерживаемой сильным гарнизоном против воинственных туземцев, которые сопротивлялись вторжению и хотели изгнать незваных гостей. Поселение было защищено постоянными укреплениями, в которых постоянно использовались каторжные работы в изобилии. Его социальные условия были в точности аналогичны тем, которые существовали на заре австралийского транспорта и которые преобладают сегодня во французской исправительной колонии Новая Каледония. Население состоит из двух основных классов: рабов и свободных. Первые - это осужденные, отбывающие наказание, а вторые - чиновники, которые их охраняют. Обычные колонисты в значительной степени не обосновались в этих североафриканских владениях. Несколько торговцев и земледельцев приехали сюда в поисках такой удачи, как предложения, и число жителей увеличивается за счет освобожденных осужденных, двойников класса эмансипистов в Антиподах, которые остаются с перспективой честно зарабатывать на жизнь, вместо того чтобы впадать в греховный путь по возвращении в метрополию.

Сеута - это, по сути, город заключенных, основанный не то чтобы каторжным трудом, но расширенный и благоустроенный им и обслуживаемый им во всех нуждах повседневной домашней жизни. Первый период строгого заключения по прибытии сравнительно короток и проводится в самой тюрьме за пределами города на каторжных работах в товариществе на укреплениях, в мастерских и каменоломнях. Во второй период осужденным разрешается

въезжать в город, и они работают под надзором на складах, в офисах и на подносе воды. В течение третьего периода, обычно называемого "от ружья к ружью", который длится ежедневно с утренней ружейной перестрелки до вечера, осужденным разрешается свободно выходить в город и работать там за свой счет. Четвертый и последний, вводимый после отбытия двух третей всего срока наказания, называется "на условиях", то есть на условно освобожденных, и осужденных отпускают частным работодателям точно так, как они были "назначены" в старые австралийские времена. Они могут жить со своими хозяевами, ночевать вне дома и обязаны являться в тюрьму только раз в месяц на сборы. Таким образом, трудоустроено более трети от общего числа заключенных.

В результате Сеута представляет собой уникальное зрелище: номинально это тюрьма, но основная масса заключенных живет за стенами, совершенно без охраны и на самом деле на улицах, составляя часть обычного населения. Осужденных можно встретить на каждом углу, они входят и выходят через парадные двери домов, никто не смотрит на них с удивлением, никто не расступается, чтобы пропустить их. Ситуация графически описана Салильясом. "Кто кучер на козлах? Заключенный. Кто тот человек, который прислуживает за столом? Заключенный. Повар на кухне? Заключенный. Няня, присматривающая за детьми? Заключенный (мужчина). Боятся ли их работодатели быть ограбленными или убитыми? Ни в малейшей степени.

Другой очевидец^[11] пишет:—

"Могло ли это произойти в каком-либо другом городе Испании? Если бы жители обнаружили, что общаются плечом к плечу с отбросами общества, с наихудшими злоумышленниками, с преступниками, виновными в самых отвратительных преступлениях, наслаждались бы они хоть минутой покоя? Смогут ли они преодолеть естественное отвращение, испытываемое честными и респектабельными людьми к тем, кого закон обрекал жить отдельно? Факт в том, что в Сеуте никто не возражает. Существующее положение вещей считается самой естественной вещью в мире. Это правило действовало слишком долго, и всерьез утверждается, что никаких пагубных последствий не произошло. Мы полностью доверяем этим бывшим преступникам, природа которых, по-видимому, совершенно изменилась после перевода в африканский президио. Они стирают и стирают белье, не теряя больше деталей, чем первоклассная прачка, они ухаживают за детьми с нежнейшей заботой, они выполняют все виды домашней работы, ходят на рынок, разносят послания, полируют полы и мебель со всем усердием и прилежанием лучших слуг в мире. Между работодателями и их помощниками-осужденными существуют самые теплые отношения, и известны случаи, когда первые отправляли последних обратно в Испанию для продолжения службы. Одним из них был повар-китаец, которого освободили от десятилетнего надзора, чтобы он вернулся со своим хозяином".

Чемпионы Сеуты утверждают, что

несмотря на предоставленную осужденным свободу, их поведение является образцовым. "Я могу подтвердить", - говорит Релосильяс^[12], - "что в течение целого года было совершено всего три или четыре преступления среди осужденных, занятых в качестве домашней прислуги". Другие, однако, не столь хвалебны. Независимый свидетель, Донья Консепсьон Ареналь, может сказать о тюрьмах мало хорошего. "В них справедливость наказана или, скорее, распята, -

писала она, - а вместе с ней гигиена, мораль, порядочность, человечность, словом, все то, что уважает каждый, кто сам не вызывает ненависти и презрения. Невозможно дать какое-либо представление о *директоре тюрьмы* или главном бараке для заключенных в этом месте. Мы можем сослаться только на его ужасную и отвратительную деморализацию ". Тем не менее, она склонна противоречить самой себе и утверждает, что осужденный, которому доверяют, будет вести себя хорошо. Его жизнь в целом легка и беззаботна; у него достаточно еды, приятная компания, и он может улучшить свое положение благодаря постоянному трудолюбию; он не носит цепей, не выполняет грубых или трудоемких работ и не склонен ни к неподчинению, ни к преступлениям.

Только что процитированные утверждения вряд ли заслуживают доверия и не могут быть согласованы с сообщениями других людей, исходя из личного опыта. Мистер Кук, английский евангелист, посвятивший себя частым посещениям тюрем, нарисовал мрачную картину этого идеального исправительного поселения, каким он видел его в 1892 году. В то время всеобщее безделье было правилом. Сотни людей слонялись без дела. Преступники с

худшие предки были включены в число заключенных. Один был *бандитом*, или разбойником, виновным в семи убийствах; на счету другого было четыре убийства, а один убийца сидел в совершенно темной камере, связанный по рукам и ногам, приговоренный к смерти и ежедневно ожидавший, что его застрелят. Не менее ста двенадцати человек спали в одной большой комнате без особого присмотра, кроме того, который осуществляли их товарищи, исполнявшие функции надзирателей. мистер Кук выражает свое удивление, что они не стали чаще бунтовать. На самом деле и вопреки приведенному выше заявлению, вспышки насилия с жестокими нападениями на офицеров и кровавыми разборками среди заключенных не были редкостью. Преступления и неподобающие поступки, безусловно, не редкость в Сеуте.

Ужасное описание было дано корреспондентом лондонской "Таймс" в 1876 году. Когда он посетил тюрьму цитадель, он обнаружил, что от восьмисот до тысячи заключенных содержались там в жалком состоянии, одетые только в рваные лохмотья, в сброшенную солдатскую форму, как правило, недостаточную для соблюдения приличий. Они, шатаясь, входили и выходили из полуразрушенных сараев, которые, как предполагалось, служили им убежищем, ссорились, как гиены, из-за своих скудных и отвратительных пайков, которых всегда не хватало из-за нечестности вороватого подрядчика, и дрались насмерть ножами, которые были у каждого при себе. В каждом сарае содержалось от одной до двух сотен животных, которые лежали на земле, как звери. Паразиты ползли по стене, и грязь была в изобилии со всех сторон. "Никакие мои слова, - сказал этот откровенный очевидец, - не могут описать темноту, грязь, бурлящее разложение этих притонов заключенных, притонов, в которые никогда не проникает ни луч солнечного света, божественного или человеческого, и где не видно и не слышно ничего, кроме возмущения и жестокости, с одной стороны, нищеты, голода и непристойностей - с другой". Было место и похуже, "Президио дель Кампо", или полевая тюрьма, в которой каторжные бригады[13], занятые на укреплениях, размещались в еще более грязных лачугах, с меньшим количеством еды и большей деморализацией. Этому же корреспонденту, когда он поинтересовался, как пройти в президио, испанский офицер сказал: "Это не президио, а логово диких зверей и рассадник воров". Очевидно, что в различных опубликованных отчетах много расхождений.

Об истинном состоянии дела лучше всего можно судить, изучив и изложив преобладающие условия. На первый взгляд может показаться, что осужденные воздерживаются от серьезных проступков, но даже в этом можно усомниться из имеющихся фактов. "Это клетка для диких зверей", - пишет один хорошо информированный авторитет. Это может быть в какой-то степени клетка без прутьев, или в которой дикие звери настолько приручены, что им можно позволить разгуливать на свободе и причинять мало вреда, но

дурные инстинкты временами берут верх, что проявляется в происходящих ссорах и беспорядках, но, по словам апологета, не в большей степени, чем в любой из тюрем материковой Испании. Возможно, режим настолько мягок, что заключенные охотно подчиняются ему безропотно и редко восстают против него. Но сама атмосфера этого места криминальная. В тюрьмах может быть немного правонарушений, где правила просты, но если серьезные нарушения дисциплины лишь изредка совершаются в рамках установленных ограничений, то другие нарушения, направленные против общества, постоянно готовятся к исполнению за их пределами. Сеута - рассадник преступности, там сеется семя, которое взращивается и развивается, чтобы впоследствии принести зловещие плоды. Это первоклассная школа для воспитания воров, мошенников, фальшивомонетчиков, которые заканчивают ее с отличием в открытом мире злодеяний. Некоторые говорят, что это родина знаменитого мошенничества, сугубо испанского, называемого *entierro*, которое по-прежнему процветает и получает прибыль, как всегда, не только в Испании, но и почти во всех цивилизованных странах.

The *entierro*, или "захоронение" в буквальном переводе, означает искусное и благовидное предложение раскрыть местонахождение зарытого сокровища. Это еще одна форма хорошо известного "трюка с доверием", или, как его называют французы, "*книги об Америке*", и мы не можем не восхищаться изобретательностью, столь часто проявляемой на практике, и в то же время выражать удивление доверчивостью тех, кто введен им в заблуждение. Оно возникает, как правило, в виде письма-объявления, адресованного из тюрьмы какому-нибудь известному человеку в Испании или где-либо еще, поскольку проницательный практикующий хорошо снабжен списками имен, которые могут быть полезны ему в его бизнесе. Официально зафиксировано, что в президио Гранады был наложен арест на весь товарный запас, огромную массу информации, тайно собранной со всех частей света для проведения мошенничества *sentierro*, а вместе с ней и на ряд бланков писем на различных европейских языках. Приглашение помечено как "очень личное и конфиденциальное" и с особой осторожностью и таинственностью передает предположение о том, что за достаточное рассмотрение адресату будет доверено тайное место хранения очень ценного сокровища. Окраску предложению придает некая правдоподобная, но не всегда вероятная история, на которой оно основано.

В одном случае автор выдавал себя за испанского офицера, который получил из рук самого Наполеона III, когда летел в Англию в сентябре 1870 года, шкатулку с драгоценностями, которую ему было поручено передать графине Монтихо, матери императрицы Евгении, в Мадриде. Однако посыльный был вовлечен в карлистское или революционное движение и сейчас находился в тюрьме, но перед арестом ему удалось спрятать драгоценности в отдаленном месте, спрятанном так искусно, что он один владел секретом. Адресованному лицу было сделано щедрое предложение в виде четвертой доли от общей стоимости при условии, что он

передаст соответствующему заключенному доверенной рукой указанную сумму в триста фунтов наличными, с помощью которой тот сможет добиться освобождения и приступить к раскопкам сокровища.

Другая история такова:

Однажды регулярное почтовое судно доставило в Сеуту итальянского священнослужителя, высокого сановника Церкви, серьезной и почтенной наружности, который сразу же отправился с официальным визитом к коменданту или генералу, командовавшему в то время. Он искал определенную информацию, и особенно ему хотелось, чтобы его направили по адресу, который он искал, - по небольшому дому в уединенном месте на одной из маленьких малолюдных улочек холмистого городка. Он носил с собой тяжелую и довольно объемистую сумку, которую, уходя от генерала, попросил оставить на его попечение под предлогом того, что ее содержимое представляет ценность.

По прошествии двух или трех часов монсеньор вернулся с испуганным видом и, очевидно, в сильнейшем душевном смятении. Он умолял позвать священника, у которого он мог бы исповедаться, и его желание было немедленно исполнено. Как только он раскрылся своему призрачному советнику, он схватил сумочку и побежал в порт как раз вовремя, чтобы успеть на обратный почтовый пароход в Альхесирас. Священник, выслушавший его исповедь, должен был быть освобожден от доверенной ему тайны и сообщить о ней властям, как только будет сигнализировано о благополучном прибытии почтового судна на материк в Сеуту. Тогда вся история выплыла наружу.

Монсеньор Х был одним из самых доверенных капелланов его Святейшества Папы Римского, и он отправился в Сеуту в интересах бывшего генерала-карлиста, который имел несчастье содержаться там в качестве политического заключенного. Требовалась определенная сумма денег, чтобы предотвратить его побег из пресидио и помочь ему безопасно добраться до места захоронения огромного сокровища, извлечь его и использовать для продолжения продолжающейся гражданской войны. Этот генерал, по-видимому, убедил папских сановников в своей личности и добросовестности; его сообщение было подкреплено планами и заявлениями, указывающими на местонахождение спрятанных сокровищ, и был подробно описан метод, с помощью которого должны были быть использованы деньги, необходимые ему для его предприятия. Он сказал, что за ним слишком пристально следили, чтобы позволить какому-либо курьеру связаться с ним напрямую, но у него были друзья в Сеуте, две титулованные дамы, близкие родственницы, которым разрешили жить в тюремном городке и время от времени навещать его, и которые передавали ему деньги, когда их доставляли в Сеуту.

Монсеньор Икс приземлился, как мы видели, и узнал, куда ему предстояло отправиться, но с похвальной осторожностью не решился взять с собой деньги. Он отдаст его, когда лично познакомится с аристократическими друзьями генерала. Они оказались не очень желанными знакомыми. Он нашел дом, который должен был посетить, его впустили без вопросов, но затем дверь за ним захлопнулась, и на него напали с полдюжины каторжников с ножами в руках. Ему было приказано отдать деньги, которые он принес с собой, и когда при обыске они были обнаружены пропавшими, у него отобрали все, что было у него в карманах, - и часы, и значительную сумму наличными. Его жизнь была сохранена, потому что было ясно, что его длительное отсутствие вызовет шумиху, но он был вынужден поклясться, что не попытается

выйти из дома ни на один ясный час, чтобы грабители могли благополучно скрыться. Более того, его предупредили, что, если он поднимет тревогу, на него наверняка совершат покушение. Отсюда его желание пересечь Гибралтарский пролив до того, как о бесчинстве станет известно. Когда в доме побывали, он был обнаружен пустым и без мебели, без каких-либо признаков жизни в помещении. Самая интересная особенность в этой истории заключается в том, что мошенники должны заработать на такой высокой игре, но она основана на несомненном факте. Восстание карлистов часто использовалось для прикрытия попыток обмана.

В другом случае владельцу виноградника в Маэстрацго было отправлено письмо с заманчивой новостью о том, что на его земле была спрятана крупная сумма золотом - накопленные пожертвования сторонников карлистов по соседству. Точное местоположение должно было быть раскрыто, и план был передан в обмен на сумму в четыре тысячи долларов наличными, которая должна была быть переправлена в Сеуту в соответствии с определенными точными инструкциями. Деньги были отправлены, но ответа не пришло. Проходили дни и недели, и, наконец, устав от ожидания и немного расстроенный, жертва, которую легко одурачить, решил лично отправиться в Сеуту и привезти своего разочарованного корреспондента в полицию. Виноградарь, к несчастью, приземлился в пресидио в тот день, когда они травили быка на улицах - игра, в которую постоянно играли и которая представляла большую опасность для прохожих, чем для игроков. Разъяренный бык набросился на новичка и швырнул его так, что тот упал на землю со сломанными обеими ногами. У бедняги не было ни плана, ни известий о его долларах. Все, чего он добился, - это два месяца в постели, находясь между жизнью и смертью.

Писатель Релосильяс, который занимал место инспектора строительных работ в Сеуте, поделился некоторыми из своих личных впечатлений от пребывания в этой каторжной тюрьме.^[14] Он описывает, как однажды он присутствовал на драке заключенных в бараках, которые изначально были францисканским монастырем. Он был в своем кабинете поздно вечером, совсем рядом, когда услышал ужасный шум в большом общежитии и подбежал, чтобы воспользоваться своей властью и предотвратить кровопролитие. Бойцы с двух сторон были обнажены и свободно пользовались ножами: одна партия защищала друга, у которого украли фотографию его сестры, другая партия защищала вора, который украл портрет для использования в афере с зарытыми сокровищами. Он сделал ее маркизой и намеревался использовать это как приманку, чтобы показать свою близость с аристократией и подготовить почву для мошенничества. Этот случай может быть процитирован, чтобы показать, насколько тщательно практикующие в *entierro* изучили свою местность и приобрели методы работы. Во всех испанских тюрьмах, и особенно в Сеуте, можно найти хитрых заключенных, людей способных и опытных, которые много путешествовали, владеют многими языками и хорошо знакомы с выдающимися людьми в других странах, а также с ведущими фактами и подробностями их жизни.

Большой интерес представляют еще несколько историй о мошенничествах, связанных с *entierro*.

Французский землевладелец по имени Арман Каррон, житель небольшого городка в департаменте Финистер, некоторое время назад получил письмо из Сеуты, подписанное Сантьяго (или Джеймсом) Карроном. Автор объяснил, что он уроженец Финистера, где проживал француз; что он тезка и член семьи землевладельца, сын его двоюродного брата, который много лет назад покинул Францию и поселился в Испании с женой и тремя сыновьями,

из которых в живых остался только он, Сантьяго Каррон. Этот Сантьяго, говорилось далее в письме, был направлен своим отцом в военное училище в Сеговии, прошел все младшие чины артиллерийского офицера, дослужился до звания бригадира и в этом качестве был направлен командовать районом Синко Вильяс на Кубе, где женился на дочери дона Диего Кальдерона, богатого гаванского купца и владельца обширных сахарных плантаций. Его жена принесла ему приданое в размере четырех миллионов реалов (40 000 фунтов стерлингов) и умерла, оставив ему дочь, названную в честь своей матери Хуанитой, которой сейчас около 17 лет. Эту девочку, единственный объект любви и заботы ее отца, он отправил в Европу и отдал на воспитание в монастырь Святого Кера в Чамартине близ Мадрида.

Его карьера в армии в течение многих лет была очень удачной, а семейная жизнь на Кубе - чрезвычайно счастливой. Он был осыпан почестями со стороны благодарного правительства и получил множество доказательств доверия своей страны, но недавно офицер, отвечающий за сундук военного округа в Синко Виллас, скрылся и сбежал в Нью-Йорк с суммой в два миллиона реалов. Поскольку он, бригадный генерал, нес ответственность за поведение своего подчиненного и не был готов пожертвовать половиной состояния своей жены, а теперь и дочери, чтобы расплатиться с неплательщиком, его вызвали в Испанию, а затем низвели или отправили в качестве условно—досрочно освобожденного заключенного в крепость Сеута, чтобы судить его военным трибуналом, который из—за затягивания всех событий в Испании мог заседать до судебного дня.

После такого рассказа о себе и своих вещах бригадный генерал перешел к объяснению причин, побудивших его обратиться к своему неизвестному французскому родственнику. Сильно пострадав от длительного пребывания в жарком тропическом климате, он почувствовал себя старым раньше времени, и его наследственный враг, подагра, несколькими острыми приступами дала ему понять, насколько ненадежен его образ жизни. У него была только одна дочь на свете, единственная наследница значительного состояния, которая в любой момент могла лишиться своего естественного покровителя и обеспечить ее окончательное образование и введение в общество было его долгом. Девушка обладала большими природными способностями, унаследовала креольскую красоту своей матери, и рассказы монахинь из Чамартина о ее мастерстве очень льстили его отцовской гордости. Ему не терпелось назначить опекуна своей дочери, и он не мог придумать никого более подходящего во всех отношениях для этой задачи, чем его единственный родственник, месье Арман Каррон.

В последнее время он (бригадный генерал) усердно просматривал бумаги своего отца; нашел среди них очень многочисленные и интересные семейные документы — убедительные доказательства того, что в течение многих лет между его отцом, Винсентом Карроном, и отцом месье Армана Каррона, которого также звали Арманд, велась искренняя и любящая переписка, и он продолжил повествование частыми упоминаниями о нескольких инцидентах, произошедших в ранней юности двух кузенов, с описаниями местностей, общих знакомых и обычных радостей и горестей, чередующихся в их домашних кругах. В целом это была хорошо придуманная, правдоподобная история, настолько близкая к вероятности, что позволила избежать кораблекрушения на скале истины.

Г-н Арман Каррон из Финистера не считал правильным или целесообразным ставить под сомнение подлинность сообщения. Он ответил на обращение бригадира, назвав его "Мой дорогой кузен", сказав, что прекрасно помнит частые упоминания своего отца о Винсенте

Кэрроне, двоюродном брате, который вырос вместе с ним в их собственном доме и покинул родной город, только приехав в поместье мэн. Сердечно поздравив бригадира с его блестящей карьерой, которая отразила столько блеска на их собственном имени, и выразив ему соболезнования по поводу кратковременного облака, которое теперь — он был уверен в этом незаслуженно — опустилось на него, он заверил своего новообретенного родственника в своем сочувствии и в своей готовности смотреть на дочь бригадира как на свое собственное дитя, принять ее в лоно своей семьи и проявлять о ней ту заботу, которую, по его описанию, должна полностью заслуживать такая драгоценная жемчужина, как она.

Итак, вопрос был улажен. Переписка между двумя вновь обретенными родственниками продолжалась шесть или семь месяцев и стала очень нежной и доверительной. Бригадир прислал французу свою фотографию и фотографию своей дочери, сделанные в Гаване и носящие имя и торговую марку художника. На одной был изображен офицер высокого ранга средних лет в парадной форме и с Большим крестом Сан-Эрменгельдо на груди, красивое мужественное лицо с длинными седыми шелковистыми усами; на другой - лукавое, миловидное лицо брюнетки подросткового возраста, с гладкими прядями волос цвета воронова крыла по обе стороны низкого лба и оттенком лунной ночи в ее темных глазах; яркое цветущее создание с ямочками на щеках и пухлыми губами, с выражением юмора, озорства и осмысленности в каждой черте. Вместе с фотографиями пришло письмо Хуаниты Каррон бригадиру, ее отцу, из монастыря с почтовым штемпелем Шамартена, в котором девушка поздравляла отца с тем, что он нашел своего родственника из Финистера, выражала твердую уверенность в том, что ее любящий отец надолго останется с ней, и заключала, что она, со своей стороны, в худшем случае охотно признает своего родственника вторым отцом и согласится на все меры, которые могут быть приняты для ее благополучия.

Прошло семь месяцев, и однажды утром почта принесла месье Арману Каррону письмо со штемпелем Сеуты, но уже не почерком его двоюродного брата. Автор, подписавшийся доном Франсиско Муньосом, приходским священником Сан-Педро в Сеуте, объявил о смерти бригадира Сантьяго Каррона, которая произошла за семь дней до даты отправки письма. Он заявил, что бригадиру, доведенному до последней крайности внезапным приступом подагры, он, дон Франсиско, как священник присутствовал в его последние часы и получил указание завершить все его земные дела как в Сеуте, так и в Мадриде. Кроме того, он был уполномочен забрать сеньориту Хуаниту, дочь бригадира, из монастыря Чамартин и взять на себя заботу о ней во время ее путешествия в Финистер, где она должна быть передана в руки назначенного ею опекуна. К письму священника прилагался напечатанный некролог, извещавший о кончине бригадира, согласно испанскому обычаю, о последней воле и завещании покойного, назначающего М. Армана Каррона единственным душеприказчиком, опекуном и попечителем его единственной дочери Хуаниты и поручающего ему управление ее состоянием в миллион франков (40 000 фунтов стерлингов) с указанием банков в Париже и Амстердаме, в которых эта сумма лежит в надежных государственных ценных бумагах. Весь документ был надлежащим образом составлен нотариусом, с подписями свидетелей, печатями и т.д., и даже со свидетельствами о захоронении бригадира, подписями и печатями гражданских и военных властей Сеуты и губернатора, управляющего этим местом.

В конце этого краткого заявления священник выразил готовность выполнить инструкции бригадира, отправившись в Мадрид, приняв юную Хуаниту из рук монахинь церкви Святого Кера и продолжив с ней путешествие в Финистер, сразу же после того, как услышал от М. Армана

Каррона, что он готов принять свою очаровательную подопечную. М. Арман Каррон ответил с обратной почтой, что его дом и объятия открыты для приема ребенка-сироты его родственницы. Где через некоторое время пришло еще одно письмо от дон-Франсиско Муньоса, в котором объяснялось, что бригадир, хотя и самый методичный и осторожный из людей, оставил в Сеуте несколько пустяковых долгов и требовалось оплатить счета врачей и похоронных бюро, а также дорожные расходы для него самого и молодой леди, которые он, священник, был не в состоянии оплатить. Помимо всего этого, бумаги, акты, книги и другое движимое имущество, оставленное бригадиром, некоторые из них были очень ценными, но также и громоздкими — среди которых были сертификаты государственных ценных бумаг, депонированные во французских и голландских банках, — которые по прямому желанию покойного должны были быть немедленно доставлены в Финистер. Он, священник, должен был бы нести ответственность за все это, так что, учитывая деньги на пансион и гонорары, причитающиеся монахиням, а также одежду, белье и другие предметы первой необходимости, которые могли потребоваться юной леди, чтобы привести себя в порядок для выхода в свет, пришлось бы понести расходы, точную сумму которых было трудно подсчитать. Вывод заключался в том, что он не мог предпринять поездку, если мсье Арман Каррон не снабдит его круглой суммой денег, скажем, четырьмя тысячами франков, которую он мог бы переслать французскими банкнотами и заказным письмом, адресованным не ему, а донье Долорес Мазаредо, благочестивой женщине, которую ее стесненное положение вынудило наняться прачкой в государственную тюрьму Сеуты.

Причина, по которой священник получил деньги таким окольным путем, заключалась в том, что, поскольку бригадир умер, задолжав государству, и правительство могло заподозрить, что имущество, принадлежащее покойному, перешло к нему, в ведение священника и подпадает под действие закона о наложении эмбарго на имущество бригадира, было желательно принять все меры предосторожности, чтобы отвести подозрения и предотвратить причинение вреда.

Мошенничество было полностью успешным, и со временем письмо от Финистера, в которое были вложены банкноты на четыре тысячи франков, было доставлено прачке, а от нее перешло в руки мошенников, чей тщательно продуманный план и исключительная изобретательность увенчались полным успехом. Месье Арман Каррон больше ничего не слышал о своем осиротевшем родственнике.

Самой удивительной чертой "Испанского мошенничества", как оно обычно и почти повсеместно известно, является степень, в которой оно практикуется, и в странах, далеких от тех, в которых этот трюк зародился. В одном случае житель Аргентинской Республики получил письмо из Мадрида, которое он передал прессе, заявив, что он не может понять, каким образом его имя и адрес стали известны. Но было ясно, что аргентинский и многие другие справочники находились в руках мошенника, поскольку все подобные письма, содержавшие обычные розовые истории о спрятанных сокровищах, поступали в страну оптом. Мошеннический агент давно обнаружил, что доверчивость и алчность, на которых он торгует, являются универсальными слабостями и что он, скорее всего, найдет жертв в любой цивилизованной части мира. В другой раз Германия была завалена машинописными письмами от испанского заключенного, и корреспондент ловко объяснил свое использование машинки, заявив, что он работал клерком для заключенных в канцелярии начальника тюрьмы.

Попытка такого же рода была предпринята в отношении швейцарского джентльмена из Женевы, но она потерпела сокрушительную неудачу. Мошенник из Барселоны думал, что он обманом заставил своего корреспондента приобрести за двенадцать тысяч франков некие бумаги, с помощью которых можно было найти клад, и послал молодую женщину в Женеву за наличными. Но швейцарская полиция, узнав о сделке, была начеку, и когда она явилась на встречу с предполагаемым обманщиком, ее взяли под стражу. Также был арестован человек, проживавший в том же отеле и, по слухам, поддерживавший с ней связь. Эмиссар отрицала всякую причастность к предполагаемому мошенничеству, заявляя, что незнакомец, с которым она познакомилась в Барселоне, поручил ей передать письмо в Женеву и привезти взамен другое.

Повсеместность мошенничества доказывается приключениями некоего М. Элькед, ресторатор из Буда-Пешта, которого заманили в поездку в Мадрид, имея при себе сумму в десять тысяч франков наличными. Эти деньги должны были быть использованы для завладения состоянием в триста тысяч франков, часть которого лежала в сундуке, хранящемся в камере хранения на французском железнодорожном вокзале, а часть - в сейфе берлинского банка. Элькед должен был получить половину суммы в обмен на свой аванс. По прибытии в Мадрид он встретился с представителем своего корреспондента, и ему показали поддельные справки железной дороги и банка. Чтобы устранить все возможные сомнения, было предложено отправлять телеграммы на железнодорожную станцию и в банк, и со временем то, что якобы было ответами, доставлялось в Элькед мнимым посыльным-телеграфистом. Фальшивые телеграммы окончательно убедили его в подлинности сделки, и он договорился встретиться с мошенником в одном кафе, чтобы передать десять тысяч франков.

Все это время за Элькедом следил его брат-венгр по имени Исрай, коммивояжер, приехавший в Мадрид тем же поездом и который, узнав о цели визита ресторатора, тщетно пытался убедить его, что это мошенничество. Исрай последовал за своим увлеченным соотечественником в кафе в очень бедном квартале Мадрида и прибыл как раз вовремя, чтобы увидеть, как трое мужчин пытаются затолкать Лося в экипаж. Очевидно, в последний момент он не решился отдать деньги, и хулиганы пытались увести его в такое место, где его можно было бы удобно обыскать и ограбить. Исрай выхватил револьвер и произвел два или три выстрела в нападавших на Элькеда, но ни в кого не попал. Однако он ухитрился ранить лошадь, и борьба закончилась тем, что трое бандитов убежали, оставив Элькеда при своих деньгах. Никто из прохожих не предложил венграм никакой помощи во время драки, и на месте происшествия не появилось ни одной полиции. Когда Элькед впоследствии пожаловался полицейским властям, они просто посмеялись над ним за то, что он проявил такую доверчивость. Жертвы "испанской аферы", безусловно, не имеют права на большое сочувствие. Хотя время от времени производятся аресты, испанской полиции никогда не удавалось успешно справиться с древним и постоянно процветающим мошенничеством.

Некоторые из лжи испанского заключенного являются самыми грубыми и прозрачными попытками мошенничества, но некоторые из них действительно являются прекрасными произведениями искусства. Один английский сельский джентльмен однажды получил следующее письмо:

"Дорогой сэр и родственник, Не имея чести знать вас, но благодаря рекомендации, которую дала мне моя покойная жена Мэри — ваша родственница, которая, подробно описывая

различных членов нашей семьи, тепло восхваляла честные и добродетельные качества, отличавшие вас, я обращаюсь к вам в первый и, возможно, в последний раз, учитывая тяжелое состояние моего здоровья, объясняя мое печальное положение и прося вашей защиты для моей единственной дочери, четырнадцатилетней девочки, которую я держу на пенсии в колледже..."

Это прелюдия к действительно умной и живописной истории приключений писателя на Кубе, где после того, как он был секретарем и казначеем Мартинеса Кампоса, генерал Вейлер впоследствии принудил его присоединиться к повстанцам, и в конце концов он был вынужден бежать из страны, прихватив с собой свое состояние в тридцать семь тысяч фунтов. Впоследствии, будучи вызван в Испанию болезнью своей "единственной дочери", он положил деньги в лондонский банк под видом "охранного документа". После этого мы знакомимся со старым механизмом этого почтенного мошенничества. Переданная записка была спрятана в потайном ящике чемодана заключенного. Заключенный был арестован по прибытии в Испанию, но верный друг, находящийся на свободе, был готов помочь ему вернуть деньги в пользу его ребенка, если только дорогой родственник в Англии "выделит необходимые средства на расходы". Можно представить, что любой, кто никогда не слышал об этих хитроумных махинациях, мог бы быть введен в заблуждение таким правдоподобным повествованием, но трудно понять такое невежество. Письмо было получено из замка Монжуик в Барселоне человеком из Дублина, который показал его нескольким друзьям в городе, объяснив процесс. Это было ново для всех них, и в Лондоне постоянно производятся аресты лиц, которым почти удалось выполнить этот хорошо отработанный трюк с доверием. Смелость этих попыток можно увидеть на примере мошенников, которые отправили три идентичных письма трем лицам, которые были ближайшими соседями, проживающими в Норт-Бервике недалеко от Эдинбурга. Письмо было отправлено из Мадрида и гласило:

"Сэр, задержанный здесь как банкрот, я прошу вас помочь мне снять сумму в размере 925 000 французских франков (37 000 фунтов стерлингов), которая в настоящее время находится в надежном месте во Франции. Вам было бы необходимо посетить Мадрид и получить во владение мой багаж, оплатив залоговое удержание на нем. В одном саквояже, спрятанном в потайной нише, находится документ, который должен быть предъявлен в качестве ордера на выдачу вышеупомянутой суммы. Я предлагаю передать вам треть от всего в обмен на ваши расходы и хлопоты.

Остальная часть письма просто содержала инструкции относительно отправки ответа по телеграфу в Мадрид. Все это было очень глупой и неуклюжей попыткой обмануть, лишенной всех эмоциональных призывов, ребенка, оставшегося без матери, преследуемого политического сторонника провального дела. Хуже того, он открыто призывал к сотрудничеству с банкротом, стремящимся обмануть своих кредиторов. Также нет никаких попыток объяснить выбор этих трех конкретных лиц в одном и том же маленьком городке в качестве участников мошенничества, и единственный вывод состоит в том, что даже при таких обстоятельствах были найдены обманутые, которые впоследствии не захотели раскрывать свою собственную глупость.

Вскоре после падения Картахены было совершено более изощренное мошенничество; история выглядела следующим образом: двое хорошо известных лидеров безрассудного республиканского движения, приведшего к этой катастрофе, - генерал Контрерас и сеньор

Галдес, оба депутаты Учредительных кортесов, бежали в Англию и внесли в Банк Англии сумму в несколько миллионов реалов в государственных ценных бумагах, получив на них, конечно, обычные сертификаты и расписку от банка. Впоследствии эти два испанских джентльмена некоторое время жили на континенте. Генерал Контрерас поселился во Франции в качестве политического изгнанника, а сеньор Галдес под чужим именем отправился в Испанию, где, к несчастью, был узнан, арестован и заключен в тюрьму Саладеро. Сертификаты были оставлены в Англии в надежных руках, в сундуке, принадлежавшем сеньору Галдесу, который из своей тюрьмы отправил указание отправить коробку по железной дороге в Мадрид на имя человека, пользующегося его полным доверием. Однако этот человек имел некоторые претензии к сеньору Галдесу по старому долгу в размере шести тысяч франков, или около двухсот сорока фунтов, и настоял на выплате этой суммы, прежде чем он либо расстанется с сундуком, либо позволит открыть его и извлечь из него драгоценные сертификаты.

Дело требовало деликатного решения, поскольку сеньор Галдес был заключенным, генерал Контрерас - изгнанником, оба находились вне пределов досягаемости, а в отношении денег, которые они положили в банк, могла крыться какая-то тайна, выяснять которую было нежелательно. Можно было бы легко добраться до содержимого сундука, если бы кто-нибудь счел нужным внести двести сорок фунтов, удовлетворить требования кредитора сеньора Галдеса, завладеть сертификатами, переправить их в Англию и изъять ценные бумаги из банка. Человек, чье имя было названо и чей адрес находился на Калле де ла Абада, или улице Риносерос, в Мадриде, возьмет на себя проведение переговоров, если кто-нибудь зайдет к нему с необходимыми двумястами сорока фунтами и предоставит ему полчаса, чтобы спасти сундук и доставить сертификаты. Достойный йоркширский сквайр, которому было сообщено о готовящемся перевороте, счел эту историю чрезвычайно правдоподобной. Ему показалось, что это подтверждается большим количеством косвенных улик, и он подумал, что может рискнуть на это предположение. Профессиональный консультант, к которому он обратился, взялся выполнить за него работу и отнести двести сорок фунтов на Калле де ла Абада, взяв с собой на всякий случай револьвер и намереваясь доставить деньги в банкнотах Банка Англии, номера которых должны быть остановлены в тот момент, когда он обнаружит, что с ним добросовестно разыгрывается какая-либо шутка.

Однако, прежде чем были предприняты какие-либо решительные шаги, было проведено дальнейшее расследование, и было без сомнения установлено, что сеньор Галдес больше не находится в заключении, что генерал Контрерас вернулся из ссылки, что дом на Калле де ла Абада был печально известным пристанищем злоумышленников и логовом воров, и вся эта схема была еще одним примером преступной изобретательности испанского мошенника.

ГЛАВА VIII

ЖИЗНЬ В СЕУТЕ

Опасное оружие, производимое в стенах тюрьмы—Частые ссоры—Постоянные нападения с убийствами на надзирателей—Беспорядки и отсутствие дисциплины из—за использования

заключенных в качестве надзирателей— "кабос де вара" — Эти должности продаются по самой высокой цене —Описание Салильясом этих надзирателей—Худших преступников часто повышают, чтобы они осуществляли власть над своими товарищами—Ужасное зло, возникающее из—за такого положения дел—Описание Сеуты—Жизнь в Сеуте не сдерживает преступность из—за приятных условий, в которых жили заключенные—Популярность тюрьмы театр в испанских тюрьмах—Побеги из Сеуты—Дело Эль—Ниньо де Бренеса—Различные характеристики андалузцев и арагонцев—Иностранцы из испанских колоний, заключенные в Сеуте—Китайцы и негры—Долорес, негрityнка-каторжница - Его убийство двумя другими каторжниками-Политические заключенные-Карлисты-Разные типы убийц.

Жизнь в Сеуте, как, впрочем, и во всех испанских тюрьмах, обходится дешево. Поговорку "слово и удар" можно расширить до "слово и удар ножом". Владение смертоносным оружием является общим для всех заключенных и распространено, несмотря на запрещающие правила. Драки со смертельным исходом происходят постоянно. В Вальядолиде пятеро мужчин были ранены в драке из-за карт, которые были открыто разрешены. Последовало официальное расследование, в результате которого при обыске, проведенном в тюрьме, было обнаружено множество больших ножей и множество кинжалов поменьше.

Власти делают вид, что невозможно предотвратить распространение такого оружия, а также спиртных напитков и колод карт. Однако привратники не проявляют бдительности или их легко подкупить, чтобы они закрыли глаза. Частично в этом виновато плачевное состояние многих тюрем с их многочисленными трещинами, отверстиями и дырами в стенах. Как естественное следствие, кровь лилась рекой, когда ярость и необузданная страсть так легко воспламенялись, а средства для получения убийственного удовлетворения всегда были под рукой. Ссоры сразу же переросли в жестокие драки, которые невозможно было предотвратить и которые приходилось вести прямо здесь и сейчас, даже до смерти. Цепи, каменные стены и железные прутья были неэффективны для наведения порядка. Не могло быть и подобия дисциплины там, где абсолютно отсутствовали две основы: надзор и честная служба у смотрителей.

Ножи часто изготавливались путем хитроумного приспособления всевозможных материалов в стенах, таких как половинка пары ножниц, прочно закрепленных в ручке, обмотанной тканью; или кусок жести, сложенный вдвое для образования лезвия и укрепленный двумя кусками дерева для сохранения остроты острия; или ручка деревянной ложки, заточенная и такая же прочная, как негибкая рыбья кость.^[15] Другим оружием, которое носили при себе и иногда использовали для преднамеренного или неожиданного нападения или в стычках, были бритва, напильник, плотницкое тесло, молоток, сапожное шило.

Салильяс собрал несколько удивительных цифр, чтобы показать, насколько частыми были призывы к насилию и какими фатальными были последствия кровожадной борьбы, постоянно вспыхивающей среди наиболее безрассудных представителей этой вспыльчивой латинской расы. Они часто зарождались в пьяных ссорах, поскольку *aguardiente*, испанский эквивалент виски или джина, всегда был в изобилии, и надзиратели предлагали его почти открыто. Древняя вражда возродилась, когда появилась возможность уладить ее благодаря случайной встрече в тюрьме. Время от времени какой-нибудь маньяк-убийца разгуливал по дворам и наносил удары вслепую по любому безобидному человеку, которого встречал, когда им овладевал приступ ярости. Салильяс сообщает нам, что за один год было совершено шестнадцать жестоких нападений на надзирателей,^[16] и двадцать четыре драки на свободе произошли среди

заключенных, одиннадцать из которых были убиты на месте и сорок два серьезно ранены. Один свирепый негодяй набросился на пожилого надзирателя (тоже каторжника) и ударил его сапожным ножом

а затем, размахивая оружием, бросил вызов вмешательству или спасению своей жертвы, которую он "добил" повторными ударами. Валенсийская газета описывает встречу между двумя заключенными тюрьмы Торрес-Серранос в этом городе. "Без предупреждения и намека на причину разногласий эти двое молча поспешили в большую пустую комнату, бросились друг на друга со своими ножами, и единственными слышимыми звуками были удары, наносимые и отражаемые, и шарканье ног, когда они кружили друг вокруг друга. Стражи во главе с губернатором (алкайдом) пытались разнять дерущихся, и в конце концов им это удалось, но с риском для своей жизни. Оба противника были ранены, у одного была распорота щека, а лицо другого было ужасно изранено. В Сарагосе старик, пожаловавшийся на то, что у него украли одно из одеял, подвергся яростному нападению в лавке сапожника со стороны вора, который вырезал кожу подошвы тяжелым железным инструментом. Жертве были нанесены смертельные раны, но разъяренный агрессор стоял над ней, удерживая на расстоянии тех, кто хотел вмешаться, до тех пор, пока не стало ясно, что наступила смерть.

Основной причиной хронического дискредитирующего беспорядка, царившего в испанских тюрьмах, был господствующий обычай привлекать заключенных к службе и дисциплине в тюрьмах. В настоящее время эта практика повсеместно осуждается как предосудительная, и она была отменена в большинстве цивилизованных стран и даже в Испании. Предложенным оправданием, которое давно вошло в обиход в Испании, были расходы, связанные с наймом надлежащего штата офицеров, что является необходимостью для каждой хорошо организованной тюремной администрации. Но до недавнего времени контроль и надзирание за заключенными в испанских тюрьмах были практически их собственным делом. Были обычные высшие должностные лица, которым помогали несколько свободных надсмотрщиков (*capataces*), но основная часть работы была поручена *кабос де вара*.

Порочная система была тем более нежелательной из-за неопределенности, которая царила в ее работе. Если бы *кабо-де-вара* была тщательно отобрана из лучших и наиболее образцовых заключенных, некоторых из худших зол можно было бы избежать. Но все это было делом случая. Не только не было отбора лучших, но и не было отказа или исключения худших кандидатов. В некоторых заметных случаях управление *кабо-де-вара* попало в руки людей, совершенно непригодных для этого. В частности, можно процитировать двоих из них, Пелуфо и Каррильо, которые, впервые совершив чудовищные преступления, избежали наказания и фактически получили повышение по службе. Один из них, Пелуфо, был заключенным в пресидио Картахены, который убил *кабо* и отрезал себе путь к выходу из церкви Св. Тюремца Августин с ножом в руке; другой, Каррильо, убил товарища на дуэли в пресидио Сан-Мигель-де-лос-Рейес (Валенсия), и впоследствии оба были назначены *кабошами*, "наградой", как сказал остроумный чиновник, "которую они заработали своими заслугами перед пенитенциарными методами".

С такими примерами и при таких властях серьезных преступлений, естественно, было множество. Можно упомянуть лишь некоторые из них. Кабо по имени Казальта убил товарища кабо в Сент-Луисе. В тюрьме Аугустин в Валенсии нанес пять жестоких ударов, а затем нанес удар ножом офицеру полиции в сердце. Когда подошел военный охранник, он серьезно ранил одного из солдат и ранил двух осужденных, одного в голову, другого в спину. Казальта, однако, был приговорен к новому сроку в двенадцать лет. Некто Феррейро Вольта перерезал горло своему товарищу за то, что тот дал показания против уже упомянутого Пелуфо. Из опубликованных списков можно выделить еще много случаев такого же отвратительного характера, когда инстинкт убийства проявлялся в полную силу. В одной тюрьме тринадцать человек, уже виновных в убийстве или покушении на убийство, повторили свои преступления в качестве заключенных; в другой - девять человек, осужденных за умышленное нанесение телесных повреждений, продолжали эту практику или были виновны в ужасных угрозах убийством в тюрьмах. Эти случаи можно было бы множить почти до бесконечности, но этого будет достаточно, чтобы указать на постоянно преобладающие ужасные условия. Несомненно, нападения с целью убийства часто провоцировались тиранией заключенных кабосов, против которых их товарищи, доведенные до отчаяния, восстали и осуществили месть.

Дисциплина, которую соблюдали эти надзиратели над заключенными, естественно, немногого стоила. Их обязанностью было поправлять и сдерживать своих товарищей, помогать им в преследовании, когда они убегали после того, как изначально, скорее всего, способствовали уклонению, вставать на сторону властей в случаях серьезного неподчинения и беспорядков. Но они были слабыми сосудами, легко поддававшимися искушению, жадно брали взятки, жадно глотали выпивку, когда им предлагали, быстро пугались угроз тюремных хулиганов и сдавались по своему усмотрению, когда им оказывали сопротивление. Но даже несмотря на то, что иногда среди них можно было встретить хороших и надежных людей, на них нельзя было по-настоящему положиться. Обычно они составляли пятьдесят процентов. Было принято очень мудрое решение о персонале и необходимости замены не осужденных, должным образом оплачиваемых, довольно почетных надзирателей. Главная опасность заключалась в их тесной связи с остальными, в постоянном одиночестве днем и ночью, когда официальный надзор был невозможен. Их ценность полностью зависела от их личной квалификации. Если бы они были слабовольными и беспозвоночными, они не могли бы сдерживать плохо воспитанных людей, не могли бы ни запугивать, ни подавлять; если бы, с другой стороны, у них был властный характер с высокомерным, властолюбивым характером, они могли бы причинить огромный вред, тирания своих подопечных и вводя их в заблуждение. Люди этого класса часто заявляли о равенстве с признанными чиновниками, обращались с ними небрежно и фамильярно, разговаривали, не отдавая честь и не снимая фуражек, нагло выпуская дым наполовину выкуренной сигареты в лица офицеров. Салильяс резюмирует этот тип как "полуслужащий, полукаторжник и настоящий палач".

Внешний вид Сеуты не вызывает отвращения. Он построен на семи холмах, самый высокий из которых увенчан крепостью, и в слове "септем" мы можем проследить название Сеута. В нем до сих пор сохранилось несколько мавританских руин, поскольку когда-то это был важный мавританский город. На некоторых улицах выложены мозаичные тротуары из красной, белой и зеленой плитки, а фасады домов отделаны белым, черным и змеевидным мрамором с орнаментом в виде завитков, идущих под водосточным желобом. Он претендует на

живописность и обладает определенными художественными архитектурными особенностями. Внушительная казарма под названием Дель Валле, построенная трудом заключенных, считается одним из лучших военных сооружений Испании. Здесь также есть собор, посвященный Африканской Богородице, инженерные и артиллерийские верфи, военный госпиталь, еще одна церковь, государственные учреждения и, прежде всего, дворец губернатора и главнокомандующего. Последнее, в частности, с его обширной территорией, красивым фасадом и анфиладами прекрасных комнат, все это хорошо оборудовано и обслуживается большим штатом тюремной прислуги, вызывает зависть всех других правительственных чиновников. Одна широкая улица пересекает город с запада на восток, пересеченная сетью небольших переулков, все они просторные, хорошо проветриваемые морским бризом и постоянно освещаемые ярким солнцем. Время от времени мимо проходят заключенные в своей характерной одежде, но они почти не отбрасывают тени на сцену, демонстрируя мало признаков своего рабства и проходя с беззаботной свободой, куря превосходный табак или распевая веселую песню. Нищие не бросаются в глаза, поскольку просить общественную милостыню строго запрещено. В целом толпа имеет довольный вид зажиточного человека, и даже осужденные прилично одеты. Другие жители, мавры с материка и евреи, давно занявшиеся торговлей, кажутся преуспевающими и, очевидно, обладают достаточными средствами, нажитыми благодаря их трудолюбию и бережливости.

Президио, или собственно тюрьма Сеуты, занимает большую часть полуострова или мыса и охватывает четыре отдельных района; первый расположен в новом или современном городе; второй находится сразу за его пределами; третий находится в пределах старого города, а четвертый - за внешней линией стен. Первая часть соединена с третьей подъемным мостом, называемым *бокете-де-ла-сардина* или "вход сардины"; вторая с третьей - опускной решеткой; третья с четвертой и последней - внешними воротами города.

В первом находятся кварталы ремесленников, расположенные в крытых галереях древнего монастыря в Сан-Франциско, и, если бы не латка и побелка, они выглядели бы довольно разрушительно. Оно не является ни безопасным, ни достаточного размера. Ночная охрана размещена в старом здании морга, решетки на многих окнах деревянные. В здании находятся офисы, школа, магазин одежды и мастерские, расположенные в своего рода патио или во внутреннем дворе, или в пустотах в галереях, и представляют собой просто логова и лежбища, частично прямо над старым могильником. Ремесла, которыми занимались, когда я посетил его, были разнообразными: мужчины шили обувь; четырнадцать портных трудились; кузнец, приговоренный к пожизненному заключению, постоянно ковал раскаленное докрасна железо; жестянщик изготавливал множество полезных изделий; токарь на своем токарном станке превосходно обрабатывал старые мясные кости и изготавливал ручки для тростей и зонтиков. Этот токарь зарабатывал много денег и жил с комфортом. Заключенные в Сеуте не лишены своей прибыли и тратят свои деньги на покупку лучшей еды, превосходной одежды и *aguardiente* и используют их для подкупа своих надзирателей, или они умело скрывают это, постоянно пополняя свой запас. Промышленность - главный источник богатства, но многие политические заключенные привозят с собой крупные суммы или их ввозят контрабандой, и успешное раскрытие "мошенничества с зарытыми сокровищами" обеспечит их большим количеством наличных.

Затем следуют другие отрасли промышленности - плотницкое дело и изготовление сундуков и коробок, которые хорошо продаются. Несколько ткацких станков заняты ткачеством холста для

изготовления парусов для местного судоходства, грубого материала для мешковины и одежды заключенных, и все это в больших количествах и в действительно ценном объеме. Эти мастерские заполняются заключенными на первом этапе их содержания под стражей. Водоносы и клерки в правительственном учреждении отбывают второй срок, а по достижении третьего осужденные получают привилегию оставаться на свободе и наниматься на работу в городе "из ружья в ружье".

Тюремная больница расположена в этом первом районе, древнее здание, возведенное на часть средств, пожертвованных в прошлые времена для приобретения свободы пленным христианам, поработанным берберийскими маврами. Здание хорошего размера, хорошо проветривается и имеет хорошие гигиенические условия. Но недостатки испанской администрации распространяются даже на Сеуту и тюремную больницу, которая, по словам местных властей, "отвратительно организована и плохо оборудована". Крыша настолько непрочная, что летом она не обеспечивает должной защиты, а сильный жар палящего солнца, проникающий сквозь нее, очень вреден для пациентов. Медицинские ресурсы невелики и некачественны; кроватей мало и они грязные; вся внутренняя отделка, мебельная фурнитура и бытовая техника недостаточны и изношены. Здесь нет морга, и чтобы добавить небольшую деталь в доказательство несовершенства, вскрытие проводилось в небольшом помещении, являющемся частью собственно больницы, без дезинфицирующих средств и необходимых приспособлений для проведения вскрытий. Пациенты редко надолго оставались в больнице, поскольку их редко госпитализировали до тех пор, пока они не достигали последних стадий болезни и поступали, как правило, только для того, чтобы умереть.

Во втором районе находятся основные помещения для заключенных. Один находится в главной казарме под названием *cuartel principal*, а другой - в крепости *эль-Хачо*.^[17] Некоторые дополнительные доказательства их плохого состояния можно извлечь из сообщения, предоставленного Салильясом. "Невозможно представить, - пишет он, - более неподходящего, отвратительного места для тюрьмы. Комнаты и общежития, занимаемые осужденными, темные и мрачные, всегда сырые, наполненные отвратительными запахами и неопишимо грязные. Полы выложены утоптанной землей, в них всегда можно спрятать все запрещенные предметы, оружие, инструменты для предотвращения побега, кувшины с напитками, огненную и ядовитую *агуардьенте*. Мне кажется невероятным, - продолжает он, - что жизнь в таких условиях возможна. Тысяча с лишним человек, которые редко моются, если вообще моются, которые никогда не меняют свою одежду, беспорядочно сбиваются в кучу в маленьких, грязных, плохо проветриваемых, вонючих берлогах и, несомненно, порождают и распространяют отвратительные эпидемические заболевания". Зловонный воздух пропитан зловонными выделениями многих поколений зараженных людей. Это один из очагов концентрированной малярии — зловонный очаг инфекции. Снабжение осуществляется с отвратительной небрежностью: кухня - обитель мерзости: приготовлением пищи занимаются отталкивающего вида заключенные в засаленных лохмотьях, которые погружают свои грязные руки глубоко в бурлящую массу супа, которую они вычерпывают в ведра, - зловонную смесь цвета и консистенции строительного раствора, используемого при возведении стены.

Неподалеку находится еще один квартал, в котором содержатся заключенные, *эль-Хачо*, или холмистая местность, или самая верхняя точка Сеуты, на которой расположена цитадель, венчающая укрепления. Он переполнен из главного барака и, более того, обычно населен самыми худшими персонажами, самыми непокорными и неисправимыми представителями

тюремного населения. Комнаты, как и в бараке внизу, грязные, переполненные и небезопасные, но несколько окон верхнего этажа выходят на Средиземное море и не всегда защищены деревянными или железными решетками. *Эль-Хачо* содержит в своих пределах определенное количество одиночных камер, хорошо известных и внушающих страх закоренелым преступникам Испании. По сути, это карцеры, используемые для принуждения неисправимых, и они такие же темные, сырые и убогие, как и большие помещения. Но одиночного заключенного в каждой камере обычно держат прикованным к стене или, как это принято называть, *амаррадо ан бланка*, почти голым и сильно выглаженным. Лечение является образцовым по своей жестокости, но не обязательно излечивает субъекта. Был один неисправимый, на которого несколько лет *калабосо* не оказали никакого воздействия. Его приговорили к такому заковыванию в цепи в качестве наказания за смертельное ранение надсмотрщика в *эль-Хачо*, но он не изменил своих манер. Однажды с приходом нового губернатора все осужденные были помилованы. Этот заключенный, которого немедленно отправили на улицу, яростно напал на первого встречного надзирателя и снова был приговорен к заключению как представляющий постоянную опасность для пресидио. Его помнят всего лишь юношей, но с дьявольским лицом и неукротимым видом.

В районе *Баркаса*, собственно говоря, нет казарм, но есть пространство, вырезанное в толще линейной стены, выходящее во внутренний дворик, из которого выходят семь комнат, некоторые высокие, некоторые низкие; из них три и часть двора были заполнены боеприпасами войны, а над общежитиями на их верхнем этаже была размещена артиллерийская батарея. Многие осужденные работают лодочниками и сторожами в порту, другие охраняют стены и носят воду в караульные помещения на более высоком уровне. Они также обслуживают подъемный мост между старым и новым городом. Хорошо запомнился тот, кто работал привратником на подъемном мосту. Ему было доверено призывать всех прошедших мимо осужденных предъявить свои разрешения на свободное обращение или на вход в крепость и выход из нее. У него было приятное румяное лицо, он был однорук, немного глуховат, но с очень острым взглядом, и его нелегко было обмануть. Он был убежденным сплетником, который собирал все новости и сообщал их всем, кто входил и выходил. В Сеуте постоянно происходили побег, но лишь немногие из них совершались через подъемный мост *Баркаса*.

На полпути от города к цитадели и форту Сераль находился барак Джаду, в котором жили каторжники, занимавшиеся сельскохозяйственными работами, изготовлением черепицы и сжиганием древесного угля. Многие из них были иностранцами и неграми. Основную массу жителей составляли те, кто отбыл три четверти срока заключения и жил "в условиях", или в состоянии условной или полусвободы. В Джаду было мало правонарушений, кражи были редки, драки и ссоры происходили редко. Сераль представлял собой укрепленную казарму прямоугольной формы, занятую войсками гарнизона и вмещавшую около сотни заключенных, работавших на соседних фермах в частных руках.

Следует отметить, что заключенные, помещенные в эти последние по названию помещения за стенами тюрьмы, по-видимому, не проявляют всех неприятных черт, приписываемых им некоторыми авторами при описании их пребывания в Сеуте.^[18] Несомненно, истина лежит где-то между двумя крайностями, но несомненно, что главная исправительная колония Испании в значительной степени разделяет недостатки, неотделимые от всех форм исправительной колонизации. Мы можем видеть, вне всякого сомнения, что в Сеуте система не достигает никаких полезных результатов. Преступники, подвергающиеся наказанию, от этого не

становятся лучше; их перевоспитание, которое, как правило, является блуждающим огоньком при самых лучших условиях, даже не предпринимается, не говоря уже о том, чтобы быть уверенным. С другой стороны, совершенно очевидно, что зло постоянно набирает силу, что преступные наклонности в значительной степени поощряются возможностями, предоставляемыми в образовании и практике совершения противоправных действий; что пресидио само по себе является криминальным центром, где сеются семена преступности и поощряется их рост, несмотря на трудности, связанные с расстоянием и неудобствами. Страх перед тюремным заключением не является сдерживающим фактором для совершения преступлений по той простой причине, что жизнь в Сеуте не особенно утомительна и что осужденный находит там много компенсаций. Обязанность к тяжелому труду строго не соблюдается. Человек должен работать, но не усердно и главным образом ради собственной выгоды, чтобы получить средства для смягчения и улучшения своей участи. Он проводит свое время так, как ему заблагорассудится. Хотя он встает с восходом солнца, как это принято в его стране, он встает с постели, не задумываясь о личной чистоте, и неторопливо приступает к назначенной работе, предварительно расправившись со своим завтраком, добавив, возможно, еще что-нибудь вкусненькое, включая утренний напиток *aguardiente*, купленный у лоточников и разносчиков, ожидающих его у тюремных ворот. Он одет в тюремную униформу, но она достаточна и меняется в зависимости от времени года. Ему не мешают кандалы, поскольку древняя практика сковывать заключенных вместе куплетами давно прекратилась. Ношение кандалов вышло из употребления много лет назад при строительстве большого барака дель Валье, когда произошло несколько прискорбных несчастных случаев и было обнаружено, что цепи мешают свободному передвижению рабочих по лесам и так далее. Идея состояла в том, что по окончании строительства снова должны были быть наложены кандалы; "но все, кто так думал, не знали ни испанских обычаев, ни деспотизма обычаев, когда они однажды установились".^[19] "На сегодняшний день (1873 г.), - говорит тот же автор, - на складе нет пятидесяти комплектов цепей, и не более двадцати носят лица особого наказания и

ни в коем случае не в качестве общей практики". Осужденный слоняется без дела по комнатам или двору или лениво орудует инструментами своего ремесла, свободно сплетничает со своими товарищами или играет в *монте* или *чалас* с полного разрешения надзирателей, которые не прочь "немного поиграть"; он находит легкие способы выйти на улицу, чтобы заняться каким-нибудь восхитительным флиртом; может быть, идет травля быка, *новильо*, к которому могут присоединиться все, или в одном из исправительных учреждений компания заключенных устраивает театральное представление.

Театр - страсть среднестатистического испанца, и этот вкус распространяется и на тех, кто находится в заключении. Постоянно происходят случаи, когда популярные пьесы ставятся в тюрьмах, расположенных в крупных городах. Салильяс^[20] утверждает, что почти во всех тюрьмах Испании был свой театр, и он называет Бургос, Сеуту, Окану, Вальядолид, Саладеро (Мадрид) и Алькала-де-Энарес. Один писатель, побывавший на представлении музыкального произведения "Вьехас Рикас де Кадис" в севильской тюрьме, сказал, что оно было поставлено хорошо и что вокальный талант был значительным в этой и других тюрьмах. В тюрьме Сан-Мигель-де-лос-Рейес было слышно, как осужденные в канун Рождества пели хором, который был прекрасно исполнен с большим чувством.

В тюрьме Вальядолида театр регулярно устанавливался компанией из сорока заключенных, которые выделяли на эти цели значительные суммы. IT

имели рабочие комитеты с правилами и подзаконными актами, официально утвержденными губернатором провинции. Театр, рассчитанный на четыреста зрительских мест и четыре отдельные ложи, вмещающие по двенадцать человек каждая, был построен в здании, которое впоследствии стало кузницей. Была оборудована комната отдыха, в которой подрядчик раздавал сладости, кондитерские изделия и крепкие напитки; настоящие актрисы нанимались со стороны с зарплатой в доллар за каждое представление; свободным жителям были выданы приглашения, а осужденные платили по два реала за вход. Были поставлены хорошо известные пьесы высокого класса, комедии, драмы и комические оперы.

Все происходящее было карикатурой на тюремную дисциплину, и власти, допустившие это, были должным образом резко и сурово осуждены. Они подвергли себя упрекам и даже худшему за вопиющее пренебрежение к самым обычным ограничениям, позволив женщинам постоянно проходить внутрь и разрешив продажу алкогольных напитков. То, что место заключения, в первую очередь предназначенное для обуздания и наказания злодеев, было превращено в шоу, было недопустимым злоупотреблением властью и позорной пародией на порядок вещей. Порожденное позитивное зло было замечено в массовом бегстве театральной труппы, в то время как зрители терпеливо ждали перед занавесом, который в конце концов "поднялся" на совершенно неожиданном представлении.^[21]

В деле о побегах Сеута была знаменита. Сбежать из этой плохо охраняемой цитадели было нетрудно, когда у осужденного были средства подкупить офицеров или купить лодку хватало смелости совершить путешествие через Гибралтарский пролив. История одного заключенного-ветерана, сбежавшего из Сеуты, интересна тем, что его вынудило покончить с собой то, что он, без сомнения, считал необдуманной суровостью своих необдуманных надзирателей. Это был старый разбойник, известный как "*Эль-Ниньо де Бренес*" (отрок Бренеса), имя, которое он, должно быть, заслужил некоторое время назад, поскольку ему было семьдесят лет, когда он "ушел" (это точное слово) из Сеуты. Он был воспитанным, состоятельным заключенным с приветливым обращением, который приобрел много верных друзей среди чиновников и своих собственных товарищей. Положение, которое он создал для себя, было практичным и комфортным; он жил в *эль-Хачо*, занимаясь различными промыслами, в том числе ростовщичеством, и постепенно разбогател настолько, что получил во владение полосу земли, которую с прибылью обрабатывал, и держал прекрасный птичий двор, а также множество овец и коз.

Эль-Ниньо был высоким, хорошо сложенным стариком, темнокожим, с густыми седыми волосами. У него была весьма респектабельная внешность, очень плотный и прилизанный вид, и, будучи в наилучших отношениях со своими хозяевами, он взял на себя смелость сбросить тюремную робу и одеться андалузским крестьянином в гетры, красный пояс *исомбреро каланьес* (круглую каску). Неудивительно, что эта самонадеянность вызвала недовольство властей, и ему сказали, что он должен соответствовать правилам и появляться в надлежащей одежде осужденного и перестать занимать деньги у своих более бедных собратьев. Он

воспринял это намек с улыбкой протеста; он указал, что использовал свое влияние для умиротворения заключенных с плохими условиями содержания, для предотвращения беспорядков и ссор. Если бы его услуги не ценились выше и он был бы связан строгим соблюдением обычных правил, он уехал бы еще дальше; его пребывание в президио было делом чести, и в его распоряжении всегда были средства для побега, и если бы ему помешали, он бы ушел. Этот дерзкий ответ весьма возмутил власти, которые вслед за этим решили прибегнуть к решительным мерам. Факты в том виде, в каком он их изложил, были более или менее правдивы, и вина на самом деле лежала на порочном и неэффективном действующем режиме. Но власти не захотели смириться с вызовом, и был издан императивный приказ о том, что он должен к определенному сроку распорядиться своей частной собственностью, завершить свои финансовые дела и отказаться от всякой идеи исключительного обращения. Эль-Ниньо воспринял это как угрозу, на которую мог быть только один ответ. Он собрал свои наличные деньги и портативное имущество и тихо исчез. Был поднят шум; обычные сигналы поступили к сигнальщикам; за всеми воротами и выходами велось тщательное наблюдение; полиция неустанно преследовала беглеца, но он тщательно продумал свои планы и так и не был пойман. Располагая достаточными средствами, он, несомненно, свободно использовал их, чтобы приобрести свободу, выбрав какой-нибудь надежный путь мимо границы или через море.

Союзники и вспомогательные силы никогда не испытывали недостатка в предприимчивом беглеце, готовом щедро заплатить за помощь. В одном случае осужденный набрался смелости позволить запереть себя в сундуке, наполовину заполненном табаком, и таким образом доставить в Гибралтар, куда он был возвращен как содержащий поврежденный товар. Гибралтар является свободным портом, и сундук был доставлен без вопросов. Затем получатель груза без промедления вскрыл его и извлек беглого осужденного целым и невредимым. Последняя часть истории несколько невероятна, и мы можем задаться вопросом, почему беглец не поддавался неудобствам, связанным с его узким вместилищем, нехваткой воздуха, запахом табака и тряской коробки, когда она совершала свое, хотя и короткое, путешествие от Сеуты до Скалы.

Из главного барака был совершен крупномасштабный побег, когда восемнадцать заключенных спустились в водостоки и, обнаружив, что их продвижению никто не препятствует, благополучно спустились по ним и, пройдя под внешней стеной, достигли выхода к морю. Случилось так, что вода была высокой и произошел сильный конфликт течений, при котором заход внутрь имел наибольшую силу, а выход был заблокирован штормовыми волнами. Некоторые из осужденных бросились в воду, но были смыты обратно после столкновения со скалистыми укреплениями, и все они в ужасе за свои жизни подняли громкие крики, взывая о помощи. Часовые подняли тревогу, стражники побежали вниз и поймали всех беглецов, кроме одного, прекрасного пловца, который упорствовал в своей попытке, и бурная вода унесла его в сторону моря, пока он не смог выбраться на берег с противоположной стороны от мавританских часовых.

Тюремное население Сеуты состоит из множества разношерстных, многоязычных представителей множества разнообразных семей, составляющих испанскую расу, и представителей других различных национальностей. Испанцев обычно подразделяют на две основные группы: арагонцев и андалузцев. К первой группе относятся все выходцы из северных провинций, которые, как правило, грубы, неуживчивы и brutальны, осужденные главным образом за насильственные преступления, умышленные убийства, совершенные при

отягчающих обстоятельствах, являющиеся результатом яростной и неуправляемой страсти. Андалузец обладает более щедрым характером, живым и беззаботным, но неуравновешенным нравом и склонен к попыткам побега. Он хронический ворчун, постоянно склонный жаловаться, недовольный своим рационом и требующий особых привилегий. Арагонцы, с другой стороны, долго страдают в молчании, которое в конце концов, после долгих раздумий, приводит к мятежному объединению. Андалузец передает свои жалобы из уст в уста, араговец без предупреждения бросается в открытые действия и организованную атаку. Другой отчетливой частью испанской расы являются галисийцы и уроженцы Астурии, трезвые, тихие и воспитанные люди дома, которые проявляют большую жестокость в качестве заключенных. Кровавые столкновения в этих провинциях малоизвестны, но когда астуриец или галисиец лишает жизни своего врага, он использует хитрость и подстерегает его, заманивая в засаду и убивая, часто нанося ужасные увечья. Криминальной чертой, свойственной женщинам этих провинций, является их пристрастие к употреблению ядов. Другие испанки открыто прибегают к насилию и наносят смертельные раны, но галисийка применяет яд тайно, намеренно выбирая своих жертв среди ближайших родственников.

Испанская колониальная империя, ныне ушедшая в прошлое, в свое время предоставила значительный контингент желтых и черных заключенных, китайцев с Филиппин и негров с Кубы. Было предосудительной практикой связывать этих иностранцев с европейскими заключенными, и это приводило к множеству бед. С китайцами часто позорно жестоко обращались. Он терпеливо переносил это, но временами, когда выходил из себя, отвечал кровожадным насилием. Историю одного негра-каторжника, довольно примечательной личности, до сих пор помнят в Сеуте. Ему нравилось несколько неподходящее женское имя Долорес, и, несмотря на свой цвет кожи, он был необыкновенно красивым мужчиной. У него была стройная, подвижная фигура, очень умное лицо и ясный, пронизывающий взгляд. Его умственные способности были высокого порядка, хотя образование он получил весьма посредственное. Он любил красивую одежду своей расы и, хотя соответствовал тюремной форме, носил ее с определенным отличием, улучшая и дополняя ее, где это было возможно, и имел вполне джентльменский вид. Он был виновен в отвратительном убийстве в Гаване, за которое получил почти бесконечный срок. Его поведение в тюрьме было упорядоченным и покорным, и он всегда проявлял преданность своим хозяевам, которые в свою очередь облегчали его участь, насколько это было возможно.

Долорес, как правило, отличалась терпеливым нравом, хотя он легко впадал в припадки буйного нрава и временами, в зависимости от того, как с ним обращались, мог быть либо львом, либо ягненком. Казалось почти непостижимым, что кроткие глаза, такие спокойные и миролюбивые, когда он был непоколебим, могли вспыхнуть внезапной яростью или что его маленькие изящной формы ручки могли смертоносно вцепиться в горло ближнего. Тирания и угнетение были для него невыносимы, и он напроць отказывался подчиняться главному хулигану тюрьмы. Его неповиновение привело к ожесточенному конфликту — дуэли на ножах, — в которой чернокожий чемпион победил, нанеся своему противнику множество глубоких ран. Своей победой Долорес заслужила также непримиримое недоброжелательство своих товарищей. Они посадили его на скамью подсудимых в углу главного барака и приговорили к смертной казни, которая, несомненно, была бы применена, если бы власти не вмешались и не оказали ему свою защиту. Его перевезли в *эль-Хачо* и поместили в одну из отдельных камер, обычно используемых для наказания неисправимых.^[22] Это стало для него фатальным. Двое носильщиков воды, принадлежавших к враждебной фракции, вошли в камеру, когда Долорес

была занята письмом, стоя спиной к двери, и, набросившись на него, нанесли ему две смертельные раны под левым плечом. В этот решающий момент Долорес проявила свою огромную силу, схватила нападавших за шеи и сломала их прежде, чем надзиратели успели вмешаться с обеих сторон. Долорес умерла, но его до сих пор помнят в тюремных анналах как одного из самых доблестных и неукротимых заключенных, когда-либо содержавшихся в пресидио.

Другим заключенным-иностранцем, которому Релосильяс отдает высокую дань уважения, был его собственный слуга-китаец, заключенный, известный как "Хуан де ла Крус, азиат". Кажется, он был неизменно верен и предан своей службе, превосходным поваром, неутомимой медсестрой, верным сторожем, который охранял его имущество и обеспечивал его уединение. Хуан обладал многими достижениями: он умел ткать шляпы с тенями из тончайшего пальмового волокна, он был так же искусен в обращении с иглой, как любая швея; он был первоклассной горничной и прачкой; он мог заработать на доллар больше, чем самая экономная домохозяйка. Он заключал самые выгодные сделки с торговцами и поставщиками продуктов питания, рыбы и дичи, которыми в изобилии снабжалась Сеута. Он был

приговорен к длительному сроку за убийство, совершенное в Гаване в отеле, главным поваром которого он был. Внешне он был моложе своих лет, высокий, худой, анемичный, близорукий, с черными как смоль волосами и раскосыми глазами. Он был человеком большого ума, драматическим автором на китайском языке и был досрочно освобожден, чтобы сопровождать генерального директора тюрем в Мадрид в качестве его повара. В конце концов он открыл фруктовую лавку в столице и очень преуспел.

Время от времени в Сеуту в значительных количествах прибывали заключенные совершенно другого класса — те, кто был сослан за политические преступления. Целый дисциплинарный батальон состоял из военных правонарушителей, среди которых было несколько артиллеристов, осужденных за восстание в Барселоне, а также толпы карлистов и тех, кто участвовал в так называемых кантональных восстаниях. Один или два политика были странными личностями, такими как старый солдат по имени "эль Кохо" (хромой человек) из Кариньены, тщеславный ветеран, очень гордившийся своими многочисленными кампаниями, в которых он служил, и который повсюду разъезжал на спине осла, будучи немощным и искалеченным. Другим был бывший юре Берраонды, бискайский священник свирепого вида, высокий, тучный, темнокожий, спышной белоснежной окладистой бородой, которая доходила ему до пояса и которую тюремный цирюльник не трогал.

Говоря в общих чертах обо всем теле, были представлены все типы характера. Некоторые, когда были при деньгах, любили изображать из себя денди в тонком белье, элегантных туфлях или веревочных сандалиях, перевязанных лентами и цветными поясами (фахас); другие, которых было больше, были грубыми и brutальными негодьями, не имевшими личных средств или слишком праздными, чтобы приобретать их трудом своих рук, сильно склонными к пьянству и очень сварливыми в выпивке. Отношение большинства осужденных - это безмолвное раздражение против всех, но особенно они ненавидят своих надзирателей и начальство; они угрюмы и неприступны по манерам, молчаливы о своем прошлом, мало расположены рассказывать о своих преступных похождениях. И все же они проявляют самые противоречивые черты. Даже когда они были виновны в самых ужасных злодеяниях, они часто демонстрируют

спокойное, невинное лицо и их мало мучает совесть. Тот, кто был известен своим покорным поведением и кто в любых неприятностях всегда вставал на сторону власти, был отцеубийцей, убившим своего отца в самых отвратительных условиях.

Этот юноша, едва достигший совершеннолетия на момент совершения преступления, добивался согласия своего отца на брак с недостойным человеком, а когда ему отказали, он отомстил, ударив своего родителя киркой по голове. Охвативший его приступ ярости к убийству вынудил его убить также осла своего отца и собаку, которая следовала за ним по пятам. Затем, утолив свой гнев, он отправился домой, казалось бы, безмятежный, и придумал какое-то ничтожное оправдание отсутствию отца. Когда был найден труп, он был арестован по подозрению, но из-за отсутствия более чем косвенных улик избежал удавки и был отправлен в Сеуту пожизненно. И все же этот негодяй не проявлял никаких внешних признаков ужасных страстей, которые иногда овладевали им, но всегда был безмятежен и обладал привлекательным выражением лица. Своим поведением он был подобен агнцу, очень внимательно относился к своим религиозным обязанностям, никогда не пропускал мессы и не отказывался от исповеди. Он был предан детям, и самым большим удовольствием для него было погладить младенца одного из надзирателей, которого он носил на руках по улицам Сеуты. Он казался абсолютно черствым и нечувствительным к уколам совести, но двумя способами показал, что его терзают угрызения совести. Когда упоминалось о его преступлении, при малейшем намеке или самом расплывчатом вопросе, в его глазах появлялся свирепый блеск, рот закрывался, рука искала нож, и он был готов совершить какой-нибудь новый акт насилия. Другим признаком его душевного расстройства было то, что он редко спал, и никогда крепко и надолго, а его ночи были нарушены стонами, глубокими вздохами и даже криками отчаяния. Тем не менее, его общее состояние здоровья было хорошим, он ел с аппетитом, хорошо поддерживал свои силы, и у него не было явных умственных отклонений. Но он, без сомнения, был сумасшедшим, и при более разумной системе юриспруденции его отправили бы в сумасшедший дом для преступников. Однако нет никаких записей о том, что в Сеуте им снова овладела мания убийства.

В Сеуте было много других типов убийц. Мужья, убившие своих жен, составляли отдельную группу. Ревность из-за реальной или воображаемой травмы приводила к мстительной жажде мести, и это чаще встречалось у крестьян, чем у высших и более образованных классов. В большинстве случаев смерть наступала насильственным путем, но один обиженный Отелло выбрал яд, радуясь острым страданиям, вызванным мышьяком. Другой, наполовину француз, перенял французский метод расчленения и, чтобы избавиться от изобличающих улик в виде трупа, разрезал его на мелкие кусочки и раздал их повсюду, но не смог эффективно спрятать. Ему были предоставлены смягчающие обстоятельства, и он уехал в Сеуту, где, как говорят, жил вполне удовлетворенно, никогда не сожалел о жестоком поступке, который отомстил за его бесчестье и сделал его вдовцом.

Сеута сама производила убийц. Смертельные дуэли происходили здесь постоянно, как и везде, и власти редко вмешивались, даже когда наступали фатальные последствия. По этому поводу Релосильяс говорит: "За четырнадцать месяцев моего пребывания в Сеуте не проходило и часа без серьезной ссоры, не было дня, чтобы кто-нибудь не был ранен, не было недели без насильственной смерти в *Квартиль Принципал*. Эти неприятности были вызваны неизменно одними и теми же причинами, допуском *aguardiente* и легкостью, с которой можно было получить ножи и смертоносное оружие — моменты, уже отмеченные и обсуждавшиеся в начале

этой главы. Напиток всегда был разливным, так как его можно было без труда достать благодаря нечестности надзирателей и неограниченному общению с горожанами. В оружии никогда не было недостатка, поскольку проверить его наличие было невозможно, поскольку ни один осужденный не остался бы без своего длинного острого ножа, готового к немедленному использованию.

ГЛАВА IX

РАЗБОЙНИКИ И РАЗБОЙНИЧИЙ ПРОМЫСЕЛ

Беспорядочное состояние Испании при восшествии на престол Изабеллы—Разбой, возведенный в организованную систему беззаконной знатью и повстанцами—Возрождение Санта—Эрмандада или Святого Братства—Это учреждение вновь возродилось в 19 веке под названием "Мигелетес"—Нападение на почтовую карету под Мадридом—Знаменитый разбойник Хосе Мария—Его дерзкие грабежи в Серрании—Его ранняя жизнь—Английские офицеры из Гибралтара схвачены и удерживаются с целью получения выкупа—Любимы и почитаемы крестьянами—В 1833 году назначен офицером Мигелетес—Разбой не вымер в Испании—Дон Хулиан де Сугасти назначен губернатором Кордовы—Методы процедуры—Знаменитый разбойник Виско эль Борхе—Его захват дона Педро де М.—Вымогают огромный выкуп—Агуа Дульче.

Разбой, форма организованного разбоя на большой дороге, практикуемая бандами воров в странах, где дороги длинные, пустынные и плохо охраняются, всегда была популярна среди латиноамериканских народов. Это соответствовало вкусам и темпераменту безрассудных людей, которые бросали вызов закону и смеялись над попыткой защитить незащищенных путников. Их активность стимулировалась длинными пустошами труднопроходимой местности, которые разделяли города, давая приют и безопасность разбойникам, которые нападали на путников легко отступали в свои скалистые крепости, спасаясь от преследования. Эти измаилиты были особенно активны в Испании и Италии, и агрессивный дух, двигавший ими, еще не полностью угас. В последние дни более устоявшееся правительство создало более эффективную полицию, но акты разбоя в его новейшем проявлении, заключающемся в "задержании" современных средств передвижения, экспрессов, велосипедов и легковых автомобилей, имели место, и можно разумно ожидать, что их число возрастет.

Разбойничество в Испании старо, как холмы, и некоторые из его самых ранних стадий заслуживают описания, прежде чем они будут забыты или заменены более новыми процессами. Мы можем оглянуться назад и составить некоторое представление о тех первых днях в Испании.

Когда католичка Изабелла взошла на трон Кастилии, ей пришлось управлять страной, глубоко деморализованной, кишасей злодеями и во власти буйной и порочной знати. Трон был объектом презрения, казна пуста, народ поражен нищетой, а князья Церкви взбунтовались и радовались большим доходам. Беззаконная аристократия, жаждущая независимой власти, сражалась за свои собственные земли или тайно сговаривалась, чтобы внушить благоговейный

страх короне. Титулованные алькальды, предатели и мятежники, открыто возвели разбой в систему, шантажом взимали дань с низших классов и вели непрекращающуюся войну с высшими. Внутри королевства появился соперничающий претендент, нацелившийся на корону. Один ближайший сосед, Алфонсу V португальский, угрожал миру в стране и держал армию на границе; другой, Людовик XI Французский, хитрый и беспринципный, постоянно угрожал войной и держал свою армию в Гипускоа.

За несколько коротких лет изменился весь облик страны. Изабелла поставила своих мятежных дворян на колени, все они просили прощения и клялись в верности; французская армия поспешно отступила во Францию; португальцы потерпели поражение и были изгнаны; претендент на трон был заключен в тюрьму, а множество высокородных преступников пострадали на эшафоте. Великие духовные лица растратили большую часть своего богатства, чтобы купить прощение, притоны грабителей подверглись нападению и были разрушены, большие дороги стали совершенно безопасными, воры и разбойники с большой дороги занялись честным трудом. Теперь доходы в значительной степени увеличились, закон соблюдался, преступления активно преследовались и строго наказывались. Если бы не ужасы и жестокости, практикуемые инквизицией, Испания наслаждалась бы нерушимым внутренним миром и всеми благами, получаемыми от общего благого правления. Эти удовлетворительные результаты были в значительной степени достигнуты благодаря отличной полиции, организованной Изабеллой и ее мужем Фердинандом. Возрождение и консолидация "Санта-Эрмандад", или Святого Братства, которое всегда существовало в сельской местности для обеспечения мира и безмятежности, но до сих пор обладало меньшими полномочиями, творило чудеса. Теперь была введена всеобъемлющая система, с помощью которой все части патрулировались хорошо вооруженными стражами закона, конными и пешими, которые проверяли, предотвращали или наказывали правонарушения. В каждом собрании из тридцати домов или более были назначены два чиновника, которые разбирались со всеми нарушителями в соответствии со строгим кодексом. Каждый пойманный вор наказывался штрафом, поркой и изгнанием пропорционально украденной сумме. За более тяжкие проступки ему отрезали уши и нанесли сотню ударов плетью, или же снова ампутировали одну из его ног и категорически запретили ездить верхом на лошади или муле под угрозой для его жизни. Смертный приговор приводился в исполнение путем расстрела из лука.

Этот древний Эрмандад был когда-то возрожден в *Мигелетах*, группе людей, организованной в начале девятнадцатого века для сопровождения частных путешественников, поскольку регулярная почта и почтовые отправления находились под защитой войск, предоставленных правительством. *Мигелеты* были полувоенным формированием, состоящим из отборных молодых людей мужественного поведения, одетых в униформу и вооруженных коротким ружьем, мечом, единственным пистолетом и веревкой, с помощью которой связывали своих пленников. *Мигелеты* взяли свое название в честь некоего Мигеля де Праца, который был лейтенантом Цезаря Борджиа. Их часто вербовали из разбойников, которым предлагали службу в качестве условия помилования при поимке, и впоследствии они вели себя превосходно. Никому с эскортом из десяти или двенадцати *мигелетов* не нужно опасаться нападения.

Почтовая карета иногда подвергалась нападениям, а в одном случае была остановлена в Альмувадиэле под Мадридом. В нем находилось несколько пассажиров, среди прочих англичанин, немецкий художник и испанец. При первом появлении разбойников стражник бросился на землю лицом в грязь, и фореиторы сделали то же самое. Когда англичанина

вызвали сдать их имущество, он отдал свой набитый кошелек и был тепло благодарен; с немецким художником жестоко обошлись бы в наказание за пустые карманы, но его пощадили, когда объяснили его бедность; испанец был пойман при попытке спрятать свои ценности в обивке кареты и чудом избежал побоев. Тренеру наконец разрешили продолжить, и на прощание лидер оркестра пожал руку англичанину и сказал, что он настоящий джентльмен, немца проигнорировали, а испанца резко отчитали за попытку "мошенничества".

К этому периоду (1825-35) относится знаменитый разбойник Хосе Мария, испанский фра Дьяволо, чье имя до сих пор помнят в "Серрании", или горной стране Ронда, и по всей Южной Андалусии, за его дерзкие грабежи и постоянное неповиновение властям. Выданный им "пропуск" или охранное удостоверение было лучшей защитой, чем любой официальный эскорт. Его могущество было настолько велико, что он был известен под гордым титулом "Эль сеньор дель Кампо" (властелин страны), и он правил в Андалусии более безраздельно, чем король Фердинанд в Испании. Путешественники платили ему подушный налог, черная почта взималась со всех общественных средств передвижения, и, как уже было сказано, он выдавал паспорта за определенную плату всем, кто решал заплатить за его защиту. Против него были посланы сильные отряды войск, но ему всегда удавалось успешно ускользать от них или противостоять им.

Хосе Мария начинал свою жизнь мелким земледельцем в деревне недалеко от Антекеры, но, не имея возможности достойно зарабатывать на жизнь, занялся более прибыльным бизнесом - контрабандой, профессией, очень почитаемой в Испании. Во время одной из своих операций он был втянут в драку с солдатами и, к сожалению, застрелил одного из них. Он сразу же бежал в горы, где вскоре был окружен другими, не менее безрассудными товарищами, такими же разбойниками, как и он сам, и стал главарем и центром банды, которая вскоре посеяла ужас по всей Южной Испании. Его штаб-квартира находилась в суровом и высоком горном районе Ронда, недалеко от маленького городка Грасалема, но он был вездесущ в своих быстрых передвижениях и пересек всю Андалусию. Сохранилась история об английском дворянине, который отправился в Испанию с явной целью познакомиться с ним, но долго и тщетно искал его в его любимых местах и, сильно разочарованный, вернулся в Мадрид. Но на дороге между Кармона и Эсиха[23] он вопрошение счастье встретиться с Хосе Мария-в человека, который вежливо поблагодарила его за комплимент, что заплатил за него в поисках интервью, в обмен на который он перешел, чтобы облегчить его господство своих ценностей, и его багаж так, чтобы он мог продолжить свое путешествие без обременения. У него было много способов взимать взносы. Один из них состоял в том, чтобы послать гонца к какому-нибудь землевладельцу, требуя крупную сумму денег и заявляя, что, если она не будет выплачена, он нападет, чтобы опустошить его земли и сжечь его дом у него над головой. Другой план состоял в том, чтобы занять пост со своей бандой, все на хороших лошадях и при полном вооружении, на большой дороге недалеко от какого-нибудь густонаселенного города и "задерживать" каждого, кто въезжает или выезжает, забирая все наличные деньги и уводя в какое-нибудь тайное убежище всех людей, которые, как известно, обладают средствами.

Английские офицеры, входившие в состав гарнизона Гибралтарской скалы, не избежали взысканий Хосе Марии. Однажды группа стрелков в лесу недалеко от Гибралтара подверглась внезапному нападению и попала в плен, но после первой неожиданности они оказали сопротивление, и один разбойник был ранен. Жизни всех них были в опасности, но были спасены благодаря убеждению Хосе Марии, что они будут более ценны как пленники, за

которых будет получен большой выкуп, чем как трупы. Соответственно, один из участников отряда был отправлен на Скалу за деньгами, в то время как остальные были задержаны в качестве заложников до его возвращения в определенный час на следующий день. Посыльного предупредили, что если будет предпринята попытка спасения, все заключенные будут немедленно уничтожены. Он добрался до Скалы после выстрелов, но вскоре ворота были специально открыты, чтобы впустить его, деньги были собраны, не без труда, и переданы разбойникам в срок, достаточный для освобождения пленников. Некоторое время спустя английским офицерам было запрещено въезжать в Испанию, за исключением случаев, когда их было достаточно, чтобы вызвать неповиновение разбойников. Совсем недавно (1871 г.) два джентльмена, уроженца Скалы, были похищены и содержались под стражей до тех пор, пока не был выплачен крупный выкуп.

Хосе Мария правил страной почти десять лет. Секрет его длительной безнаказанности можно проследить в том факте, что многие местные власти, находясь под влиянием страха или заинтересованности, были в сговоре с ним, и что все крестьянство желало ему успеха; поскольку он никогда не притеснял их, а помогал и защищал их контрабандные операции, в которых почти все они, так или иначе, участвовали, противостоя регулярным войскам, его очень любили и почитали. На самом деле его считали героем, ибо такая жизнь, дикая и полная приключений, где много добычи и нет тяжелой работы, обладает удивительной прелестью в глазах жителей нижних андалузий, которые никогда толком не понимали *законовмеума* и *туума*. Как долго Хосе мог бы продержаться у власти, сказать невозможно, но, как и некоторые другие великие личности, он предпочел отречься от престола. В 1833 году он заключил свои собственные условия с правительством королевы, согласившись распустить свою банду при условии получения *индульто*, или прощения за все прошлые проступки, и оплачиваемого назначения офицером Мигуэлетес, или "полиции". Ему недолго пришлось заниматься этим честным делом, поскольку вскоре после этого, пытаясь обезвредить нескольких своих бывших товарищей, укrywшихся на фермерском доме, он был застрелен, когда распахивал дверь.

При всех своих плохих качествах, Хосе обладал несколько искупительным характером. Среди них были его доброта к пленным женщинам, его щедрость к бедным и его снисходительность, поскольку он часто удерживал свой отряд от актов насилия и иногда проявлял определенное рыцарское благородство характера, которого вряд ли можно ожидать от грабителя. Лично он был очень маленького роста, едва ли выше пяти футов, с кривыми ногами; но он был крепким, сильным и деятельным и смелостью, решительностью и талантом компенсировал свои физические недостатки. Его успех и продолжительный контроль, который он осуществлял над беззаконниками, составлявшими его банду, доказали, что он владел сложным искусством командования. Его храбрость действительно вошла в поговорку. В качестве примера сообщается, что однажды он отважился предстать перед премьер-министром в Мадриде и осмелился оскорбить его в его собственном доме.

Разбойничество в Испании не исчезло полностью, хотя оно больше не существует в прежних масштабах, когда горные перевалы и небольшие дороги были наводнены бандами разбойников, возглавляемыми дерзкими и беспринципными вождями, которые останавливали путешественников, шантажировали землевладельцев и похищали крестьян, которых они удерживали, чтобы получить выкуп, часто за значительные суммы. В наши дни, если рыцарей дороги все еще можно время от времени встретить, то по большей части это жалкие воришки, стремящиеся украсть небольшие суммы у бедняков, возвращающихся с рынка, или, в редких

случаях, ограбить какую-нибудь одинокую повозку и ее незащищенных пассажиров. Они относятся к типу старомодных *сальтеадорес*, или "прыгунов", названных так потому, что они выпрыгивали из-за скалы и внезапно бросались на свою жертву со старым повелительным криком "*Бока абахо!*", "*Бока а тьерра!*", "*Лицом вниз!*". Рот к земле! Крик все еще может быть услышан, и он означает беду, когда за ним, как и в старые времена, следует дуло ружья, торчащее из кустов в каком-нибудь узком проходе или ущелье. Они тоже отважны, эти испанские дорожные агенты, готовые при необходимости сражаться, а также грабить, подавлять сопротивление и встречать представителей закона их собственным оружием. Рассказывают историю об одном дерзком негодяе, Рулло де Занкайро, который в 1859 году убил алькальда своей деревни, и за ним последовали двоегражданских стражей. В конце долгой погони они подошли слишком близко к зарослям кустарника, когда один из них был застрелен, а беглецу удалось скрыться.

В 1870 году разбой был повсеместным явлением по всей Испании, но сердцем и центром его была провинция Андалусия, где повсюду были филиалы и разветвления организаций, сеявших смятение и опасения среди всех мирных людей. Это было в период междуцарствия, последовавшего за революцией, свергнувшей королеву Изабеллу с трона. Ни для кого не было безопасности. Респектабельные землевладельцы не осмеливались посещать свои поместья или проживать в них из-за страха нападения, опасаясь грабежа с применением насилия или ареста их личности, и они постоянно получали письма с угрозами, требуя выкупа неприкосновенности за выплату значительных сумм. Дороги были более чем когда-либо небезопасны, поезда и дилижансы неоднократно задерживались, и небольшие группы путешественников или одинокие путники наверняка подвергались контрибуции. Утверждалось, что *guardias civiles*, прекрасная сельская полиция, больше не действовала, но была отстранена от своих законных обязанностей лидерами политических партий, находящихся у власти. Так много горьких жалоб, так много возмущенных требований о защите достигли центрального правительства в Мадриде, что власти решили покончить с разбоем сильной рукой. Был назначен новый губернатор Кордовы, человек энергичный и решительный, наделенный всеми полномочиями для очищения провинции от ее головорезов.

Выбор пал на дона Хулиана де Сугасти-и-Саенса, который был членом кортесов и работал гражданским администратором, сначала губернатором Теруэля, где он восстановил порядок в период серьезных беспорядков, и Бургоса, где он раскрыл грандиозный заговор против правительства. Когда Зугасти взялся за эту задачу, настало время принять энергичные меры. Не было никакой безопасности для жизни или имущества, поскольку крупномасштабные грабежи совершались как в городе, так и за его пределами. Зажиточных граждан хватали на улицах и уводили в секвестр; фермеры и земледельцы были вынуждены делиться своей продукцией, своим урожаем и своими стадами с напавшими на них разбойниками; полиция была бессильна или слишком напугана, чтобы вмешиваться в интересы честных людей. Царящая анархия и широко распространенное беззаконие были позором для любой страны, называющей себя цивилизованной. Зугасти проделал огромную работу по восстановлению порядка и обеспечению безопасности в беспокойных районах. Вся история довольно подробно рассказана в его книге "Бандолеризм",^[24] в которой разбой в Испании рассматривается с самого начала, описывая основные подвиги бандитов.

С самого начала он столкнулся с крайне сложной ситуацией. Большое количество преступлений было совершено безнаказанно. Многие из их исполнителей были полностью

скрыты от властей, в то время как другие были прекрасно известны. Толпа шпионов всегда была начеку и готова, то ли из жадности, то ли чтобы выслужиться, предоставить обильную информацию о лазейках, открывающихся для попыток совершения преступлений. С другой стороны, *гражданская гвардия* была сильно обескуражена и слишком малочисленна для

от них ожидали выполнения обременительных обязанностей. Судьи были нечестными и, как было известно, брали взятки, обычная полиция была вялой, почти бесполезной и в целом презируемой. Полная реформа системы отправления правосудия была крайне необходима, поскольку сила и авторитет закона были полностью подорваны.

Новый губернатор был беспомощен и ограничен со всех сторон. Его обращения к правительству за поддержкой были встречены весьма холодно, и ему приходилось полагаться на те скудные средства, которые были у него под рукой. Он тщательно изучил характер всех сотрудников полиции и уволил всех с сомнительной репутацией. Он установил систему снабжения *гражданской гвардии* на всех участках фотографиями преступников, находящихся на свободе, которых они могли опознать и арестовать, и настоял на строгом пересмотре выдаваемых разрешений на ношение оружия, разрешающих это делать только уважаемым людям. Запрет был распространен на все виды ножей, многие из которых были хорошо известным смертоносным оружием. Жилища всех злодеев, о которых он слышал, были разгромлены, включая ферму, которая стала называться Сеута, потому что она приютила толпу бывших заключенных, сбежавших заключенных, которые стремились возобновить свои грабежи, присоединившись к планам и проектам других.

Эти активные меры вызвали резкое возмущение и энергичное сопротивление всех злодеев, которые зашли так далеко, что добивались смещения губернатора, и более чем в одной газете было ложно объявлено, что он подал в отставку. Катастрофическим последствием стало немедленное возрождение разбоя в различных формах. Лошади и крупный рогатый скот были снова украдены на открытой местности, был взломан дом в городе Эстадо и изъята крупная сумма наличных денег и ценных бумаг, а также много ценных драгоценностей. В то же время десять заключенных совершили побег в полном составе из тюрьмы этого города. На большой дороге между Посадасом и Вильявисьосой семеро вооруженных мужчин ограбили девятнадцать путешественников, а еще у одной группы хватило наглости похитить девятилетнего ребенка и требовать за него выкуп. Полиция и доброжелательно настроенные люди были сильно обескуражены, *гражданская гвардия*, которая за короткое время оказала отличную услугу по поимке более ста заключенных, ослабила свои усилия, в то время как муниципальная полиция, на счету которой было сорок поимек, также держала их за руку. Вся ситуация значительно обострилась, и преступность набрала силу. Но Зугасте оказался на высоте положения, публично опроверг сообщение о своей отставке; правительство опубликовало комплиментарный указ, одобряющий его поведение, и его преследование правонарушителей было продолжено с удвоенной энергией. Естественно, он навлек на себя жесточайшую враждебность и постоянно подвергал свою жизнь опасности. Он получал анонимные письма, содержащие самые кровожадные угрозы, и его друзья предупреждали, что они вряд ли смогут поддержать или защитить его. Ничуть не смутившись, он настоял на своем, храбро и мудро организовал ассоциацию, подобную "Регуляторам" диких дней в Западных штатах Соединенных Штатов, для патрулирования страны и обеспечения общей безопасности,

и нанял большой отряд агентов тайной полиции, чтобы они бродили по стране, пристально наблюдая за подозрительными лицами, путешествуя всеми поездами, патрулируя все дороги, посещая таверны в бедных кварталах, переодевшись, входя в тюрьмы и завоевывая доверие сокамерников. Сам Зугасти провел долгие периоды в различных тюрьмах, наблюдая, расследуя и допрашивая известных преступников.

О тщательности его действий можно судить по выбору, который он сделал среди своих агентов. Одним из самых полезных был мальчик-идиот, чья слабоумие смягчалось некоторыми проблесками здравого смысла, и кто прошел совершенно незамеченным теми, за кем он шпионил. Его глупые разговоры и повадки обеспечили ему свободный доступ в кафе и клубы, где над ним смеялись и обращались как с задницей, которой щедро раздавали еду, выпивку и неограниченное количество сигар. У него был дар оставаться бодрым, хотя казалось, что он крепко спит, его уши всегда были напряжены, чтобы уловить компрометирующие факты, которые открыто упоминались при нем. Кроме того, у него была потрясающая память, и он редко забывал услышанное, сохраняя все, чтобы предъявить позже, когда будет присутствовать при встрече с губернатором. Таким образом, Зугасти часто узнавал о преступлениях почти сразу после их планирования и мог без промедления выследить их исполнителей. Однажды таинственное преступление было раскрыто, поместив идиота в одну камеру с двумя подозреваемыми действующими лицами, которые полностью поверили в слабоумие своего сокамерника и неосторожно раскрыли истинную суть всего этого дела.

The Ладрон ан гранде, "главарь разбойников" во главе многочисленной банды, все еще встречается, хотя и редко представляет тип знаменитого Хосе Марии. Эти лидеры встали под командование своих незаконных собратьев силой превосходящей воли, и им без колебаний повиновались, и они с безрассудной преданностью следовали за ними в постоянном совершении преступлений. Один или два известных экземпляра сохранились до наших дней, и некоторые сведения о них можно почерпнуть из недавних записей.

Виско-эль-Борхе долгое время наводил ужас на мирных жителей северной Андалусии. Первоначально он был офицером *карабинеров*, "таможенного" полка Испании, но был, по его собственному мнению, несправедливо уволен и оказался лишенным средств к существованию. Опускаясь все ниже и ниже, шаг за шагом он стал изгоем, измаильтянином, охваченным лютой ненавистью ко всем социальным установлениям, поднявшим руку на каждого человека. Он начал заниматься контрабандой, но вскоре дело пошло еще хуже, следуя испанской пословице: —

"De contrabandista e ladron

No haymas que un escalon."

"От контрабандиста до вора всего один короткий шаг", - и Виско быстро преодолел это узкое пространство и стал отъявленным преступником. Он вел войну против закона и порядка с постоянно возрастающим безрассудством и все более дерзкими выходками. Его сильный личный характер, его железная воля, его безграничное мужество и отвага дали ему огромное влияние на людей, которые собрались вокруг него и которые служили ему с величайшей преданностью и безграничными усилиями. Можно довольно подробно процитировать один из его подвигов, демонстрирующий его методы и успех, который обычно сопутствовал им.

Некий землевладелец, дон Педро де М., чьи поместья находились по соседству с горной деревней Захрита, имел обыкновение бесплатно поставлять быков для развлечения жителей деревни на ежегодный праздник их святого покровителя. Всегда можно найти тореадоров-любителей, которые принимают участие в представлении *novillos*, или игре с молодыми быками. Дон Педро, как и многие представители его класса, также был *поклонником*, любителем боя быков, и он любил сам выбирать животных из своих стад, проверяя сначала их характер и склонности к так называемому спорту *тавромакия*. Он был занят этим с помощью своего управляющего и пастуха и спешил вместе с управляющим, чтобы обойти стадо, когда раздался злобный крик: "*Бока абахо!*" - и они оказались под прицелом ружей трех разбойников, которые подкрались к ним незамеченными. Сопротивление было безнадежным, хотя они также были вооружены, поскольку их ружья висели у седел их лошадей, которых они вели на всю длину поводьев, и любое враждебное движение вызвало бы убийственный огонь. Шанс вскоре был упущен, поскольку один из грабителей быстро завладел и лошадьми, и ружьями. Захват был завершен, и похитители продолжили уносить свою добычу.

Все снова сели на лошадей по приказу вождя отряда, который возглавил их, и отряд двинулся гуськом по узкой горной тропинке, а вооруженный эскорт замыкал шествие. Они направились прямо в верхнюю часть сьерры, избегая часто посещаемых троп, пока не достигли густых зарослей, где был объявлен привал и вперед выслан разведчик. После обмена сигналами свистом подъехали еще девять всадников, двоим пленным было приказано спешиться, их глаза были плотно забинтованы, и они были предупреждены, что их жизни зависят от беспрекословного подчинения полученным приказам. Затем марш возобновился. Дорога постоянно вела вверх, становясь все более и более неровной и обрывистой, пока из-за полного отсутствия кустарника и спотыкания лошадей они не поняли, что взбираются по гористой местности. Был объявлен еще один привал, все снова спешились, и пленников повели пешком по узкому проходу, который, судя по гулким звукам и спертости воздуха, очевидно, проникал далеко вглубь холма. Вскоре она открылась в обширную пещеру, вероятно, давно заброшенные выработки какой-нибудь древнеримской шахты. Здесь с них сняли бинты, и дон Педро увидел, что находится в присутствии трех бандитов, которые первыми взяли его в плен. В пещере не было ничего, кроме нескольких пустых коробок, на одной из которых горел огонек - мерцающий фитиль в блюде с маслом. В качестве сиденья дону Педро предложили другую ложу, достали письменные принадлежности, и ему было предложено написать под диктовку следующее:—

"Дорогой отец, я нахожусь во власти "Секвестраторов", которые строят хорошие планы и крепко связывают себя узами брака. Это безумие — пускать правительство по их следу - они сбегут, а вы потеряете своего сына. Ваша секретность и ваши деньги могут сразу освободить меня. Вы можете отправить серебро через Диего, нашего управляющего, который доставит это. Пусть он появится на горе между Грасалемой и Эль-Боске верхом на белом осле и привезет десять тысяч долларов".

Здесь заключенный остановился и наотрез отказался требовать столь крупную сумму, заявив, что выплата ее его братьям означала бы лишение их наследства и что он не имеет права требовать, даже когда на карту поставлена его жизнь, больше, чем его личная доля как члена большой семьи. Это был справедливый аргумент, и он настаивал так стойко, что разбойник с удовольствием снизил требование до шести тысяч долларов. Затем письмо с изложением этих условий было составлено, подписано и доставлено Диего, которому было велено как можно скорее добраться до Хереса, и поскольку уже рассвело, ему не составило труда найти дорогу.

Дона Педро радушно приняли. Был вскрыт бурдюк с вином (*боррача*) и подан обильный ужин. День прошел во сне, но с наступлением темноты поход возобновился. Пленнику снова завязали глаза, и утомительное паломничество с остановками днем и путешествием ночью в течение трех ночей подряд возобновилось. В одном случае казалось, что он был близок к спасению. Раздался крик "Цивилес! Цивилес!" - сигнал тревоги о близком приближении столь страшных *гражданских стражей*. Был немедленно отдан приказ готовиться к бою. Бандиты сомкнули свои ряды, отправили своего пленника в тыл и заняли позицию для открытия огня. В суматохе дон Педро, остро ожидавший избавления, которое казалось таким близким, сумел приподнять повязку на глазах настолько, чтобы осмотреться. Отряд стоял на узком выступе горного склона, вверху прямой утес, внизу отвесный обрыв: движение вперед или назад было возможно только в одиночку. Тем временем нарастающий стук копыт выдавал приближение врага, все ближе и ближе, и разбойники, перегородившие узкую дорогу, надеялись застать их врасплох и, перестреляв, обеспечить их отступление. Но вид первой лошади показал, что это была ложная тревога. Это были не "*Гражданскиелица*", а "*Контрабандисты*", контрабандисты, а не полицейские, друзья, а не враги. Длинную вереницу животных, тяжело нагруженных товарами, за которые не было уплачено никакой пошлины, вели через горы. Надежды дона Педро рухнули, когда он услышал обмен дружескими приветствиями: "*С добрыми пожеланиями ночи!*" с одной стороны и "*Вайян устедес с богом*" с другой; "*Спокойной ночи!*" и "*Ступайте с Божьей помощью*", и грабители освободили место для безопасного проезда контрабандного поезда.

На третий день пришло известие, что власти настороже и будет небезопасно встречать гонца, возвращающегося на своем белом осле. Поэтому было назначено еще одно свидание. Отцу дона Педро было предложено отправить половину всей требуемой суммы Грасалеме, а другую половину мужчина на белом осле отвез в уединенное место среди холмов. Отец лично отправился в долгое путешествие из Хереса в Грасалему, нагруженный тремя тысячами долларов наличными, благополучно добрался до места назначения, но оставался там еще пару дней, терзаемый неизвестностью. На третье утро к нему подошел мужчина, ведущий за собой пони, нагруженного рулонами грубой коричневой ткани, произведенной в Грасалеме, и, проходя мимо, сказал себе под нос: "Следуйте за мной". Разносчик направился к маленькой лавке портних, где была выставлена на продажу та же ткань, и, спешившись, прошел в заднее помещение, где в ожидании сидел другой мужчина, тоже разносчик. Это был сам Виско эль Борхе, который сразу же попросил денег, предъявив пенал дона Педро в качестве удостоверения личности. Доллары были зашиты для сохранности в вьючное седло пони, который привез старика, и их извлекли, пересчитали и передали. Виско немедленно вскарабкался на груду ткани, которую несла его собственная лошадь, и смело выехал из города.

Тем временем Диего, управляющий на белом осле, с оставшимися тремя тысячами долларов терпеливо слонялся по горному логову, к которому его направили, и наконец встретил пастуха у въезда в деревню, который велел ему ехать дальше, пока он не встретит женщину, одетую в черное, сидящую у колодца. "Она спросит вас, который час, и вы ответите, что двенадцать часов, после чего она проводит вас к месту, где вас ожидают". Это была пещера в холме, и там его встретил его молодой хозяин Дон Педро, живой и невредимый. Деньги были переданы, но освобождать никого не разрешалось до тех пор, пока не пришло известие о доставке другой половины, когда заключенных проводили по знакомой им тропинке и они могли свободно вернуться домой. На следующий вечер они въехали в Ксерес после пятнадцатидневного плена.

Конец "Виско эль Борхе" был таким, какого и следовало ожидать. Он был застрелен *гражданской гвардией*. Долгое время он держал свою жизнь в своих руках, и ему не раз удавалось спастись на волосок от гибели, всегда спасаясь благодаря своей отваге и находчивости. Наконец власти получили достоверную информацию о его местонахождении, полученную путем предательства, и он был выдан. Он доблестно оборонялся, но его отступление было отрезано, и вскоре он был побежден. Когда он упал, его тело было пронзено пятью винтовочными пулями.

Другим типом разбойников был Агуа Дульче, который действовал в гораздо меньших масштабах, но долгое время наводил ужас на окрестности Хереса. Он был подлым, презренным негодяем, который охотился на угольщиков, бедных путешественников, носильщиков и рабочих, возвращавшихся домой со своим трудом заработанным жалованьем. У него был один единственный шанс спастись. После получения необычно крупной суммы, эквивалентной 600 фунтам стерлингов, все в мелких монетах, он был пойман при дележе этих денег с двумя сообщниками в винном магазине. Последовал его арест и тюремное заключение. Когда Агуа Дульсе потребовали отчитаться за хранение золота, он объяснил, что получил его в ходе коммерческой сделки в Севилье и был доставлен в этот город для суда, где был оправдан, хотя в его виновности мало кто сомневался.

В течение многих лет он продолжал свои разбои, совершая по большей части мелкие кражи. Время от времени он совершал дерзкие перевороты, как, например, когда, угрожая испортить табун ценных кобыл, вымогал три тысячи долларов у дамы, разводившей лошадей. Он вымогал тысячу долларов у другого землевладельца, используя ту же угрозу, а третий джентльмен, который решительно отказался поддаваться шантажу и которому принадлежало большое стадо ослов, нашел их всех с перерезанными глотками лежащими у большой дороги. Когда его злодеяний стало слишком много, муниципальная гвардия Гореза поклялась положить ему конец. Была организована погоня по горячим следам, и его нашли у брода возле леса, принадлежащего герцогу Сан-Лоренцо, где его поймали прячущимся среди деревьев. Двое охранников открыли огонь, который был ответным, в результате чего один охранник был убит и один грабитель. Агуа Дульче, который все еще был жив, проник в укрытие, и снова и снова происходил обмен выстрелами, закончившийся уничтожением разбойника.

Более поздний случай с разбойниками произошел на Гибралтаре в 1870 году, когда два джентльмена, уроженца Скалы, любившие охотиться и совершать длительные поездки верхом по окрестностям, попали в засаду и были взяты в плен. Их увезли в уединенный дом на холмах близ Ронды и задержали ради выкупа, который был передан британским правительством через губернатора Гибралтарской крепости и в конечном итоге возвращен испанскими властями. После того, как деньги были выплачены, *гражданская гвардия* перехватила грабителей и застрелила их.

ГЛАВА X

ЯРКАЯ СТРАНИЦА ТЮРЕМНОЙ ИСТОРИИ

Замечательные результаты, достигнутые полковником Монтесиносом в президио Валенсии—Монтесинос ремонтирует и реконструирует тюрьму трудом заключенных—Его система обращения—Период—Поразительный успех в исправлении преступников—Заключенным доверяют конфиденциальные депеши во время гражданской войны—Вооружены для отражения нападения повстанцев на тюрьму—Наняты для охоты на разбойников—Движение за тюремную реформу в 1844 году—Три тюрьмы нового образца, запланированные для Мадрида—Казни—"Гаррота"—Отчет о суде и казни Хосе де Рохаса—Камера для осужденных в Саладеро—An Описание англичанином казни в Испании.

Читатель, ознакомившийся с этим подробным описанием испанских пенитенциарных методов, осознал ужасающие недостатки испанских тюрем, ужасные обычаи, постоянно царящие в их стенах, явно неизлечимый характер преступников, которые регулярно их заполняют, и у него могут возникнуть обоснованные сомнения в возможности определенного и существенного исправления. Однако верно обратное, причем в самой явной и поразительной степени, если мы хотим верить зафиксированным фактам. В одном случае личный характер одного человека, подкрепленный его непоколебимой решимостью и проявлением твердой и негибкой воли, привел большую массу заключенных в замечательное состояние самообладания и хорошего поведения. Эта история читается как сказка, изложенная в современных хрониках. Один из наиболее интересных отчетов можно найти в книге путешествий, озаглавленной "Испания как она есть", некоего мистера Хоскинса, в которой он излагает свои личные наблюдения за результатами, достигнутыми в тюрьме Валенсии просвещенной администрацией ее начальника, полковника Монтесиноса. Нашей оценке его работы должен предшествовать краткий рассказ о самом этом человеке.

Монтесинос был солдатом, обученным владению оружием, чье образование и опыт были исключительно военными. Ранее он не был знаком с тюремными системами и не имел представления о них, хотя много путешествовал по многим странам. Он никогда не посещал и не инспектировал их пенитенциарные учреждения и не проникал ни в одну тюрьму в своей родной Испании. Он служил в испанской армии, начиная с четырнадцати лет курсантом, активно участвовал в войне за независимость и был угнан в качестве пленного во Францию. Выйдя на свободу после заключения мира, он получил должность в секретариате Военного министерства в Мадриде, где оставался в течение пяти лет. Затем начались политические неурядицы, которые закончились падением конституционного правительства в 1823 году и капитуляцией Кадиса. Вместе со многими другими солдатами и гражданами он покинул Испанию и скитался по Европе и Америке, не имея четкого представления о том, чтобы ознакомиться с законами и обычаями других стран, но приобретая знания и широту взглядов. По возвращении в Испанию, когда ему было около сорока лет, он был назначен начальником каторжной тюрьмы в Валенсии.

Монтесинос приступил к исполнению своих обязанностей с твердым убеждением в первостепенной важности военной дисциплины, в том пассивном и беспрекословном подчинении власти, в абсолютном подчинении индивидуальной воли, в полном подчинении многих единой воле одного вышестоящего начальника, что, по его мнению, является сутью всякого личного правления, особенно в тюрьме. Насаждение такой дисциплины было единственным эффективным методом обеспечения хорошего порядка и должного подчинения грубых и, возможно, непокорных элементов под его командованием. В этом он полностью преуспел и установил необычайное влияние на своих подопечных. Он стал автократом, но в

лучшем смысле этого слова; его заключенные покорно и без колебаний подчинились его контролю, стремясь завоевать его расположение своим образцовым поведением и неизменным желанием вести себя хорошо. Что он на самом деле сделал со своими подопечными, как ему удалось изменить саму их природу, превратить нарушителей закона и злодеев в честных, заслуживающих доверия людей, успешно обуздывая их дурные инстинкты, лучше всего можно понять из нескольких странных фактов, которые, если не подтверждены положительно, были бы сочтены невероятными. Но прежде чем рассказать об этих удивительных результатах, было бы неплохо несколько подробно описать процессы, принятые им, и принципы, по которым он действовал.

Когда полковник Монтесинос был назначен начальником валенсийской монастырской тюрьмы, она располагалась в древнем средневековом здании, известном как "*Торрес де Куарте*", две башни по бокам от больших ворот, ведущих в пригород, известный как "*Эль Куарте*". В этом полуразрушенном здании, построенном в пятнадцатом веке, содержалось около тысячи заключенных, согнанных вместе в несколько темных, грязных, неухоженных и небезопасных камер, совершенно непригодных для проживания людей. Они располагались на нескольких этажах, соединенных узкими проходами и извилистыми лестницами, под которыми находились глубокие подземные подвалы, разделенные на темные зловонные подземелья, в которых всегда было влажно из-за проникновения из городской канавы и куда не поступали ни солнечный свет, ни свежий воздух, чтобы высушить влажный тротуар и протекающие стены. Монтесинос сразу понял, что провести реформы в таком здании невозможно, и он усердно трудился, чтобы переехать в лучшие помещения, добившись, наконец, после долгой переписки, нового помещения в монастыре Св. Августин, который действительно был немногим лучше. Здесь здания также пришли в упадок. Большая часть была без крыши, полов почти не было, а множество разбитых окон и обветшалых стен создавали многочисленные возможности для побега. Капитальный ремонт был необходим, но средств не хватало, поскольку испанское правительство было обложено огромными налогами, чтобы покрыть расходы на гражданскую войну (карлистскую), которая сейчас была в самом разгаре. Тем не менее Монтесинос, энергичный и неутомимый, сам по себе хозяин, перевел своих людей, тысячу заключенных с опасным характером, в их новое жилище и поручил им работу по ремонту и реконструкции старого здания. Он намеревался добиться успеха, опираясь на свою собственную безграничную энергию, создавая средства из своих собственных природных ресурсов, и был поддержан готовым откликом тех, кого он подчинил своей неукротимой воле.

Все трудности отступали перед его сильным духом. Он был воплощением активности, и достаточно было взглянуть на него, чтобы подтолкнуть к усердным усилиям. Его личные черты и их влияние на окружение так описывает его биограф Винсент Буа— "Не может быть сомнений в том, что его воинственный вид, его высокая фигура и выражение лица, смесь властного приказа с большой добротой и проницательной оценкой волевых усилий, оказали заметное влияние на его людей, и осужденные, которые когда-то были принуждены и ведомы страхом наказания, гораздо охотнее поддавались его моральной силе. Его очевидная решительность и сила характера добились от них большего, чем угрозы или наказания, хотя, если бы возникла необходимость, он был достаточно готов обратиться к сильной руке. Они признавали его превосходство, и грубые недисциплинированные люди, вполне способные восстать против власти, когда ее неконтролируют или слабо удерживают, подчинялись самому легкому его слову, как дети своему отцу. Они уступили, несмотря ни на что, абсолютному выполнению его самого незначительного желания, не нуждаясь в остром взгляде или сердитом слове".

Будет интересно проследить за процедурой Монтесиноса. В соответствии с его системой лечение было прогрессивным и делилось на три периода: первый - период цепей; второй - период труда; и третий - период условного освобождения. Этот порядок в некоторых отношениях сродни так называемой "ирландской" системе, которая практиковалась много лет назад с заметным успехом.

(1) Ношение кандалов в то время было обычным явлением в Испании, хотя сейчас эта практика вышла из употребления. В случае с Монтесиносом правилом было налагать кандалы разного веса в зависимости от продолжительности приговора. Мужчина двух лет нес их весом в четыре фунта; мужчина четырех лет - в шесть фунтов, в то время как между шестью и восемью годами они весили по восемь фунтов. Они состояли из одной цепи, прикрепленной к кандалам на правой лодыжке, в то время как другой конец был прикреплен к поясному ремню - метод, который, как предполагалось, не доставлял больших неудобств. У Монтесиноса период их ношения был непродолжительным. Оно закончилось в тот день, когда осужденный подал прошение о постоянном трудоустройстве, поскольку при первом приеме, после того как он вошел в первый двор, который был украшен садовыми цветами и пением множества птиц в клетках, висевших повсюду, вновьприбывшему не дали работы. Он оставался на станции праздным и молчаливым, потому что никакие разговоры не разрешались, хотя он общался с другими, и если он задавал вопрос соседу, то не получал ответа. Усталость и скука вскоре проявились в этот период первого испытательного срока, и осужденный стремился пройти его дальше. Он обратился к своему офицеру, который посоветовал ему искать работу в какой-нибудь профессии. "Я не знаю ни одного". "Тогда запомни одно, ты не сможешь избавиться от своих кандалов никаким другим способом". Если осужденный колебался, его старательно предоставляли самому себе, несчастного и пристыженного, поскольку его состояние считалось позорным. Он не мог высоко держать голову, потому что широкая пропасть отделяла его от других, избежавших цепи. Он был отмеченным человеком, его избегали и над ним насмехались, и от него требовали со второго дня выполнять позорную и унижительную работу, такую как подметание, уборка и так далее. Они были илотами и мусорщиками тюрьмы. Их участь была тем более невыносимой, что они были лишены многих привилегий, которыми пользовались те, кто работал на постоянной основе и кто получал заработную плату, чтобы частично тратить ее на себя. Эти обычные рабочие могли бы купить вкусную еду и сигары, которые радуют сердце каждого испанца. Тем временем губернатор внимательно наблюдал за ним, отмечая его расположение духа и то, желает ли он взяться за работу, которая приносила ему столько пользы и от которой он был бы быстро лишен, если бы не взялся за нее с усердием и неослабевающим усердием.

(2) В Валенсии был широкий выбор рабочей силы. Ремесла были разнообразными и многочисленными. Плотники, токари, шорники, сапожники, веероделы, работники по обработке травы эспарто, ткачихи шляп из пальмовой соломы, прядильщицы шелка, портные, корзиночники - все были представлены, и в общей сложности насчитывалось около сорока профессий, в которых работали семьсот ремесленников. Сегодня в этой производственной деятельности не было бы ничего примечательного, что можно увидеть в тюрьмах с хорошим управлением, но в Валенсии того времени (1835-40) это было новшеством, во многом благодаря инициативе Монтесиноса, и он мог похвастаться, что из трех тысяч заключенных едва ли четвертая покинула тюрьму, не приобретя некоторого ремесла. Не следует придавать значения точному уровню мастерства, которым обладали эти получившие тюремное образование ремесленники, и следует опасаться, что оно было не более тщательным, чем в наши последние

дни, когда тюремная администрация руководствовалась теми же принципами, что и Монтесинос. В этом суть системы тюремного обучения. Нельзя ожидать, что появятся рабочие, достаточно хорошо обученные и опытные, чтобы выйти на открытый рынок труда, как правило, перенаселенный, и конкурировать за заработную плату со свободным рабочим, прошедшим полное ученичество. Взрослым нелегко приобрести знания и ловкость в использовании инструментов, и эксперименты, проводимые неумелыми руками, сопровождаются неизбежной тратой материалов. У нас нет сведений о том, насколько сильно эти недостатки повлияли на благонамеренную практику Монтесиноса.

(3) У нас нет фактов, свидетельствующих о том, насколько успешным был третий период условного освобождения в Валенсии. Нет никакой возможности определенно узнать, действительно ли это было опробовано или вышло за рамки изложения теории, так давно опередившей нашу современную практику. Однако маловероятно, что эффективный и продуманный метод полицейского надзора, от которого он полностью зависит, существовал или даже понимался в Испании во времена Монтесиноса.

По-видимому, система Монтесиноса не дала никаких постоянных результатов. Нет никаких свидетельств того, что он пережил человека, который его создал, или что правительство стремилось распространить замечательные принципы, на которых он покоился. По сути, это была система одного человека, успех которой полностью зависел от личных качеств человека, призванного ее реализовать. Однако Монтесинос не был исключением в своем замечательном достижении. Немец Обермайер проделал почти то же самое в тюрьме Кайзерслаутерна, а капитан Маконочи на острове Норфолк проявил заметное мастерство в обращении с австралийскими заключенными. Результаты, произведенные Монтесиносом, были чуть ли не феноменальными. Он настолько развил честность своих заключенных, что мог безоговорочно полагаться на их честность и добросовестность. Во время гражданской войны он отправлял их с конфиденциальными депешами полевым командирам и никогда не имел причин сожалеть о оказанном им доверии. Они были разосланы в качестве разведчиков в поисках информации о передвижениях противника и приносили новости с пунктуальностью и оперативностью. Однажды губернатору было доставлено послание с указанием послать клерка за тысячей долларов из провинциальной казны. Монтесинос немедленно вызвал одного из своих заключенных и отправил его, прихватив с собой расписку в получении денег. Через полчаса мужчина вернулся с долларами. Всякий раз, когда заключенный сбегал из тюрьмы, что случалось действительно редко, в погоню отправлялись другие заключенные, и им редко удавалось задержать беглеца.

В свое время правительство Испании решило построить в столице новую тюрьму и задействовать на строительстве труд заключенных. Губернатору пресидио Валенсии было приказано прислать несколько заключенных, и на следующий день на рассвете они выступили в поход, взяв с собой некоторое количество снаряжения, в сопровождении небольшого отряда *sabos*, "надзирателей за заключенными", которыми командовал опытный надзиратель. Путешествие было благополучно совершено до Мадрида без малейших происшествий, без каких-либо признаков плохого поведения, проявленного в дороге, и алькальды городов по пути следования, предвидя худшие из зол, были приятно удивлены и удовлетворились размещением путешественников на ночь в частных домах, если там не было тюремных помещений. Второй подобный эксперимент был проведен в том же году.

В предыдущий раз Валенсии угрожали сильные силы карлистов под командованием этого выдающегося генерала-карлиста Кабреры, и были опасения, что он захватит большое количество заключенных, которые в то время работали на новой дороге Лас-Кабрильяс, недалеко от города. В столице почти не было войск, за исключением городского ополчения, организованного совсем недавно и едва справлявшегося с возложенными на него обязанностями и опасностями. Существовали большие опасения, что Кабрера схватит заключенных и присоединится к своим собственным силам. От Монтесиноса требовали предотвратить это, и однажды вечером он лично появился в Лас-Кабрильяс, где принял командование и увел за собой большую часть войск, счастливо избежав нападения или вмешательства со стороны противника. Поведение валенсийских заключенных было настолько лояльным, что в другой раз под руководством Монтесиноса они были вооружены и оказали сопротивление нападению повстанцев на ворота их монастырской тюрьмы во время восстания в Валенсии. Следующая экстраординарная история рассказана в официальной публикации известного поэта Дона Рамона де Кампоамора, в то время губернатора провинции Валенсия. Грозная банда разбойников опустошала окрестности Валенсии, и воцарился террор. Губернатор послал за полковником Монтесиносом и поинтересовался, есть ли среди заключенных, содержащихся под стражей, старые разбойники, которые были бы готовы искупить прошлые проступки, придя на помощь властям. Монтесинос, взявший за правило знать всех своих заключенных наизусть, их нынешнее расположение и даже их сокровенные мысли, уверенно отзывался об одном из них как о совершенно исправившемся персонаже и по просьбе губернатора поручил ему особую миссию по очистке страны. Осужденный, получив инструкции, выходил с достаточным эскортом, выслеживал разбойников, разбивал их банды, убивая или захватывая в плен всех целиком. Здесь командирское влияние Монтесиноса было первостепенным даже за стенами пресидио. Силой своей сильной воли он проявлял прекрасные качества и требовал верной службы от худших людей, которых он приучил к высокому чувству дисциплины.

Зафиксирован незначительный и более сентиментальный пример уверенности, которую он питал к своим исправившимся преступникам. Мать одного из осужденных была при смерти. Мужчину вызвали в офис губернатора и сообщили о ее отчаянном состоянии. "Вы хотите увидеть ее в последние минуты жизни?" - спросил губернатор. "Могу ли я быть уверен, что вы вернетесь, если я разрешу вам на время покинуть тюрьму?" Очень тронутый мужчина торжественно пообещал не злоупотреблять своей свободой. Ему разрешили сменить тюремную форму на крестьянское платье; он отправился без сопровождения в коттедж своей матери, получил ее благословение и вернулся в дюранс, как было условлено.

Опыт пребывания в Валенсии был уникальным и недолговечным. Были предприняты похвальные усилия по распространению принципов, на которых действовал Монтесинос, и были изданы декреты, воплощающие их и рекомендуемые для всеобщего принятия, но вскоре они стали мертвой буквой. Превосходные в теории, их успех полностью зависел от человека, который осуществит их. Второй Монтесинос так и не появился, и испанские тюрьмы продолжали демонстрировать худшие черты вплоть до наших дней.

Движение к тюремной реформе началось еще в 1844 году, когда в Мадриде были запланированы три новые "образцовые" тюрьмы, но их строительство надолго отложилось. Примерно в тот же день в Вальядолиде планировалось построить образцовую тюрьму для осужденных, но прогресс в строительстве этой и других новых тюрем был достигнут медленно, в

том числе в Сарагосе и в Каса-де-Галера в Алькала-де-Энарес. Пенитенциарное учреждение также проектировалось на острове Кабрера, напротив Кадиса. Основные усилия были сосредоточены на образцовой тюрьме Мадрида, строительство которой было начато в 1876 году после долгих дебатов. Это должно было быть совершенно новое здание, на строительство которого были потрачены все средства, которые могли быть потрачены на невозможную реформу и ремонт отвратительного старого "Саладеро". Прошло несколько лет, прежде чем началось строительство, и только в 1884 году жильцы демонтированного Саладеро переехали в новую тюрьму. По большей части это клеточная или раздельная система, при которой каждый индивид содержится строго отдельно от своих собратьев, согласно самым современным идеям, которые, как утверждается, оказали мощное воздействие на исправление правонарушителей и уменьшение преступности. Тем не менее, система все еще находится в стадии тестирования, и ее положительные результаты ни в коем случае не являются общепризнанными. Новая тюрьма является явным улучшением старой, и прежние ужасы и зверства быстро исчезают, но уединенная жизнь в одиночке таит в себе свои особые ужасы, которые почти не давят на правонарушителей, а результаты являются весьма сдерживающими, если не в значительной степени исправительными.

Что на самом деле чувствуют те, с кем обращаются, мы можем прочесть в их собственных излияниях. Литературные качества тюремных писателей невысоки, но иногда они выражают свои взгляды убедительно. Один говорит о "модели": "Если я выйду из этого тяжелого места живым, я, по крайней мере, смогу заявить, что был похоронен под землей и познакомился с могильщиками". Другой автор: "Если вы хотите узнать, на что похожа здешняя жизнь, приходите и снимайте жилье внутри. Они красивы, но любопытны, у них есть все, чтобы свести вас с ума. Здесь есть водопроводный кран, который переполняется в засуху и пересыхает в сырую погоду; носовой платок и полотенце; тарелка, таз и деревянная ложка, веник, мусорный ящик, одно одеяло и матрас с четырьмя соломинками, от которых болят все конечности: еще много вещей, но отсутствует только одна, столь необходимая, - веревка, с помощью которой вы совершаете самоубийство".

Было сказано, что худшее применение, которому может быть подвергнут человек, - это запереть его в тюрьме. Еще более расточительная расточительность - изгнать его из этого мира. Наказания, известные испанскому законодательству, были очень разнообразными; существовало множество форм тюремного заключения, бессрочное заключение, большее или меньшее задержание, ссылка, применение оков нескольких видов, наручников, кандалов, *guarda amigo* или "обнимай друга", "убеждай" или "пойдем со мной"; ножные кандалы и поясные цепи разного веса. В *maniobras infimas* применялись каторжные работы заключенных, прикованных друг к другу на общественных работах, укреплениях, гаванях и шахтах. Были применены все формы вторичного наказания, вплоть до смертной казни, причем смертный приговор является высшей мерой наказания по закону. Этот последний необратимый акт не находит одобрения у всех испанских юристов, главным возражением которых является известное утверждение, что, когда была допущена судебная ошибка, исправление ее совершенно невозможно. Испания может добавить один из многих хорошо известных случаев, таких как случай с Каллас и Лесюрком, и его можно процитировать здесь, поскольку он, вероятно, малоизвестен.

Случай произошел в Севилье и стал результатом внезапной ссоры в таверне, за которой последовала смертельная драка на ножах. Сражающиеся легли на землю и атаковали друг

друга обычным способом, когда один упал на землю смертельно раненный, а другой со своим секундантом убежал. Секундант раненого подошел посмотреть, умирает ли его доверитель или уже мертв, когда он встал и заявил, что совершенно не пострадал. Он поскользнулся на камне и упал, очевидно, из трусливого желания спастись от нападения своего противника. Второй был очень зол и оценил своего противника по достоинству. Он яростно возразил, и последовали еще одна ссора и еще одно столкновение, тоже с применением ножей, в результате которого первый мужчина снова упал и на этот раз был убит наповал своим же секундантом, который сразу же убежал. Тело лежало там, где упало, до следующего утра, когда его обнаружила полиция. История первоначальной ссоры, но ничего о второй не стало известно, и, естественно, был сделан вывод, что смерть была причинена первым участником конфликта. На первый взгляд улики против него были неопровержимыми, и он не пытался отрицать факты в том виде, в каком они предстали перед ним при аресте и предании суду. В то время закон расценивал убийство на дуэли как убийство, и жертва несла суровое наказание без протеста, считая себя виновным. Правда так и не была известна, пока настоящий преступник, спустя годы, не признался в той роли, которую он сыграл, но, конечно, слишком поздно, чтобы предотвратить судебное убийство невиновного человека. Это дело, естественно, было добавлено, чтобы придать вес многим весомым аргументам против смертной казни.

Крайним наказанием по закону в Испании в настоящее время является *гаррота*, метод удушения путем затягивания железного ошейника, заменяющий повешение, введенный королем Фердинандом VII (1820). До этого повешение производилось самым неуклюжим и жестоким образом. Палач втаскивал преступников по ступенькам приставленной к эшафоту лестницы. На определенной высоте он вскарабкался жертве на плечи и, усевшись таким образом, прыгнул вниз, а его жертва оказалась под ним. Пока они раскачивались взад и вперед, пальцы палача были деловито заняты удушением осужденного, чтобы завершить удушение. *Гаррота* - очень простое приспособление. Осужденный сидит на табурете или низком сиденье, прислонившись спиной к крепкому вертикальному столбу, к которому прикреплен железный ошейник. Когда она открывается, она охватывает его шею и закрывается и затягивается мощным винтом, приводимым в действие рычагом сзади. Смерть наступает мгновенно.

Публичные казни, должно быть, пользуются большой популярностью у людей, которые все еще наслаждаются боем быков и стекаются посмотреть на то, как люди на волосок от едва ли незаслуженной смерти от рогов свирепого зверя, замученного до безумия. Де Фореста, итальянский путешественник, [25] сообщает нам, что никогда в Мадриде не было такого большого скопления людей, как в 1877 году, когда, по оценкам, присутствовало 80 000 человек, чтобы стать свидетелями казни двух убийц, Молло и Агуллара. Форд описывает казнь в Севилье в 1845 году, когда толпа была огромной и состояла в основном из представителей низших слоев общества, из более скромных слоев, "которые очень дешево относятся к условностям общества и дают волю своему болезненному любопытству лицезреть сцены ужаса, которые сильно действуют на женщин,

которых, кажется, непреодолимо тянет лицезреть зрелища, наиболее отвратительные для их натуры, и созерцать страдания, которым они больше всего боялись бы подвергнуться", и многие из которых "в начале жизни приносили на руках маленьких детей, чтобы стать свидетелями ее

завершения". "Они хотят посмотреть, как поведет себя преступник, они сочувствуют ему, если он проявляет хладнокровие и отвагу, и презируют его за малейший признак мужественности".

Форд в своих "Сборищах из Испании" дает красочный отчет о казни грабителя с большой дороги, одного из банды уже упомянутого знаменитого Хосе Марии. Преступник, Хосе де Рохас, получил прозвище "Венено", то есть яд, из-за своих ядовитых качеств и оказал отчаянное сопротивление, прежде чем был окончательно побежден захватившими его войсками. Он упал, раненный пулей в ногу, но убил солдата, который выбежал вперед, чтобы подстраховать его. Оказавшись под стражей, он стал предателем и вызвался предать своих старых соратников и сообщить такую информацию, которая привела бы к их аресту, если бы его собственная жизнь была сохранена. Предложение было принято, и он был послан с достаточными силами, чтобы схватить их. Его имя внушало такой ужас, что все сдались, но не ему. Из-за этой придирки обещанное ему возмещение было отозвано, он предстал перед судом, был осужден и в надлежащее время казнен на площади Сан-Франциско, которая примыкает к тюрьме в Севилье и обычно используется для публичных казней.

Форд был допущен в стены и описывает Veneno "*en capilla*", небольшую комнату, выделенную как камера для приговоренных к смертной казни, у входа в которую толпились офицеры, дородные францисканские монахи и "члены благотворительного братства, собирающие милостыню с посетителей, которая будет израсходована мессами за вечный покой души преступника. Легкомыслие собравшихся снаружи составляло безжалостный контраст с мраком и ужасом меланхолического интерьера *капиллы*. В изголовье кельи был поставлен стол с распятием, изображением Пресвятой Богородицы и двумя восковыми свечами, возле которых стоял молчаливый страж с обнаженным мечом. У двери стоял еще один солдат с примкнутым штыком. В углу этого затемненного отсека лежал Венено, свернувшись, как змея, с полосатым покрывалом, плотно натянутым на рот, так что виднелась только копна спутанных локонов и блестящий темный глаз, беспокойно выкатывающийся из глубокой глазницы. Когда к нему подошли, он вскочил и сел на табурет. Он был почти обнажен, но венчик из бус свисал с его обнаженной груди и контрастировал с железными цепями, сковывавшими его конечности.... Выражение его лица, хотя и низкое и вульгарное, было из тех, которые, однажды увидев, нелегко забыть. В неверном свете его желтоватый цвет лица казался еще более трупным и подчеркивался черной нестриженной бородой, энергично растущей на полумертвом лице. Он, казалось, примирился со своей участью и повторил несколько фраз, которым учили монахи, как бы наизусть. Его ситуация, вероятно, была более болезненной для зрителя, чем для него самого, безразличие к смерти проистекало скорее из незнания ее ужасного значения, чем из высокого морального мужества".

Когда Венено вышел умирать, он был одет в грубую мантию из желтого сукна, цвет, который в Испании обозначает преступление убийства и который всегда присваивался Иуде Искарриоту на испанских картинах, а также в *цветсанбенито* или плаща покаяния, который носили жертвы инквизиции на *аутодафе*. Он шел медленно, часто останавливаясь, чтобы поцеловать распятие, подносимое к его губам духовником, монахом францисканского ордена, которого осужденный имел привилегию сам выбирать для сопровождения на эшафот. Там его встретил палач, молодой человек, одетый в черное, который начал связывать его обнаженные ноги и руки так туго, что они распухли и почернели: необходимая предосторожность, поскольку отец этого самого палача был убит, борясь с заключенным, не желавшим умирать. Венено не оказал сопротивления, но он с величайшим презрением отозвался об этом опустившемся

функционере, сказав: "*Mi delito me mata no ese hombre*" (Мое преступление убивает меня, а не это существо). Он произнес множество благочестивых восклицаний, и его предсмертным криком было: "Да здравствует Дева Сантисима". Последняя сцена была до крайности ужасной. Пока священник стоял рядом, "обрюзгший тучный мужчина, больше занятый тем, чтобы заслонить лицо от солнца, чем в своем призрачном кабинете", грабитель сидел с выражением агонии на лице, скрежеща стиснутыми зубами. Палач взялся за рычаг винта обеими руками, собрался с силами и туго затянул железный ошейник, в то время как слуга накинуд на лицо черный носовой платок. Судорожное сжатие рук и вздымание груди были единственными видимыми признаками угасания духа осужденного.

После паузы в несколько мгновений палач осторожно заглянул под носовой платок и, еще раз провернув винт, снял его, осторожно положил в карман и принялся раскуривать сигару. Лицо мертвеца было слегка искажено судорогой, рот открыт, глазные яблоки вывернулись из орбит от удара гаечным ключом. Теперь перед эшафотом были установлены черные носилки с двумя фонарями, укрепленными на шестах. Также был вынесен небольшой столик и блюдо, на которое снова собирали милостыню, чтобы отдать ее священникам, отслужившим мессы за упокой его души.... Тело оставалось на эшафоте до полудня. Затем его бросали в мусорную тележку *ипрегонеро*, или обычный глашатай, неподсудный городу, отвозил его к квадратной платформе, называемой "меса дель Рей", королевскому столу, где его должны были четвертовать и разделать на куски. Здесь неуклюжий палач и его помощники разделили тушу на куски".

Камера для осужденных в Саладеро была частью тюремной часовни, в которой испанский каторжник провел последние двадцать четыре часа жизни, и представляла собой ужасную и мучительно-отвратительную дыру. *Капилла* описана де Форестой, который видел ее накануне отмены смертной казни. Она была узкой, сырой, темной, без окон и освещалась только одной или двумя маленькими свечами, горевшими на алтаре, который занимал большое пространство, заполняя всю стену. В углу, отделенном черными железными перилами от остальной части часовни, находилось небольшое помещение, оборудованное кроватью или каменной полкой с кольцами, к которым крепились цепи осужденного, и где он становился на колени поближе к решетке, чтобы поговорить со служащими священниками или исповедаться им. Часовня была тускло освещена висячей лампой и одной или двумя восковыми свечами. Ее стены и пол были влажными, и свет и воздух проникали только через дверь. Это отвратительное логово носило название *эль-конфортадор*, или "место комфорта".

Другой путешественник приводит следующий наглядный отчет о казни в Испании: —

"В семь мы оказываемся в толпе прямо под стенами тюрьмы. По обе стороны от *площади* выстроены большие отряды войск, и на ней присутствует довольно большое количество зрителей мужского пола. Через несколько минут на стене появляется скорбный кортеж. Первым идет палач, испанский ремесленник, жилистый парень, несущий моток веревки; затем идет очень толстый падре, вооруженный дубинкой и во весь голос выкрикивающий молитвы; за ним следует осужденный, который идет в тюремной робе, с обнаженной шеей и связанными руками, сжимая в руках крест и выглядя буквально посиневшим от страха; еще пара священников и двое вооруженных часовых завершают группу, которая выстраивается вдоль стены, преступник в центре. Ужасная сцена затянулась надолго. Толстый падре выкрикивает *Аве Мария*, увещевания и молитвы, неистово размахивая в воздухе своей дубинкой и заставляя несчастного повторять за ним. Затем он заключает его в объятия и, усаживаясь на стулья друг напротив друга,

накрывает их большим черным покрывалом, которое держат священники-статисты; под ним они некоторое время остаются совершенно неподвижными, пока бедняга изливает душу и изливает груз своих преступлений на ухо своему духовнику.

Нервы зрителей напряжены до предела во время ужасной паузы, о чем свидетельствует воцарившаяся гнетущая тишина и тревожные взгляды, устремленные на эшафот. Наконец покров снят, и палач приступает к делу. Преступника сажают у вертикального столба, к которому он крепко привязан; *гаррота*, механизм, состоящий из железного ошейника, приводимого в движение мощным винтом и длинным рычагом, тщательно надевается ему на шею, на лицо набрасывается маленький носовой платок, и все готово. Священник возобновляет крик, в то время как палач, готовясь к могучему усилию, внезапно поворачивает рукоятку два или три раза с быстротой молнии; голова жертвы опускается, колени и руки дрожат в течение нескольких секунд, и все кончено. Священники и часовые удаляются, Калкрафт заглядывает под платок и, рывком сорвав его, немедленно исчезает, оставляя ужасный труп на всеобщее обозрение. Это тошнотворное и отвратительное зрелище: лицо багрового оттенка, язык высунут и капает слюной на грудь; прохожие содрогаются, войска маршируют под веселый бой барабанов, и толпа медленно расходится. Я делаю быстрый набросок тела и возвращаюсь в отель, полностью удовлетворенный тем, что, если бы не жестокое состояние неизвестности, в котором держат преступника перед казнью, наказание в виде *удавки* было бы гораздо милосерднее и быстрее, чем менее быстрая смерть через повешение в этой стране".

Профессия палача не дает права тем, кто ею занимается, на самые высокие почести, хотя во Франции в случае с Сансонами это была наследственная должность, на которой сын сменял отца на протяжении многих поколений, и семья очень гордилась своими обязанностями. В Испании *вердуго* ни в коем случае не является популярной личностью. Де Фореста, итальянский путешественник, которого уже цитировали, рассказывает нам, что в нескольких городах он видел человека отталкивающего вида, который разгуливал с походным стулом под мышкой, и его обычно избегали. На запрос ему сообщили, что это был тот самый джентльмен, который применял *гарроту*. Ему было строго запрещено садиться в кафе или в любом другом общественном месте, отсюда и складной табурет, на который он садился, когда уставал. Никто не узнал его и не обратился к нему ни с единым словом. Комментарий Де Форесты по этому поводу - это история французского палача, который, когда его вызвали в Ниццу гильотинировать преступника, не смог найти, где преклонить голову. Его прогоняли из каждой двери, ему отказывали в еде, и он был вынужден питаться тем, что удавалось найти в привокзальном ресторане, и он провел ночь, расхаживая взад и вперед по платформе. Возможно, не всем известно, что в Англии палачу предоставляется питание и ночлег в тюрьме, где его жертва ожидает, когда с ней "покончат".

СНОСКИ:

1. [1] Леа. История инквизиции. Т. I., стр. 299.
2. [2] История инквизиции.
3. [3] Графы Сан-Лукар были наследственными алькальдами Трианы, и в обмен на сдачу замка им было даровано звание Альгуасиль-майора инквизиции. Это стоило 150 000 мараведи в год, и

владелец офиса предоставил заместителя. Мараведи, когда-то имевшая определенную ценность золотая монета, в последнее время стоила всего 3/8 цента.

4. [4] Ланглуа, "Расследование по следственным таблицам" (1902), цитируется Ванкандардом (перевод Конвея, 1908).
5. [5] Леа. История инквизиции в Испании. Т. II. с. 526.
6. [6] Леа. История инквизиции в Испании. Том. III.
7. [7] *Trampazo* в точности означает "крайнее натягивание веревок": *ультима лас вуэльтас, что означает дан ан эль торменто де лас куэрдас*.
8. [8] Леа. История инквизиции в Испании. Том IV.
9. [9] "Уголовная жизнь в Испании" Рафаэля Салильяса, Мадрид, 1888.
10. [10] См. *сообщение*, стр. 161.
11. [11] Релосильяс, "Четыре месяца в Сеуте".
12. [12] "Четыре месяца в Сеуте".
13. [13] Кандалы не носят осужденные, даже те, кто приговорен к заключению "в цепях", *con la cadena*. Они считались вмешательством в усилия и мощь рабочего.
14. [14] *Catorce Meses en Ceuta*, Malaga, 1886.
15. [15] Я видел точно такое же оружие в английской тюрьме для каторжников, созданное злонамеренным заключенным, который использовал его при нападении на своего офицера.
16. [16] В официальном отчете, датированном 1888 годом, приводится в общей сложности 221 заключенный во всех учреждениях, поступивший в больницу с ранами, переломами и ушибами, полученными в тюрьмах.
17. [17] См. *ante*, стр. 159 кв.
18. [18] См. *ante*, стр. 159.
19. [19] Релосильяс.
20. [20] "Vida Penal en Espana."
21. [21] См. *ante*, стр. 128.
22. [22] См. *ante*, стр. 194.
23. [23] Этот город Эсиха известен в истории испанского разбоя как родина "Семи сыновей Эсихи", очень дерзкой и опасной банды, о достижениях которой рассказал испанский писатель Фернандес-и-Гонсалес.
24. [24] "Социальное и историческое бандольерство" дона Хулиана де Сугасти. Мадрид, 1876.

25. [25] La Spagna; Da Irun a Malaga, by Adolfo de Foresta, Bologna, 1879.

Примечания переписчика:

Исправлены незначительные пунктуационные и типографские ошибки.